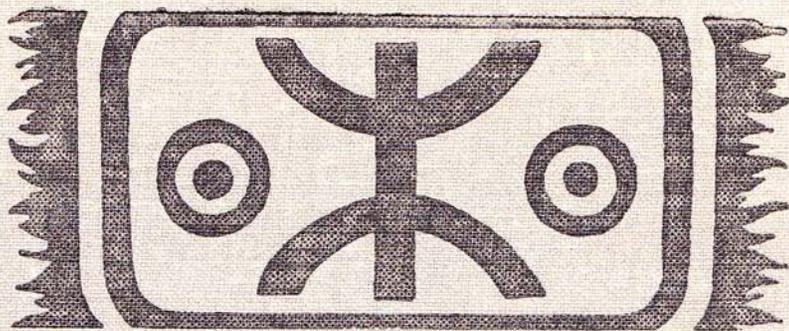

63.5(2) КР
Л59

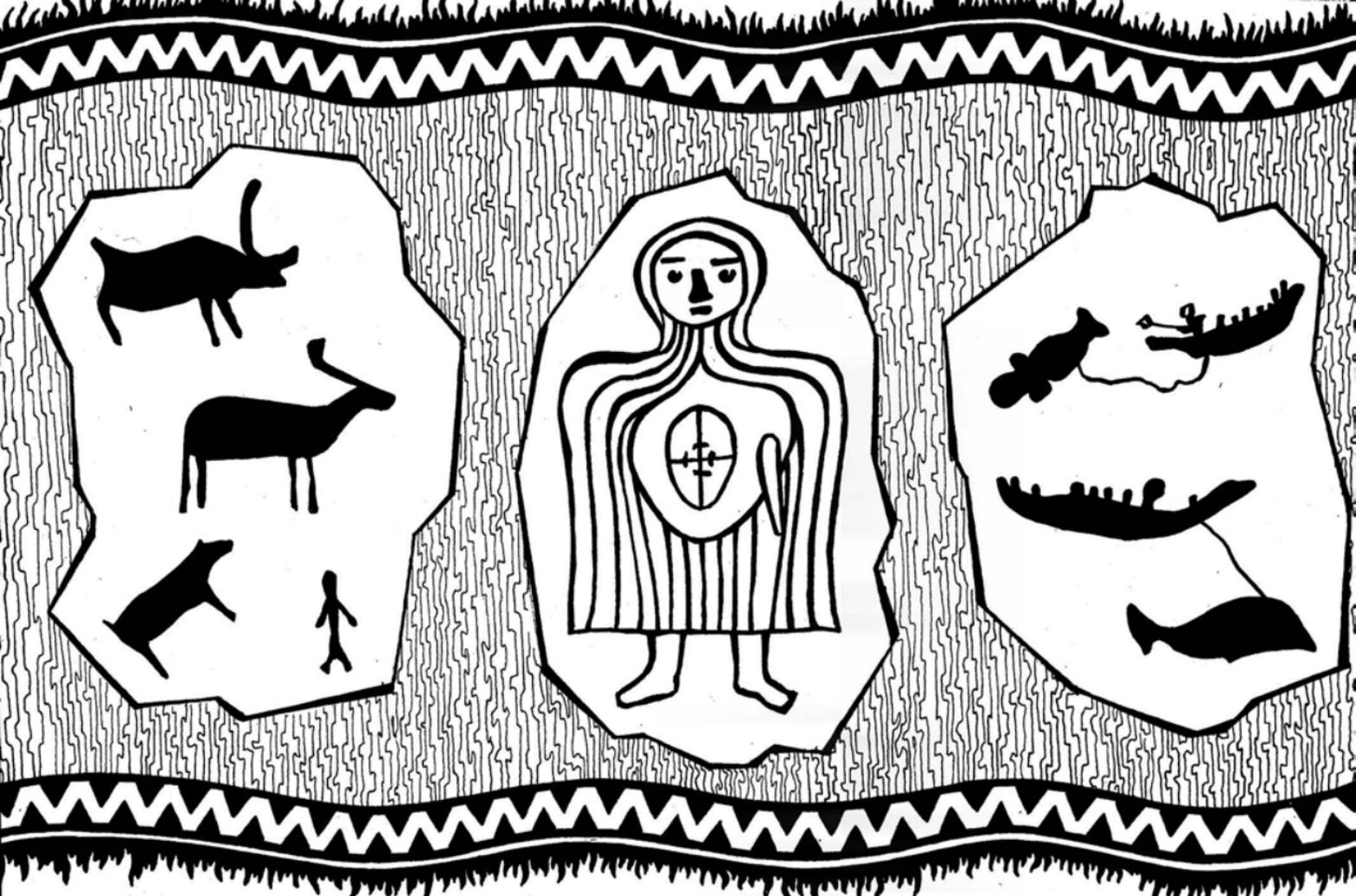
Я. И. ЛИНДЕНАУ

**ОПИСАНИЕ
НАРОДОВ СИБИРИ**

(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА)

63.5(2P5)
Л59

Я. И. ЛИНДЕНАУ

ОПИСАНИЕ
НАРОДОВ СИБИРИ
(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА)

*

Историко-этнографические
материалы
о народах Сибири и Северо-Востока

*

Магаданское
книжное
издательство
1983

СПР Ч/В

~~АБОРАМЕНТ~~

МАГАДАНСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Хвостовая ЦБС
Магаданской обл.

Перевод, подготовка текста, примечания и предисловие
кандидата исторических наук

З. Д. ТИТОВОЙ

Редактор переводов доктор филологических наук
Н. М. Александров

Под общей редакцией доктора исторических наук
И. С. Вдовина

Рецензенты:

Н. Н. Диков, доктор исторических наук, член-корреспондент АН СССР,
В. В. Леонтьев, кандидат исторических наук

Линденау Я. И.

Л59 Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этногр. материалы о народах Сибири и Северо-Востока /Пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. З. Д. Титовой; под общ. ред. И. С. Вдовина.— Магадан: Кн. изд-во, 1983.— 176 с., ил.— (Дальневост. ист. б-ка).

70 к.

Я. И. Линденау — участник Второй Камчатской экспедиции (1733—1743 гг.) провел большую самостоятельную этнографическую работу по изучению отдельных народов Сибири и Северо-Востока. Его историко-этнографические материалы представляют большую научную ценность, как свидетельство очевидца, опытного собирателя народных преданий, умело использовавшего архивные источники и опросные показания. Большая часть этих материалов публикуется впервые.

Книга предназначена для специалистов, исследующих вопросы истории и этнографии народов Сибири и Северо-Востока, а также для краеведов.

Л 58-010 40-83
М—149(03)-83

63.5(2P5)

Предисловие

Яков Иванович Линденау по праву считается выдающимся участником Второй Камчатской экспедиции (1733—1743 гг.). И хотя он был зачислен в экспедицию как копист и переводчик при И. Э. Фишере, он фактически провел большую самостоятельную работу по изучению народов Сибири и Северо-Востока, показав себя человеком большой энергии, прилежания и трудолюбия.

Собранные и систематизированные по определенному плану¹ богатые историко-этнографические сведения Линденау о ряде народов этого региона имеют большое научное значение, поскольку его материалы могут рассматриваться как надежное свидетельство очевидца, опытного собирателя народных преданий, умело использовавшего архивные данные и опросные показания отдельных лиц.

Частично материалы Линденау использовались авторами XVIII—XX вв.², но полностью их содержание оставалось неизвестным широкому кругу исследователей — этнографам и историкам Сибири и Севера.

Вместе с тем до настоящего времени жизнь и дела Я. И. Линденау изучены недостаточно, а биографические сведения о нем имеют значительные пробелы.

Впервые краткие биографические сведения о Я. И. Линденау были сообщены

¹ Работая над составлением описаний, Линденау руководствовался программой, полученной И. Э. Фишером от Г. Ф. Миллера. Как можно судить по содержанию, программа Миллера предназначалась не только для Фишера, а и для более широкого использования. Она включала шесть параграфов, каждый из которых состоял из ряда статей или пунктов. Параграф шестой «Об описании нравов и обычаев народов» включал 923 вопроса начиная от физического типа, языка, религиозных представлений до мельчайших интимных явлений домашнего быта. Этот параграф на немецком языке был опубликован Д. А. Клеменцом в «Сборнике Музея антропологии и этнографии» (СПб, 1900, т. 1, с. 37—83). В целом программа Миллера остается неопубликованной. Перевод этнографической части программы на русский язык под заголовком «Показание, каким образом при описании народов, а паче сибирских поступать должно» хранится в Центральном государственном архиве древних актов (в дальнейшем ЦГАДА), № 508. 140 л.

² Pallas P. Neue Nordische Beyträge, 1781, Bd. 1, s. 245—248; Пекарский П. П. История Академии наук.— СПб, 1870, т. 1, с. 618; Материалы для истории Академии наук.— СПб, 1885, т. 1, с. 624; 1890, т. 6, с. 489; Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга.— М.— Л., 1946, с. 48, 51; Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах XVII — первая половина XVIII в.— М., 1950, с. 11, 155; История Академии наук СССР (1724—1803).— М.— Л., 1958, т. 1, с. 128; Косвен М. О. Этнографические результаты Великой Северной экспедиции. 1733—1743.— Сибирский этнографический сборник, 1961, т. 3, с. 203—204 — (Тр. Ин-та этнографии... Новая серия, т. 64); История Сибири. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России.— Л., 1968, с. 104, 291, 346, 347, 349; Иванов В. Ф. Историко-этнографическое изучение Якутии XVII—XVIII вв.— М., 1974, с. 107—114.

в 1938 г. А. М. Золотаревым³, который использовал рукописи Линденау о тунгусах, сообщив при этом некоторые данные об исследователе и охарактеризовав его деятельность в Сибири. Позднее известный советский историограф А. И. Андреев⁴ значительно расширил биографические сведения Золотарева о Я. И. Линденау материалами, найденными в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР.

Дополнительные сведения о Линденау находим в книге Л. А. Гольденберга⁵, который неизвестными до сих пор данными заполнил пробел в жизни путешественника до 1737 г. и сообщил новую дату его рождения⁶. Наконец, составитель данной работы нашел в письмах Линденау в Академию и Сенат, в журналах и протоколах Сената⁷ и в Ленинградском отделении Архива Академии наук⁸ дополнительные сообщения о его трудах во время путешествия.

Таким образом, имеющийся в нашем распоряжении материал дает возможность составить довольно полное представление о деятельности и трудах Линденау в составе Второй Камчатской экспедиции.

Яков Иванович (Jakob Johann) Линденау, швед по национальности, родился в Москве (точно год рождения неизвестен: по одним источникам около 1700 г., по другим — 1710 г.). Детство провел в Лифляндии, где позже обучался латинскому языку, арифметике и бухгалтерии. До 1730 г. служил бухгалтером в г. Пернове, а в 1730-м отправился за границу, посетив Любек, Гамбург и другие места. В 1731 г. служил в Дерпте, а потом приехал в Петербург, где в 1737 г. содержал школу «для наук и обучения детей»⁹.

В марте 1737 г. был зачислен в воеводскую канцелярию Правительствующего Сената переводчиком с жалованьем 100 руб. в год. В Сенате он прослужил, как сам сообщает, до июня 1739 г., а в июле того же года был принят на службу в Академию наук, тоже в качестве переводчика с немецкого и латинского языков, с окладом 300 руб. в год¹⁰. 25 июля 1739 г. Линденау по личной просьбе был зачислен в состав Второй Камчатской экспедиции на должность копииста со званием переводчика. 3 октября он вместе с И. Э. Фишером, к которому был прикомандирован, отправился

³ Золотарев А. М. Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII в. — Историк марксист, 1938, № 2, с. 63—88.

⁴ Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2. XVIII в. (первая половина). — М.—Л., 1965, с. 9, 286—310.

⁵ Гольденберг Л. А. Каторжанин — сибирский губернатор: Жизнь и труды Ф. И. Соймонова. — Магадан, 1979, с. 243—246.

⁶ До сих пор из многих источников XVIII—XIX вв. — протоколов Академии наук, писем Э. Лаксмана, биографа Линденау В. Лагуса, из статьи А. М. Золотарева, книги А. И. Андреева и др. — было известно, что Я. И. Линденау родился около 1700 г., так как в 1790 г. ему был 91 год, а умер он в 1795 г. — 95 лет. Следовательно, год его рождения мог быть 1699—1700, не позднее. По сведениям Л. А. Гольденберга, Линденау родился в 1710 г. Автор установил эту дату из «Послужного списка прапорщика Линденау» (ЦГАДА), где указано, что в 1753 г. Линденау «от роду сорок четвертый год». Послужной список Линденау опубликован С. М. Троицким в кн.: Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973, с. 317.

⁷ ЦГАДА, 1737, № 274/2153.

⁸ Архив АН. Лен. отд-ние (в дальнейшем — ЛОААН СССР), ф. 3, оп. 1, № 812, 812а, 813.

⁹ Гольденберг Л. А. Указ. работа, с. 244.

¹⁰ ЛОААН СССР, ф. 3, оп. 1, № 812, л. 41—42.

в сибирское путешествие¹¹. С Фишером Линденау доехал до Сургута, а затем его взял к себе Г. Ф. Миллер, с которым Линденау ездил в Березов. По возвращении в Тобольск Линденау временно остался при Миллере для переписки программы, составленной Миллером для Фишера.

Только 27 сентября 1740 г. Линденау выехал из Тобольска к Фишеру в Иркутск, откуда они должны были ехать на Камчатку.

Перед тем, как выехать из Тобольска, Линденау направил через Академию наук челобитную в Сенат, в которой просил увеличить ему жалованье вдвое и присвоить ему чин, так как во время поездки с Фишером выполнял работу, не предусмотренную контрактом¹². Получив челобитную Линденау 28 марта 1741 г., Академия 8 апреля направила ее в Сенат со своим заключением, что считает преждевременным поднимать вопрос об увеличении жалованья и награждении, а говорить об этом можно будет только по окончании контракта. Сенат вернул прошение и предоставил Академии самой решать дело. Линденау был послан ответ с отказом¹³.

Из Иркутска 14 мая 1741 г. Линденау выехал на Качуг, чтобы следить за подготовкой там судна для дальнейшего плавания по Лене до Якутска. Судно было готово, и они с Фишером прибыли в Якутск 14 июля 1741 г. Описание пути по р. Лене, а также впадающим в нее рекам было закончено Линденау в том же 1741 г.¹⁴ Оно составлено по обычному типу географических описаний, принятому в Камчатской экспедиции. Кроме того, находясь в Качуге, Линденау собрал материал о бурятах, который позднее оформил в виде специальной статьи¹⁵.

Находясь в Якутске, Линденау весь 1741 г. работал самостоятельно, собирал сведения о Якутии и якутах, результатом чего явилась справка о том, что было сделано по изучению Якутии в области географии и этнографии.

Ввиду сложившихся плохих отношений между Фишером и Линденау и медленного хода путешествия последний стал просить Фишера отпустить его одного в Охотск для подготовки предстоящего отъезда на Камчатку. Согласие Фишера было получено, и Линденау 27 июля отправился сухим путем из Якутска в Охотск, куда прибыл 14 сентября. Описанию этого путешествия (из Якутска в Охотск) посвящена особая работа Линденау¹⁶, ценная не только в своей географической части, но также и наблюдениями автора об общих условиях жизни этой части Якутии XVIII в.

По приезде в Охотск Линденау, по его словам, «трудился во всем по своей возможности и не пропустил никакой случай». Он несколько раз писал Фишеру в Якутск: торопил его с приездом в Охотск, советовал добираться до Юдомского Креста водой, чтобы скорее быть в Охотске. Фишер медлил с приездом, и в результате судно, отплывающее на Камчатку, ушло без Фишера и Линденау. Поездка на Камчатку не состоялась.

Оставаясь в Охотске, Линденау продолжал начатую работу по описанию берега

¹¹ ЛОААН СССР, ф. 3, оп. 1, № 813, л. 131—132.

¹² Там же, № 812; л. 20—20 об.

¹³ Андреев А. И. Указ. работа, с. 288.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 199, № 511, ч. II, д. 1, л. 1—14.

¹⁵ Lindenau J. Beschreibung von der Buraten, oder so genannten Brazki, welche 1745 auf der Reise von Katschaga nach dem Baikal gesammelt, nebst von denen Kischtimischen und Barabinischen Tataren.— ЦГАДА, ф. 199, № 511, ч. 1, д. 6, л. 1—22.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 199, № 511, ч. 1, л. 1—29.

Пенжинского моря к «осту» от Охотска, к Таую и дальше¹⁷. Выполнив все поручения Фишера и отправив в Академию рапорт 30 ноября 1742 г., Линденау обратился в Охотскую канцелярию с просьбой направить его в Тауйский и Ямский остроги для описания коряков. Разрешение было получено, но выехать из Охотска Линденау смог только 8 декабря. 3 января 1743 г. он прибыл в Тауйск, а 7 февраля уже был в первых корякских поселениях на р. Сиглан. Там Линденау жил до 21 февраля, затем поехал к «средним корякам», где оставался до 3 марта, а от них направился в Ямский острог, куда прибыл 4 марта. Из Ямска выехал обратно 7 марта и в апреле 1743 г. прибыл в Охотск. Во время путешествия Линденау составил описание пути от Охотска до Ямского острога¹⁸, а затем и «Описание коряцкого народа»¹⁹.

Узнав в Охотске об аресте Фишера и оставшись таким образом без руководителя, Линденау решил просить указаний о дальнейшей работе у Стеллера, который в это время находился на Камчатке. В письме ему Линденау сообщал о своем путешествии в Тауйский и Ямский остроги и о своем намерении ехать в Якутск, куда и прибыл 9 августа. Уже в Якутске был получен ответ от Стеллера и инструкция о тех работах, которые Линденау надлежало выполнить по изучению народов, кочевавших на Северо-Востоке Сибири, прежде всего удских тунгусов. И хотя поручение Стеллера не было предусмотрено контрактом с Академией, Линденау в рапорте от 28 сентября 1743 г., направленном в Академию²⁰, выразил готовность отправиться в Удский острог, но не раньше лета 1744 г. Оставшееся до отъезда время Линденау потратил на сбор сведений об Удском остроге. Он обратился в Якутскую воеводскую канцелярию с просьбой допустить его к просмотру дел об этой части Охотского побережья и прислать к нему людей, бывших в тех местах²¹.

В Удский острог Линденау отбыл 18 июня 1744 г.²² 24 июня он прибыл на Амгу, где с трудом переменял лошадей, и 1 июля направился дальше. 11 июля прибыл на Алдан. От урочища Чепанги Линденау ездил вверх по Алдану до устья Учюра и описал те места; по возвращении в Чепангу отправился дальше и 10 сентября прибыл на р. Уду. Здесь Линденау оставался до 26 февраля 1745 г., когда на нартах и лыжах отправился обратно. «А шли от Удского острога до реки Билира,— писал он,— пешком и имели нестерпимые нужды и голод, и ежели б на Сенге реке кониной пропастины не нашли, то, конечно, до Алдана не дойти»²³. От реки Билира на лошадях приехали в Якутск 8 апреля. Об этом он доложил рапортом Стеллеру²⁴. Условия работы в Удском остроге были очень неблагоприятными: местный сборщик Семен Парамонов «никакого вспоможения не учинил, но ради своя корысти учинил всякое воз-

¹⁷ К этому времени относится его работа о «пеших тунгусах, или так называемых ламугах»: *Lindenaу J. Beschreibung der Peschie Tungusen, oder so genannte Lamuten, zu Ochot. 1742.* Там же, № 511, ч. 2, д. 5, л. 1—51. (Со словарем.).

¹⁸ *Lindenaу J. Reise Beschreibung von Ochot bis Jamskoi ostrog. 1742.*— ЦГАДА, ф. 199, № 511, ч. 1, д. 3, л. 1—53.

¹⁹ *Lindenaу J. Beschreibung der Koräcken, ihrer Sitten und Gebräuchen, welche unter ihnen selbstgesehen und durch Nachrichten erfahren. 1743.*— Там же, № 511, ч. 2, д. 6, л. 1—37.

²⁰ ЛОААН СССР, ф. 3, оп. 1, № 800а, л. 217а.

²¹ Там же, ф. 21, оп. 5, № 103, л. 21.

²² Там же, ф. 3, оп. 1, № 812, л. 418—419.

²³ Там же, л. 419 об.

²⁴ Там же, № 800а, л. 396.

можное в делах препятствие»²⁵. Все кончилось тем, что местные служилые и тунгусы к Линденау не приходили, и ему пришлось тратить деньги, чтобы собрать нужные сведения. Так как ему чинили препятствия, то Линденау ускорил свой отъезд, хотя и не выполнил всего предписанного ему инструкцией Стеллера. Но и то, что он успел сделать, выглядит достаточно солидно. Он описал реки Алдан и Уду, дал характеристику местности по берегу моря от р. Тугур до р. Амур, собрал сведения о Шантарских островах²⁶ и составил описание удских тунгусов²⁷.

Вскоре по прибытии в Якутск Линденау получил повторный приказ Академии о возвращении в Россию, присланный в Якутскую воеводскую канцелярию еще в феврале 1745 г., когда Линденау был на р. Уде. Линденау решил отправиться в обратный путь, так как Стеллер, которого он теперь считал своим начальником, уже выехал из Якутска. Встреча Линденау со Стеллером состоялась в Иркутске 13 ноября 1745 г. Из Иркутска Линденау выехал в конце декабря того же года, а 21 августа 1746 г. он прибыл в Петербург²⁸.

Уже 24 августа 1746 г. он подал рапорт в Академию с просьбой принять от него «учиненные разным городам, путям, рекам и народам описания»²⁹. К рапорту был приложен реестр всех «дел», которые Линденау сдавал, их было 7, а 6 «дел» он еще оставил у себя для исправления. В Петербурге Линденау в течение нескольких месяцев не получал дальнейшего назначения. В декабре 1746 г. он обратился с новым «почтеннейшим доношением», в котором вновь напоминал о себе, о всем том, что ему пришлось делать в Сибири. Кстати, он указал, что, будучи «определен» в экспедицию «для одного перевода и копирования профессорских дел», он «не токмо вышеозначенную должность правил, но, что по указам и по инструкциям Академии приказано было чинить, оное, сколько мне одному без всякого вспоможения возможно было, исправлял и был в разных нужных местах, от чего моею ревности принял многие смертельные случаи и голод, а именно на море, в коряках, на Юдоме реке, из Якутска до Торума и обратно, от которых неотменных беспокойств, голоду и лыжной ходьбе, от чего и здоровья лишился»³⁰.

Отметив далее, что во всех этих трудных обстоятельствах ему приходилось тратить свои средства и терять собственное имущество, он писал, что «возвратился суды с немалыми неоплатными долгами, платить которые нечем, но сверх того з домашними своими претерпеваю самую крайнюю нужду»³¹.

17 декабря 1746 г. состоялось постановление Канцелярии о том, что «ввиду отсутствия в Академии подходящего дела отослать Линденау в Сенат с рекомендацией»³².

В 1747 г. Линденау был за его труды в экспедиции награжден Сенатом чином прапорщика и, согласно его желанию, откомандирован в Москву в Сибирский при-

²⁵ ЛОААН СССР, ф. 3, оп. 1, № 812, л. 419 об.

²⁶ ЦГАДА, ф. 199, № 511, ч. 2, д. 7, л. 1—57.

²⁷ Lindenaу J. Beschreibung der Tungusen, welche zu Udskoi ostrog sind und sich in der Gegend aufhalten 1744 und 1745.— Там же, № 511, ч. 2, д. 9, л. 1—47.

²⁸ ЛОААН СССР, ф. 21, оп. 5, № 103, л. 43 об.— 45.

²⁹ Там же, № 813, л. 142—143.

³⁰ Там же, л. 130—132.

³¹ Там же, с. 132.

³² Там же, с. 142.

каз³³, а оттуда послан в Иркутск для использования по его способностям. Приехав в Иркутск в 1748 г., он до 1750 г. служил управителем в Балаганском остроге, затем с 1750 по 1758 г.— в Иркутской канцелярии, где работал главным образом по делам счетоводства и ревизии счетов. В 1762 г. он послан в Нерчинск для производства следствия по соляным делам, в 1763 г. служил в Иркутске по тем же соляным делам. В 1764 г. Линденау приехал в Москву в главную соляную контору по делу о своем жалованье и для подачи в Сенат прошения об отводе ему земли. В этом прошении, выявленном М. О. Косвенем в ЦГАДА³⁴, Линденау просил в награду за его долговременную и безупречную службу закрепить указом в вечное безоборочное владение за ним землю на р. Осе, где он уже жил³⁵.

В этот же приезд в Москву, как свидетельствует Эрик Лаксман³⁶, Линденау привез с собой составленный по распоряжению бывшего сибирского губернатора «экстракт» на русском языке из написанного еще в 1746 г. «Описания от Якутска до Удского острога и к Амуру».

О последующей деятельности Линденау в Восточной Сибири мы знаем очень мало и в основном от корреспондента Академии Эрика Лаксмана, который жил в Иркутске и занимался изучением минералогии и флоры Сибири. В письме, присланном в Академию 19 марта 1785 г., Лаксман обращал внимание Академии на тяжелое положение 87-летнего Линденау, проживавшего в Балаганске в большой бедности, и просил оказать ему помощь. В помощи было отказано, так как у Академии на это не было средств³⁷. В 1790 г. Лаксман писал И. А. Эйлеру из Иркутска и сообщал, в частности, что из участников Второй Камчатской экспедиции в живых остался один, старый 91-летний прапорщик Якоб Линденау... и «он теперь находится у меня и еще читает и пишет без очков, ходит пешком во все концы города, работает на своей мельнице. Только в прошлом году немного притупились его острый слух. Несколько лет тому назад я обращался с просьбой о небольшой пенсии для него, но напрасно. Итак, он вынужден на закате своих дней жить в бедности и нужде»³⁸.

В последние годы своей жизни Линденау, живя на р. Осе, добывал себе пропитание ломкой селитры в ущельях около Балаганска. Лаксман, часто бывавший в тех местах, предлагал почтенному старцу «даровую квартиру и стол у себя дома в Иркутске»³⁹. Но Линденау отказался. Здесь, на р. Осе, в 1795 г. его постигла страшная смерть — «он, 95-летний, вместе со своим жилищем, со всеми бумагами и записками, сделался добычей пламени»⁴⁰.

Обращаясь к результатам работы Линденау в Сибири, нужно сказать, что он действительно внес значительный вклад в исследование Северо-Востока России. Человек «неутомимого прилежания», большой энергии и трудолюбия, он оставил 18 описаний

³³ Действительно в Сенате сохранилось дело об отсылке Линденау в Сибирский приказ. — ЦГАДА, ф. Сената, № 807, л. 814.

³⁴ ЦГАДА, ф. 263, 5-го Департамента Сената, кн. 17, л. 1—1 об., 3—5.

³⁵ Косвен М. О. Указ. работа, с. 202.

³⁶ Лагус В. Э. Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка.— СПб., 1890, с. 183—184.

³⁷ Протоколы заседания конференции Академии наук.— СПб., 1900, т. 3, с. 814.

³⁸ Раскин Н. М., Шафрановский И. И. Эрик Густавович Лаксман: Выдающийся путешественник и натуралист XVIII в.— Л., 1971, с. 156.

³⁹ Лагус В. Указ. работа, с. 185.

⁴⁰ Там же.

путешествий, в том числе 6 специально историко-этнографических работ⁴¹. Кроме порученных ему этнографических описаний охотских «пеших тунгусов», или «ламугтов», как их называл сам Линденау, и удских «тунгусов», исследователь по собственной инициативе отправился в Тауйский и Ямский остроги для описания коряков, а также успел составить большую работу о якутах⁴², дать описание бурят и барабинских татар, написать историко-этнографическую справку о юкагирах⁴³.

Остановимся несколько подробнее на его этнографических работах. Детальное ознакомление с ними свидетельствует о том, что Линденау был хорошим наблюдателем и ревностным собирателем материалов, к тому же обладал и лингвистическими способностями. Об этом свидетельствуют не только имеющиеся в его работах многочисленные туземные слова и словари (в рукописях — об удских «тунгусах» и охотских «ламугтах»), но и тексты шаманских камланий на местных языках. К последним сам же Линденау дает и русский перевод, который, к сожалению, очень несовершенен и трудно понимаем. В качестве примера помещаем в книге часть перевода записи якутской песни-заклинания на празднике ысыах (рис. 1). Как мы уже говорили, Линденау в своей работе руководствовался программой Миллера и старался ответить на все сформулированные в ней этнографические вопросы. Поэтому его описания составлены по единому плану. Правда, в некоторых из них материал разбит на части или параграфы, в других такое деление отсутствует.

По полноте и обстоятельности следует выделить работы о якутах, охотских «ламугтах», удских «тунгусах» и коряках. Описания других народов несколько уступают первым, но и они тоже стоят на довольно высоком уровне. Следует сказать, что по фактическому содержанию рукописи Я. И. Линденау намного превосходят работы Ф. Страленберга, Л. Сеницкого и др.⁴⁴ Работа Линденау о якутах⁴⁵ — ценный источник XVIII в. по этнографии этого народа. Автор подробно описал ряд сторон жизни якутов 40-х гг. XVIII в., причем большое внимание уделил вопросу происхождения якутов и времени переселения их на Север. Из материалов Линденау видно, что ему было сообщено предание об Эллее и Омогой-бае, которые жили в Верхней Лене, у села Качуг. Потомки Омогоя и Эллея в составе восьми главных якутских родов были расселены на территории Прибайкалья, по берегам Байкала и в соседних с ним степях до тех пор, пока не были оттуда отеснены бурятами и вынуждены были бежать вниз по Лене на Север. Записанные Линденау предания якутов подтверждаются другими источниками и якутскими родословными⁴⁶. В рукописи о якутах находим описания летних и зимних жилищ, некоторых видов одежды, вооружения, религиозных верований. При описании одежды, средств охоты и т. п. Линденау подчеркивает сходство таковой

⁴¹ Рукописи Я. И. Линденау, в основном на немецком языке, хранятся в ЦГАДА в «портфелях Миллера», а его переписка и некоторые копии документов — в ЛОААН СССР.

⁴² Lindenaу J. Beschreibung der Jakuten. Sammlungen von Anno 1741 bis 1745.— ЦГАДА, ф. 199, № 511, ч. 2, д. 3, л. 1—48.

⁴³ Lindenaу J. Collectanen zur Historie von Jukagiren.— Там же, № 511, ч. 2, д. 4, л. 1—2 об.

⁴⁴ Strahlenberg P. Das nord — und ostliche Theil von Europa und Asia... Stockholm, 1730; Sienicki L. Dokument... Wilnie, 1754.

⁴⁵ Рукопись в переводе К. Жихаревой хранится также в архиве Якутского филиала СО АН СССР, ф. 5, оп. 1, № 151.

⁴⁶ История Якутской АССР.— М.— Л., 1955, т. 1, с. 357, 361, 363, 393.

atannak Artojon Adnattim Uabama nyo.
 ГрмСиноі Мосимъ ТаВиноіи и КуаТаной
 Брмкителной Вел силной Влагителю. Уо.
 Sachari odiput urung ai Tojon при Клан
 ии Канута Создани бВлои Уоимителю
 богъ Урунг ай Sachatara Kubei Kotun
 бТале Урмкителнаго Влагителю возмем
 Surajak Ouga Tojon (страшной Вогителю
 богъ Компорин Котои Асе Памкителю
 гителъ Зар tiga malaktilon ongoror-
 vilken ordulak Kih Kan utakitak Ku,
 ung tiga Kurumu ongoroffku Komp-
 om Kotoi Ase bekomo. Дамидителю нопел
 пвбощилу, Вхорна одитидилу Сабной
 Котой Пабавилу Вларуб Лерт пур
 пвборилу бВинои плавилу гителъ.
 Alu Giffust dar Chorinki naitse Jan
 Aluim unupor, fawise Urdik Tojon
 Algin ola ungru Sagu Timir Tumustkan
 Tumustaman Samackar Deru Sarri
 aderbeskin Katan Kara Sarfin arda
 Turangmijung Kara Sillginu ajan bene,
 rin Tojon. Высочаи бога мидерной (инв
 стилинъ бВинои нодъ Носкиши го вилъ
 Вларъ птордоса одоюитишишиъ Ка талино
 Дорит етатиши Воронъ Сноитъ паниъ гашт,
 етбозилу Вастагителю. Мити дуръ муръ
 Jacob

Рис. 1. Часть перевода
 записи якутской песни-
 заклинания, исполняе-
 мой на празднике ысы-
 нах.

с бурятской или «тунгусской», подгверждая тем самым, с одной стороны, южное про-
 исхождение якутов, с другой — свидетельствуя о влиянии «тунгусской» культуры на
 материальную культуру якутов. Так, например, якутская женская шуба такая же, как

и у бурят, медный нагрудник якутских девушек, впервые описанный Линденау и являющийся отличительным признаком незамужних женщин, имел поразительное сходство с передником, который носили «тунгуски»; лук, стрелы, налучень якутов ничем не отличаются от «тунгусских».

Линденау записал народные предания, расширившие круг источников по ранней истории якутов. Ценность этих материалов определяется не только тем, что это первые записи из дошедших до нас образцов якутского фольклора, но и тем, что все это записано с редкой тщательностью и полнотой от самих якутов. Данные Линденау рисуют картину прошлого якутов до прихода русских на Лену.

В рукописи много якутских слов, записанных довольно правильно, что легко установить по словарю якутского языка П. Э. Пекарского.

Высокую оценку описанию якутов дал С. А. Токарев: «Из других этнографических работ того времени только труд С. П. Крашенинникова стоит выше по своему научному уровню. Если сравнивать с зарубежными этнографическими описаниями, то из работ более позднего времени трудно указать такую, которая бы равнялась по качеству с описанием якутов у Линденау»⁴⁷.

Работы Линденау, посвященные охотским «пешим тунгусам», или так называемым «ламутам», и удским «тунгусам», остаются самыми полными описаниями этих народов первой половины XVIII в. Монографии второй половины века и, в частности, глава из прекрасной книги И. Георги⁴⁸ не коснулись «тунгусов», живущих к востоку от Лены.

Рукопись об удских «тунгусах» подробно освещает все стороны жизни этого народа. Говоря об их самоназвании, автор замечает, что слово «эвенки» служило самоназванием «тунгусам», жившим около Удского острога; оленные же «тунгусы» называли себя дункан. Много внимания в рукописи уделено описанию брачных обрядов и верований. Интересно описание представлений удских «тунгусов» о воплощении душ умерших холостяков в одного из своих родившихся сородичей⁴⁹.

Труд Линденау, посвященный охотским «пешим тунгусам», или так называемым «ламутам», знакомит нас с весьма своеобразной культурой этой группы «тунгусов», о которой Б. О. Долгих писал следующее: «Охотские тунгусы XVII в. интересны не только тем, что это была самая многочисленная группа тунгусов, являвшаяся предками современных ламутов (эвенов), но и тем, что в их состав входила большая группа пеших (то есть безоленных) тунгусов-рыболовов»⁵⁰. Линденау отмечает, что до прихода русских «пеших тунгусов» было так много, что от р. Ульбай до р. Улья не хватало места для юрт, но позднее много их вымерло от эпидемии. Сами себя называли «ламутами», — пишет Линденау, — но являлись частью «тунгусов», потерявших в свое время оленей и перешедших на оседлый образ жизни. По языку, материальной культуре, обрядам, верованиям «пешие тунгусы» мало отличались от других групп «тунгусов», но сохраняли до XVIII в. ряд архаических черт.

⁴⁷ Токарев С. А. История русской этнографии. — М., 1969, с. 87.

⁴⁸ Georgi I. G. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich... — St. Peterburg, 1775, vol. 1, s. 242—306.

⁴⁹ Рукопись частично использована в работе: Василевич Г. М. Эвенки: Ист.-этногр. очерки (XVII — начало XX в.) — Л., 1969, с. 46, 89, 112—157, 162, 235—240, 247.

⁵⁰ Долгих Б. О. Этнографический состав населения Якутского уезда. — Краткие сообщения Ин-та этнографии, 1955, вып. 24, с. 40.

Еще одна обстоятельная работа Линденау посвящена корякам. Она была написана в результате путешествия в 1742 г. из Охотска в Ямск. Линденау имел возможность лично ознакомиться с условиями жизни, быта и обычаями оседлых коряков на побережье Охотского моря и на р. Сиглан. Как отмечает И. С. Вдовин, ни до, ни после Линденау не было специального описания этой группы. Ценность материалов Линденау увеличивается, если учесть, что потомки этой группы коряков давно утратили свои обычаи и родной язык, постепенно ассимилировались с эвенками, эвенами, якутами, пришлым русским населением. Уже в конце XIX в. коряки в Охотском уезде не упоминаются.

Таким образом, данные Линденау остаются единственными, подробно освещающими условия быта и культуры коряков Охотского побережья⁵¹.

В этой рукописи, как и в предыдущих (о якутах и «пеших тунгусах»), Линденау указывает на сходство некоторых предметов материальной культуры коряков, удских «тунгусов» и «ламатов». Общее он видел в элементах одежды охотских коряков с «тунгусами» и «ламутами», в украшениях. Корякские женщины татуировали себе лицо возле ушей и кисти рук разными фигурами подобно «тунгусам» на р. Лене, а делали татуировку таким же способом, как «ламуты». Совпадали и приемы лечения опухолей и нарывов, когда на больное место прикладывали серые заячьи шкурки и часто их меняли. Этот способ лечения был распространен у удских «тунгусов» и «ламатов». Корякский бубен был похож на таковой у «ламатов». Общие черты Линденау видел и в обычае давать имя новорожденному: когда в семье все живы, то имя придумывал шаман; обычай этот существовал и у «ламатов».

Рукопись Линденау о бурятах хотя значительно меньше по объему, чем рассмотренные выше, но содержит много ценных данных по исторической этнографии этого народа. Линденау много внимания уделяет преданиям бурят об их происхождении; подробно описывает материальную культуру (особенно одежду и пищу) и социальные отношения, но значительно меньше сообщает он сведений о религиозных воззрениях бурят.

Историческая справка о юкагирах всего на двух листах, но в ней содержатся существенные сведения о религиозных представлениях и шаманах юкагиров.

Немало этнографических данных находим в других рукописях Линденау. Так, в течение первого года пребывания в Охотске Линденау занимался сбором известий для географического описания края и составления его карты. 4 октября 1741 г. он отправил в канцелярию Охотского порта анкету с 16 вопросами по географии, этнографии и истории края, на которые в мае 1742 г. получил ответы⁵².

Некоторые из них содержат интересные сведения о народах, населяющих Охотское побережье: когда были приведены в подданство России; количестве выплачиваемого ясака; болезнях, каким подвержено население, и др.

Находясь в Охотске, Линденау по просьбе Охотской канцелярии сочинил «Географическое описание р. Анадыря и в нее впадших речек и ручьев», присоединив к нему «Описание о Чукотской земли, где она имеетца» и описание «дороги из Анадырского

⁵¹ Сведения из рукописи Я. И. Линденау о коряках довольно полно использовал И. С. Вдовин в своей работе: «Очерки этнической истории коряков». Л., 1973, с. 172—213.

⁵² ЛОААН СССР, ф. 21, оп. 5, № 142, л. 17—24 об.

острога в полуденную сторону»⁵³. Таким образом, рукопись Линденау состоит из трех частей. Первая часть — «Географическое описание...» была в XVIII в. опубликована Палласом на немецком языке⁵⁴. Вторая часть рукописи «Описание о Чукоцкой земле» впервые была опубликована А. И. Андреевым⁵⁵ по тексту рукописи ЛОААН СССР. Последняя часть труда Линденау — «Дорога из Анадырского острога...» опубликована М. О. Косвенюм⁵⁶. Мы публикуем все три части рукописи Линденау по списку ЛОААН СССР с приложенной к описанию р. Анадыря картой Чукотки (из ЦГАДА)⁵⁷.

Карта Линденау (в листе 40×50 см) охватывает на западе течение р. Колымы, побережье «Ламского моря» до «Охотского острога», на востоке — полуостров Камчатку, Чукотский полуостров, острова Берингова пролива и западную оконечность Северной Америки. Она подробно описана в статье И. С. Вдовина⁵⁸, который отметил, что на карте имеются некоторые данные, отсутствующие в «Географическом описании». По левому притоку Колымы, р. Ожогина, «живут юкагиры», по р. Анюю «живут омоки». Между Колымой и верховьями рек Аклана и Пенжины «ходят олени коряжки». Далее автор отмечает, что красной линией на карте показана граница расселения чукчей. На западе она начинается южнее «Шелагинского носа» и идет в юго-восточном направлении через верховья рек Анюя, Анадыря, Белой, пересекает среднее течение р. Нерпичьей (левый приток Анадыря) и выходит на побережье Тихого океана севернее устья Анадыря. Вокруг Чукотского полуострова, на островах, по течению р. Большой, впадающей в залив Св. Креста, и в ряде других мест кружочками отмечены «чукоцкие жилища». Между реками Большой и Анадырем, на некотором расстоянии от моря, отмечена «юкагирская ярманка». Указаны также места «оленных плавей» как на Анадыре, так и по его притокам. Из сказанного следует, что в содержании текста описания заключены значительные историко-этнографические сведения.

В ряде географических рукописей Линденау 1741—1744 гг., а именно таких, как «Устные известия о реках Анадыре, Колыме, Алазее, Индигирке и о прочих реках, которые в них впадают, об острогах и о народах на этих реках живущих»⁵⁹; «Описание путешествия из Охотска до Ямского острога. 1742»⁶⁰, «Устные известия, полученные

⁵³ Известно несколько списков данной работы Линденау: а) ЦГАДА, ф. 259, оп. 22. Секретной экспедиции Сената, д. 1552, л. 8—15; с приложением составленной Линденау карты Чукотки на 1 л.; б) ЦГАВМФ СССР, ф. 20, оп. 47, св. 85, л. 5, л. 56—61; без карты; в) ЛОААН, ф. 21, оп. 5, № 103, л. 7—11 об; без карты.

⁵⁴ Pallas P. Указ. работа, с. 245—248.

⁵⁵ Известия Всесоюзного географического общества, 1940, № 2, с. 156—157.

⁵⁶ Сибирский этнографический сборник, 1961, т. 3, с. 204.

⁵⁷ Карта Линденау опубликована:

1. Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века.— М., 1956, с. 261—262.

2. Орлова Е. П. Чертежи Чукотки Якова Линденау и Тимофея Перевалова.— Вопросы географии Дальнего Востока, 1957, № 3, с. 120.

3. Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв.— М., 1964, с. 122.

⁵⁸ Вдовин И. С. Чертежи Чукотки 1742 и 1746 гг.— Известия Всесоюзного Географического общества, 1943, № 4, с. 52—53.

⁵⁹ Lindenau J. Mündliche Nachrichten von dem Flüsse Anadir, Kolima, Alaseja, Indigirka und übrigen Flüssen, welche in den selben fallen, dabey die Ostrogen und Völker, die sich an denen Flüssen aufhalten. Ochot, 1741.— ЦГАДА, ф. 199, № 511, ч. 2, т. 2, л. 1—12.

⁶⁰ Lindenau J. Reise Beschreibung von Ochot bis Jamskoi ostrog. 1742.— ЦГАДА, ф. 199, № 511, ч. 1, т. 3, л. 1—53.

от разных лиц по дороге из Якутска на Уду...»⁶¹, имеются не лишённые интереса сведения о расселении отдельных народов и отчасти об их образе жизни.

Подводя итог сказанному, нельзя не признать, что Я. И. Линденау занимает одно из видных мест среди участников Второй Камчатской экспедиции и «незаурядное место в числе русских этнографов XVIII в.»⁶².

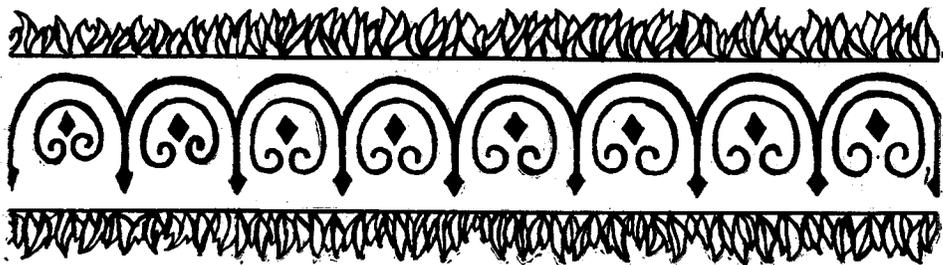
В заключение следует отметить, что все рукописи Линденау читаются очень нелегко. Они написаны тяжелым слогом, в них встречается много непривычных оборотов и провинциализмов. Чтение рукописей затрудняет еще то, что Линденау вообще не признает знаков препинания и не всегда последовательно излагает материал. Все это создает известные трудности при переводе на русский язык.

Ниже публикуются рассмотренные в предисловии рукописи Я. И. Линденау. Редакция переводов осуществлена доктором филологических наук, профессором Н. М. Александровым. Примечания к рукописи о коряках в большей части сделаны И. С. Вдовиным.

---

⁶¹ Lindenau J. Mündliche Nachrichten, welche auf dem Wege aus Jakut nach Ud von verschiedenen eingezogen und zwar die Beschreibung von denen Flüssen, welche aus dem grosten Geburg Dschukdschur oder Diuk — diur fallen, von ihren Ursprung Strom abwärts. 1744.— Там же, ч. 2, т. 7, л. 1—57.

⁶² Косвен М. О. Указ. работа, с. 205.

Описание якутов. Материалы, собранные с 1741 по 1745 г.*

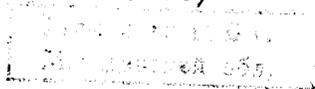
Глава I. О якутах и их происхождении

Хотя о происхождении народа, не имеющего письменности, нельзя сказать ничего достоверного, тем не менее кое-что можно о нем узнать, обращаясь к исследованию его языка, попытаться выяснить, каким языкам он родствен.

Якуты, без сомнения, являются татарским народом, что подтверждает в достаточной степени их язык. Имеются только некоторые якуты, которые в давние времена ушли отсюда, из-за чего у меня нет о них никаких сведений. Что же касается якутского языка, то он совпадает с языком каштаров¹, которые живут в Красноярской области, с языком барабинцев, а в некоторых случаях с языком чувашей, что будет видно из нескольких примеров, заимствованных из их словаря. Что касается происхождения якутов, то я хочу показать, где встречались их прежние поселения и как они переселились вниз по Лене. Тут находятся старые поселения родов, которые были там с незапамятных времен и существуют до сегодняшнего дня. Речь пойдет о войнах их с другими народами, о внутренних волнениях и завоеваниях.

Что касается расселения якутов, то я нашел этому подтверждение во время своего путешествия 26 сентября 1743 г. к озеру Далай, или Байкал. Якуты имели свои поселения по возвышенному правому берегу р. Лены, ниже деревни Качег². Это место называется русскими Якутский взвоз³, а якутами и бурятами Кобöлиур⁴. На якутском языке это слово означает «он бранится» или «кричит на меня»; на бурятском языке это слово не имеет никакого значения. Первый род и его предводитель, который имел свое местожительство в вышеупомянутом месте, назывался Отогон, один из рода Watulu. Имея хороших наследников, он, однако, взял девицу из своего рода, сам ее воспитал и назначил наследни-

* Lindenau J. Beschreibung der Jakuten. Sammlungen von Anno 1741 bis 1745.—ЦГАДА, ф. 199, № 511, ч. 2, д. 3, л. 1—48.

цей. Когда она выросла, пришел к ним беженец по имени Ersogotorh, или, как они его еще иначе называют, Elei, или Eldei-bator. Ему отдал Omogon свою приемную дочь, и у них было 8 сыновей и 4 дочери. Сыновья носили имена: Antantüik, Barkutai, близнецы Kordoi и Kogosuk, Bolotoi, Katamaldai, Tschericcktei и Artbudai.

Словом Elei, или Eldei-bator, обозначают они воинственного мужчину и законодателя (Gesetzgeber). Имена даны людям по их качествам. Эти сыновья Eldeei-bator'a стали со временем родоначальниками различных широко разветвленных родов, распространившихся до озера Далай, которое якуты называют Байкал, что на их языке значит — богатое озеро. Эти восемь родов имели, по словам якутов, особые названия, которые были даны по их усмотрению. По утверждению якутов, прежде они имели обыкновение принимать название рода по их матери. Я сначала назову имена родов, которые они имели раньше и имеют еще до сегодняшнего дня. Omogon был, как сказано выше, из рода Batulu, но его род носил имя по имени женщины — Engasali, но, было ли это имя жены Omogon'a, неизвестно. Она же имела сына по имени Bulgudjalgü. От него произошел род Namskoi, в то время когда сын Bulgudjalgü — Deksidar Chan — был предводителем. Сына Antantüik'a звали Kangalas. Barkutai и Tschericcktei образовали один род — Borogon. От близнецов Kordoi и Kogosuk произошел род Bajagantai, от Bolotoi'я — род Menga, а Katamaldai дал род Chatali, или Baturusa.

В ясачных книгах между тем по имени этих главных родов назывались волости: Namskoi, Kangalaskoi, Borogonskoi, Menginskoi, Bajagantaiskoi и Baturuskoi. После времен Tügin'a к этим волостям были причислены еще следующие роды: к Namskoi волости — роды Meik, Tschetschui, Edugei и Tagus; к волости Kangalaskoi — роды Korinzi, или Koro, которые почитали главным образом ворона, — Charinzi, Bertöch, Nirucktai, Nachara, Djarchansk и Bordons; к волости Borogonskoi — роды Tschericckten и Enorska; к волости Baturuskoi — роды Djorsogon, Balugur, Betuin, а также Orgöti, который называется теперь Skraulnoi и Mangaraskoi.

Что касается дальнейшего рассказа об их родах, то следует здесь говорить об их нападениях и отступлениях. Выше было сказано, что 8 родов якутов были распространены у озера Далай и дальше в расположенных поблизости степях, и имели они дело с кыргызами или, как некоторые утверждают, с мунгалами. Предводителем был Antantüik³, а за ним последовал его сын тойон Badschei (Badschir — большая кишка). Но так как они были очень слабы и не могли устоять против своих врагов, то тойон Badschei пошел со всеми родами от так называемой горы Kóböliur вниз по Лене. Это сообщение подтверждают и буряты. Тойон Badschei прибыл туда, где был позднее построен город Якутск, осел там, а других своих сородичей расселил по различным местам. У тойона было четыре жены. Первую жену звали Kangalas, от нее он имел сына Mundschan'a⁴. Этот после смерти отца занял его место. Mundschan взял себе трех жен, а именно: Djergan, Bologoi, а третья была из рода

Menga. От Djergan имел он двух сыновей — Kadschaga и Dedudor; от Bologoi — четырех сыновей — Kugdscha, Tümerei, Itakan и Oko, а от третьей имел сына по имени Tügin. После смерти тойона Mundschan'a его место занял Tügin, который получил титул — Тойон — Usa — род господ⁷. Остальные якутские роды, которые имеют своих князей, называются не Тойон — Usa, а только тойон, такой титул дается лишь потомкам Eldei-bator'a. Тогда род Baturus имел предводителем Kusengneï'я. Дальше будет речь о Тойоне — Use и его роде до нашего времени. Tügin имел двух сыновей — Okurei и Bedscheckö. Одно время Okurei получил имя — Тойон — Usa; ему наследовал его брат Bedscheckö, которому наследовал его старший сын Masari, который предпринял путешествие в Москву и был принят его царским величеством Алексеем Михайловичем, получил от него особую милость и вернулся домой. Masari оставил после себя трех сыновей: Kuinniak, Karabütik и Bortok. Kuinniak занял место своего стца. Он в свою очередь имел четырех сыновей: Ajagan, или Bosogo, Siran, Kilian и Ajagnit. Ajagan с этих пор у якутов носит имя — Тойон — Usa.

Так как Mundschan оставил младшего сына Tügin'a, смелого и лукавого по отношению к своим братьям, в качестве Тойона — Usa, то братьев рассердило, что отец лишил их этого преимущества, и они вступили в спор с Tügin'ом, и против него восстали все роды. Tügin был вынужден некоторое время сохранять мир с братьями, а сам между тем грабил и опустошал другие роды, которые решили оказать ему сопротивление. Он имел столкновение с борогонцами на озере Мюри⁸, которое имеет 70 верст в окружности и лежит по направлению к Алдану на пути в Верхоянск; на реке Тате⁹ с батурусцами; на реке Амге¹⁰ у речки Хатуя — с буйтузами. При чем это случалось много раз, благодаря чему другие роды были очень ослаблены и не могли больше оказывать ему сопротивление, а должны были стать ему послушными. Благодаря этому Tügin получил большую власть и стал чувствовать себя господином над другими. У него появилось желание подчинить себе и своих братьев. Это он дал понять своему старшему брату Kadschaga'у. Последнего это так рассердило, что он ударил по лицу Tügin'a, и Tügin должен был идти окровавленным домой, но сказал Kadschaga'у, что когда поправится, то выместит на нем этот свой позор. Kadschaga и остальные (его сородичи. — З. Т.) знали, что они не смогут оказать Tügin'у никакого сопротивления, а потому решили уйти с женами и детьми. К ним присоединились некоторые из Намской волости. Они все двинулись вверх по Лене до Олекмы и там расселились. Через некоторое время получили они известие, что Tügin вооружился, чтобы их преследовать. Чтобы избежать этой беды, дал им один тунгус — Чаланга — совет (он был из рода Нинеган) перейти к реке Вилюю, потому что там были хорошие места, чтобы развивать скотоводство. Они последовали этому совету и двинулись от Олекмы, тунгус же был их проводником и привел их к Вилюю. А те из них, которые пришли из Намской волости, остались на Олекме.

Когда якуты пришли к реке Вилюю, встретили они тунгусов, а именно род *Dschurumschal* и род *Mamagir*, которые владели землей в этой области как своей собственностью. Но скоро якуты с ними договорились и купили у них землю вокруг озера Тойбохой (Тэібохой) и тоже навечно. За это якуты отдали женщину со всей ее праздничной одеждой и 70 кобыл. Реку Чону, которая с правой стороны впадает в Вилюю, тунгусы оставили себе и владеют ею и прилегающей к ней землей.

Здесь я хочу не упустить возможности, чтобы упомянуть о том, что именно в это самое время, когда у якутов были большие внутренние волнения, тунгусам уже были известны русские, но платили ли тунгусы тогда ясак и жили ли в полной свободе, об этом я ничего достоверного сообщить не могу.

Русские постепенно проникали все дальше в Сибирь, а одна маленькая группа промышленников рискнула пройти вглубь от Туруханска (Тура — так называется город, а хан — властитель, как его называют барабинцы) вдоль реки Катюя к истоку реки Чоны, где они встретили два тунгусских рода — *Dschurumschal* и *Mamagir*, которые их свели к Вилюю. Здесь русские также встретили тунгусские роды *Sologon*, *Biranatkal*, *Dsjacktaskar*, *Kondra* и *Vuglack*.

Как говорят, русские жили с тунгусами очень дружно. Тут они узнали, что на Лене находится народ, называемый *Dschakol*. Это побудило русских идти дальше и посетить их. Таким образом они ушли от тунгусов, но куда точно направились, об этом тунгусы не знали. Некоторые утверждали, что русские переправились через Вилюю на лодке и пошли вниз по реке; другие утверждали, что они перешли горную цепь, которая разделяет Вилюю и Лену, и взяли путь по воде вдоль реки Марха, которая с левой стороны впадает в Лену, а затем дальше вниз по Лене до озера Сайсары, где они встретили *Tügin'a*. Этот избрал три местожительства. Первое между маленькими речками Алагана (Куллаты), второе у озера Табага¹¹, несколько выше речки *Sonege*, или теперь Шестакова реки, и третье, где построен город Якутск, у озера Сайсары¹².

Таким образом русские пришли к якутам, как я указывал выше, и были взяты в плен *Tügin'ом*, хотя некоторые настаивали на том, чтобы их уничтожить. *Tügin* не согласился и решил их использовать для работы и содержал их как своих рабов. Но русские имели известную свободу и воспользовались ею. Они выстроили себе маленькое укрепление и запасли в нем продовольствия. Они переселились в этот острог и отправили трех человек в Илимск, чтобы им прислали помощь, а пока ее не получат, они должны были жить и работать с якутами. Их острог, по имени Чумадал, был расположен в 50 верстах от города Якутска, на правом возвышенном берегу Лены, возле устья рукава Лены. В дальнейшем, как рассказывают, пришел человек по имени Осип Чулков с сотней людей из Илимска, но, были ли эти люди высланы по просьбе упомянутых посланцев или же в Илимске сами по себе снарядили экспедицию, это неизвестно. Но что несомненно, так это то, что Чулков прибыл к острогу, укрепил его и принудил якутов платить ясак.

Первым без сопротивления сдался Deksi Darchan со своим родом, почему род и получил наименование Намской (как я предполагаю, думаю, что не ошибусь, что имя Намской произведено от русского слова «нам», так как в якутском языке нет слова, которое соответствовало бы этому слову). Deksi Darchan добровольно принял подданство русским еще и потому, что не хотел больше терпеть притеснения Tügin'a. Говорят, что Deksi Darchan, прежде чем Чулков прибыл к острогу, приехал к нему и жаловался на Tügin'a. Так как Чулков чувствовал твердую почву под ногами, то он считал себя вправе принудить и другие роды платить ясак, что, впрочем, стоило ему больших трудов. Особенно против него были Tügin и Kusengnei, предводитель рода Baturus. Немало раз между ними и Чулковым происходили военные столкновения, пока наконец Tügin не был взят в плен и не стал содержаться в остроге в качестве заложника. Тогда сдались и другие роды, и волнения на некоторое время прекратились. Но скоро возник повод для восстания. Поскольку Tügin содержался больше как пленник, а не как заложник, то пришел один человек и стал смеяться над Tügin'ом, положив палец ему на голову, что он такой храбрый по отношению к многим, а вот теперь нет у него достаточно смелости сбросить палец со своей головы. Намешку Tügin принял молча, но решил жестоко отомстить за это надругательство. Он передал своему сыну Okurei-bator'у, чтобы он соединился с Kusengnei'ем и, когда к ним придут сборщики ясака, сначала их хорошо принял, а потом уничтожил при первой возможности и попытался разрушить острог. Okurei исполнил приказание отца, соединился с Kusengnei'ем, и, когда Чулков с тридцатью людьми пришел взимать ясак, его приняли приветливо, но потом Чулков и двадцать других поплатились жизнью. Остальные же десять человек ранеными прибыли в острог. В это время Okurei и Kusengnei собрали сколько могли якутов и направились к острогу, чтобы его захватить и освободить Tügin'a. Но отступили ни с чем. Об этом было сообщено в Тобольск и еще дальше. А как рассказывают, случилось это около 1634 г. Из Москвы после такого донесения были отправлены в Якутск стольник Петр Петрович Головин в качестве воеводы, Матвей Богданович Глебов в качестве заместителя, с ними были также дьяк Ефим Филатьев, письменный голова Ананий Леонтьев Бехтеяров, Василий Данилов Поярков и еще другие. Они все поехали в Якутск из Москвы в 1639 г. Прежде чем они приехали, умер Tügin в тюрьме, его младший сын Bedschecko вступил на его место, а старший — Okurei получил имя Тойон — Usa. Посланные из Москвы приехали в Тобольск около 1640 г., а когда они прибыли в Якутск, сведений нет¹³. По приезде они учинили допрос якутам, но никто не хотел признать себя виновным. Чтобы не вызвать дальнейших волнений, стольник, говорят, разговаривал с ними самым любезным образом, а когда он по расследовании дела все узнал и получил признание Okurei'я, то обещал ничего с ним не делать. Все якуты должны были войти в отведенный для них дом, где их угощали, но потом их оттуда не выпустили, а приставили к ним силь-

ную охрану. Когда следствие было закончено, Окигеи был повешен со многими другими, а его брат — Bedschecko посажен на его место, потому что он был смирный человек и никогда не вмешивался в дела брата. Он стал носить титул Тойон — Usa. Также и Kusengnei получил свободу и остался предводителем в своем роду. Волнения прекратились, и якуты перестали предпринимать что-либо против русских. У последних, правда, не раз появлялась охота предпринять экспедицию против других народов, чтобы привести и их под скипетр России.

О том немногом, о чем речь была выше, благосклонный читатель ни от кого другого узнать не может, кроме как от меня, который тоже узнал это из чужих уст. Так как у меня не было возможности разъяснить кое-что подробнее, то я и не хочу сообщать ничего, что я сам не видел и чему не был свидетелем. Теперь я обращаюсь к дальнейшему описанию якутов.

Как многочисленны якуты, я этого не узнал, потому что они живут очень рассеянно. Между тем мне один вручил список, из которого можно узнать, какие имеются улусы и сколько платят ясак.

Намский улус, или волость¹⁴, дает ежегодно (2201 человек) — 110 соборей — 138 лисиц, 897 руб.

Кангалаский	2036 чел.	335 соборей	847 лисиц	312 руб.
Борогонский	1333 »	113 »	680 »	330 »
Менгинский	1349 »	167 »	194 »	686 »
Батурусский	2447 »	546 »	957 »	304 руб. 50 коп.
Байагантайский	425 »	50 »	257 »	53 руб.
			45 горностаев	

Далее следуют остроги и зимовья. Ясак собирается с якутов и тунгусов.

Остроги:

Олекминский	783 чел.	303 соборей	60 горностаев	75 р.
Зашиверский	167 »	46 »	97 лисиц	2 р.
Анадырский	600 »	31 »	562 »	—

Зимовья:

Чаринское	36 »	19 »	12 »	1 р.
Верхневиллюйское	2564 »	557 »	1196 »	165 р.
			165 горностаев	
Средневиллюйское	797 »	143 »	512 лисиц	27 р. 50 к.
			30 горностаев	

Устьвилуйское	167 чел.	9 соболей	131 лисица	34 р.
Майское	139 »	76 »	38 »	1 р. 50 к.
Томторское	195 »	73 »	72 » 10 горностаев	30 р. 50 к.
Жиганское	505 »	72 »	371 лисица 10 горностаев	26 р. 50 к.
Верхоленское	848 »	159 »	454 лисицы 100 белок 170 горностаев	38 р. 50 к.
Устьянское	109 »	38 »	61 лисица	6 р. 50 к.
Алазейское	26 »	—	27 »	—
Колымское	348 »	97 »	247 »	—

Мне из многих источников сообщали, что якутов когда-то было примерно 20 000 человек, не считая женщин и детей. Но число их сократилось, с одной стороны, в результате междоусобных войн, с другой — из-за оспы.

Глава 2. Об их внешнем виде и душевных качествах

Якуты фигурой большей частью крупные и хорошо сложены, а лица их напоминают бурят и барабинских татар. Они обладают хорошим аппетитом — я сам видел во время моего путешествия, что пять парней съели целую лошадь. Они сильно пьют, безнравственные, являются ловкими ворами, причем воровство у них бывает ремеслом. Часто фальшивы, любят обманывать и во всех судебных процессах оказываются хорошими адвокатами, хотя при этом наглыми и упрямыми. Хорошие наездники — на лошади сидят как татары. Пешком не могут совершать длинных путешествий, в чем их превосходят тунгусы. Если же якут голодает только один день, то он совсем теряет силы, почему во время своих путешествий они оставляют продовольственные запасы в лесах. Они очень малодушны, редко могут оказать сопротивление, но если же кого-нибудь одолеют, то уже не знают пощады. Якуты — народ гостеприимный, но при этом стремятся получить и сами выгоду.

Глава 3. Как якуты себя и другие народы называют и кто их соседи

Якуты называют себя Sacha, или Zacha, каковое слово не имеет никакого значения. Тунгусов называют они Top-gus, или Omuck, юкагиров — Dschukagil, чукчей — Tschuktscha, мунгалов — Munkal, гиляков — Tschuruptschulack, калмыков — Kalback, киргизов — Kirgüs, братских — Bugat, коряков — Kögoeki, русских — Nutschoe, или Lutschoe, китайских тунгусов — Dagur.

Глава 4. Как якуты отличаются друг от друга и где они живут

Якуты разделяются на несколько имущественных групп (Klassen) в зависимости от своей зажиточности: Bai — богатый человек, Mung Aht Bai — богатый человек, который не знает (счета) своего богатства ни в скоте, ни в лошадях, Onto Bai — имеющий 5 или 5 табунов, Wosackitardak — кто имеет 1 или 2 табуна, Osin-Töhhöe tardak — кто имеет 1 или 3 коровы. Он еще называется Balliksit. Tong-Balliksit называются те, кто имеет только собак, но питается рыбой и употребляет рыбью кожу для одежды, — они живут на Алдане, Мае и устья Вилюя вниз по Лене. Те же, которые занимаются скотоводством, населяют пространство от реки Пеледуй¹⁵ до Вилюя, живут на Индигирке, Омеконе, Яне, Колыме, Оленеке, на юг к реке Уде. Тогом-Tugur держатся большей частью там же из-за охоты, также несколько родов 10 лет тому назад были переселены в Охотск.

Глава 5. Об их жилищах, которые изменяются или не изменяются, внутреннее и внешнее убранство последних и сараи

Их зимнее жилище — Kösüngnu-Dsche, Dschje, или Dsje, — представляет собой юрту, иначе она называется Balagan, от земли в сажень высоты и состоит из слегка наклоненных внутрь стоячих бревен в виде прямоугольника, а на них покоится пологая двухскатная бревенчатая крыша. Остов такого жилища из четырех вертикальных угловых столбов. Снаружи такое жилище обложено навозом, глиной и землей. Сени — Kuilba — сделаны из узких бревен, и вход в них с востока. Дверь — Dsjel — либо из досок, либо из кожи быка. Внутреннее убранство такого дома состоит из камина — Osok (очаг называется Kolumtan), нар, которые тянутся по восточной и южной стенкам и служат кроватями — Kalskartschi. На восточной стороне место для гостей — Oron. Нары, которые напротив камина, служат спальным местом для хозяина и его жены, затем следуют другие нары, где спят женщины, девушки и мальчики. С запада и севера имеется закуток — Koton для молочной коровы. (Записанные Линденау слова, в которых начальные слоги переданы как «ка» или «ко», следует читать как «ха» или «хо» — см. словарь.) Около входа слева также имеется закуток — Torbos оппо, и там стоят телята. Вместо стекла в окне употребляют кусок льда. Само отверстие, куда вставляют лед, называется Tüinpüsk. Эти жилища постоянные, и их покидают только тогда, когда кто-нибудь в них умирает.

Летние жилища якутов напоминают сахарные головы. Такая хижина называется Saingnie Dsje или Urasa. Хижина делается так: берут тонкие жерди (шесты) двух сажен длины и ставят их конусообразно по кругу одна к другой на таком расстоянии, как кому нужно, а вверх

их связывают. Остов урасы снаружи покрывают берестой, оставляя открытым только вход. Бересту готовят следующим образом: ее помещают в большой котел и долго варят в воде, затем сшивают куски тонким волосом, свертывают в рулоны по 4 сажени длины и $\frac{1}{2}$ сажени ширины. Вместо двери делают занавес из бересты, украшенной разными фигурами. Внутреннее убранство такой хижинны составляет кровать и очаг.

Якуты обычно ставят свои летние жилища у рек или у маленьких озер. Возле летних жилищ имеется яма или погреб — Тагипе; здесь якуты держат молоко и масло, которое всегда должно быть под рукой. Остальное масло хранят в кожаных или берестяных мешках — Kologos'ax¹⁸ и закапывают их в лесу или спускают в озеро, чтобы воры не воспользовались маслом.

Имеются у якутов еще амбары, которые они называют Амскаг. Сделаны они из бревен четырехугольной формы, как их зимнее жилище, а в стенах имеются бойницы — Tschologos, какие я видел на Тате и Амге. Издавна, как частично и теперь, использовали якуты эти амбары для защиты от воров и грабителей. Несколько лет назад некто Ogüs Charak из Батуруской волости соблазнил некоторых якутов, они совершали набеги на своих соседей и с награбленным добром бежали на р. Зею к Даурии. Так было около 1705 г., когда бежало туда 40 человек. К ним присоединились люди из Буитунской волости. Из них некоторые поселились позже у реки Селемджи¹⁷. Буитунская волость называется отныне Скороульской волостью.

Глава 6. *Об их одежде, которую носят мужчины и женщины*

Сначала перечислим предметы зимней одежды мужчин с головы до ног. Шапка — Mostak bargasa, или Uis bargasa, из волчьего меха (снятого с головы волка с ушами), оторочена мехом росомахи. Русские называют такую шапку малахай. Она закрывает уши, и человек в ней похож на птицу, которая называется «рогатая сова» (Horn Eule).

Шуба — Istjachson из сукна или замши, подбитая беличьим мехом. Бедные якуты употребляют заячий мех. Такая шуба доходит только до колен — без складок и карманов, сзади с разрезом и узкими рукавами, полукругом по подолу оторочена мехом выдры или бобра.

Еще шуба — Sangijak сделана из волчьего меха, но богатые якуты носят такие шубы из соболя, теперь же они чаще всего удовлетворяются волчьим мехом. Бедные носят такие шубы из оленьих шкур или шкур молодых лошадей. Эта шуба несколько шире и длиннее, чем описанная выше.

Еще относятся к одежде два больших куска — Belaptschi¹⁸, которые закрывают только нижнюю часть туловища и прикрепляются к кушаку, сделанному из сукна или китайки. Такой Belaptschi надевают для того,

чтобы полы Sangiĵak'a не снашивались, так как якуты носят лук и охотничий нож сбоку, когда едут верхом.

Штаны — Seulĵa короткие и достигают только половины икр. Спереди к ним пришито по два кольца, к которым прикрепляются Suturo — род чулок. Они делаются из камуса и волчьего меха и идут от ступни до половины икры.

Есть еще маленькие чулки — Katintscha, которые закрывают ступню. Делаются они из ровдуги, из оленьей кожи, заячьего или собачьего меха. Эти, последние, самые лучшие.

Длинные сапоги — Vŷrak из замши, похожи на чулки, достигают колена или бывают несколько короче.

Рукавицы — Ūtŷlŷk — делаются также из меха и оторочены сукном. Меховой воротник или боа из беличьих хвостов — Moitoguk, которое тунгусы и другие народы используют зимой, носят вокруг шеи.

Летняя одежда якутов состоит из совсем круглой с узкой оторочкой шапки — Saingniabirgasa. Кафтан — Kulun-Son из кожи жеребенка или молодой лошади, без складок, короткий и доходит до колен.

Наколенники — Kaltan-Suturo сделаны как другие чулки — Suturo, но только из ровдуги.

Сапоги — Ostok Sagŷi как чулки, только наверху расшиты стеклянным бисером.

Короткие летние сапоги — Basargas-Sagŷi, достигающие только икр, делаются из ровдуги или стриженного меха. Наверху они тоже расшиты стеклянным бисером шириной в ладонь.

Рукавицы, голицы¹⁹ — Kallan-Ūtŷlŷk делаются из ровдуги.

Одежда, которую носят женщины и девушки. Шапка — Olburga такая же, как у мужчин, из волчьего меха (снятого с головы волка с ушами), только наверху в середине, между ушей, имеется кусок хвоста рыси (Luchs).

Длинная, подбитая мехом шуба — Billag-Son, какую носят бурятские женщины. Вся остальная одежда женщин и девушек имеет наименование то же, что и мужская, и примерно такого же покроя. Кроме того, девушки в отличие от женщин носят нагрудник, какой носят тунгусские женщины; они украшают его бисером и обвешивают различными безделушками из желтой меди (Messing). Такой нагрудник называется Tŷhŷlŷck. Когда девушка выходит замуж, она снимает нагрудник и больше уже его не употребляет.

Мужчины стригут волосы, женщины и девушки носят их как хотят — заплетают косы сзади или сбоку, и косы у них не фальшивые, как это принято у бурятских женщин, которые в волосы влетают еще волосы из конских хвостов. Якутские женщины смеются над бурятками и говорят, что они моют свои волосы дождевой водой.

Косы по-якутски Sŷsok, или Susok. Якутки к косам иногда прикрепляют бубенчики, бусы и всякие другие безделушки.

Женщины и девушки носят большие серьги Narga, чаще в виде колец из серебра или желтой меди с большими стеклянными бусинами.

На пальцах все они носят серебряные, медные или оловянные кольца — Billisak. Кольца незаклепанные, которые можно сужать и расширять, называются Oггоeptschi.

Большой обруч из желтой меди, который они носят вокруг шеи, как тунгусские женщины, называется Kujildseu²⁰.

Глава 7. Об их кушаниях и напитках, как они готовят и употребляют

В месяц Kuluntutag (апрель) идут якуты в лес и собирают сосновую заболонь; часть ее сушат, а из другой части делают лапшу. Эту лапшу и сушеную заболонь мелко дробят и смешивают с молоком. Называют это Bès öga.

Когда кобыла ожеребится или корова отелится, то послед — Karbusun без соли варится и съедается. Первое молоко собирается три дня подряд, затем варится в горшках на огне и, когда оно готово, съедается. Это блюдо называется Osak.

Бурундуков — Kurgdschuges ловят петлями, шкурку сдирают, а мясо жарят.

Когда весной стает снег, идут якуты в горы и долины и выгоняют маленьких евражек — Urga и сусликов — Kütieg — водой из нор или ловят последних при помощи установленных западней — черканов. Когда они поймают значительное количество этих зверьков, сдирают с них шкурки и делают себе из них шубы, а мясо жарят и едят. То же делают и буряты.

Все птицы, как бы они ни назывались, будь то различные утки, гуси, лебеди, — употребляются якутами в пищу. Только якуты намского рода не употребляют в пищу лебедей, орлов и ворон, так как они у них считаются священными.

Все пернатые, которые обитают в лесах, за исключением дятла, поедаются с внутренностями. Испражнения от тетеревов и глухарей применяют для смазывания горшков, чтобы они были прочнее.

Все животные, кроме лисицы, белки-летяги, которую они называют Ulugen, мыши, горностаи и пищухи — Tschiskneg употребляются в пищу. Если они убьют медведя, то мясо съедают, а голову и кости вешают на дерево. Некоторые из намского рода иногда едят мясо орла, но кости его не ломают, а целиком вешают на дерево.

Когда реки и озера вскрываются, ловят якуты рыбку мунду²¹ вершами (мордами) — Thu и неводами — Nim. Из рек ловят мешкообразной сетью — Muncha (Muncka), также загораживают протоки и ловят рыбу выставленными мордами и удочками. Рыбы, которых ловят около Якутска и ниже его в Лене, следующие (с русскими и якутскими обозначениями): голец — Kustjak, тугуны — Dschongor, сиги — Majagas, муксуны — Maksun, или Niemisken, нельмы — Tut Ballik, чиры — Tschir, таймени — Bill, лини — Vuijit, щуки — Sordong, стерляди — Katüs!

Далее мы скажем, что делается из вышеназванных рыб и как они запасаются впрок. Мунду сушат и жарят, кроме того, якуты имеют обыкновение насыпать мунду, которую ловят осенью, в турсуки, и из нее делается кислая рыба, которую они называют Liba. Сушеная рыба — Kaktu делается весной. В течение всего лета из щук, стерляди, муксуна, тайменя, нельмы делают юколу, или, как они называют, Dsohjukola.

Из других же рыб делают порсу — Porsa Bartscha. Как они делают порсу и юколу, мною описывается в работе о ламутах.

Якуты, которые живут на Алдане и Вилюе, делают из муксуна и нельмы Shach, что значит по-русски «провесная или прутовая»²². Для этого употребляют только боковинку рыб. А из голов этих же рыб изготовляется Argijss, который делается следующим образом: из голов вынимают большие кости и бросают их в яму, вырытую в земле и обложенную корой лиственницы, затем закрывают яму и оставляют головы лежать в ней так долго, пока они их не употребят в пищу.

Zin (Sin) — корни, которые они вырывают из земли или берут из мышиных нор, Umujach — корень бédренца, Koieg-ess — змеин-корень, по-ламутски Tschakitsch, или Bistrotá, Kugun, или Kogun, — корень синей лилии, Undschula — корень большой сараны (красной лилии). Последний употребляется толченым, вареным со сливками или молоком. Это блюдо называется Vilumak.

Таким же образом готовят они змеин-корень, только прибавляют в него еще высушенную и размельченную кору от ели. Корни растений семейства бобовых (Sardan) вырывают на реке Яне. Все названные корни якуты едят сырыми или вареными с молоком.

Из трав собирают листья дягиля и таволги, а те, кто живет на Алдане, собирают дикий лук и дикий чеснок — черемшу. Корень прыщинца (Tschetschupack) режут и смешивают с вареной и мелко натертой рыбой мунду, сохраняют в туесах и оставляют скисать всю зиму. Это кушанье называется Sima.

Теперь скажем о блюдах из молока. Женщины весной, после Isöch'a, готовят молоко для кумыса. После того, как молоко выдоили, его охлаждают, выливают затем в Kógög, доливают $\frac{1}{4}$ воды, бросают туда еще кусочек сухожилия (Sehne) от убитого животного. Затем молоко непрерывно сильно взбивают мутовкой и доводят до ферментации. Тогда кумыс считается готовым к употреблению. То, что обычно оседает на дне, вынимают, сушат и оставляют до следующего года. Иногда этот осадок просто выливают. Кумыс у якутов очень высоко ценится. Знатные якуты употребляют чистое кобылье молоко, без всяких добавлений. Оно очень сытное и отбивает аппетит. Если выпить его слишком много, то становишься больным и сонным, но не пьяным, как это утверждают некоторые. Якуты от этого молока становятся довольно толстыми и жирными, даже если они ничего другого не едят. Летом они больше пьют кумыс.

Uguta — делается из коровьего молока: наливают молоко на скowo-

родку и ставят ее на раскаленные уголья, пока постепенно поверху молоко не натянется как пенка.

Kainjack или Chanjack — горький и делается из Угита. Угита кладут в туюс и подвешивают, чтобы кисло. Потом помещают в особый сосуд, взбивают или сохраняют как есть.

Sarai²³ делают из молока, которое остается после приготовления Угита. Сначала молоко охлаждают, снимают сливки и дают им прокиснуть в тепле. Оставшаяся жидкость кипятится, охлаждается и смешивается с закисшими в тепле сливками.

Tar²⁴ — это прокисшее молоко, которое сохраняется в больших сосудах, сделанных из бересты. Делали его из Sarai'a, добавляя к нему маленькие косточки от птиц и подгорелое молоко от Угита. От крепкой кислоты косточки становятся совершенно мягкими. На Амге якуты добавляют туда же корень кипрея. Когда сосуд наполняется, его помещают в яму, где он и сохраняется на зиму. Называется этот напиток Tar потому, что закисшее вещество тянется.

Umdan — делается из Sarai'a. Берут часть Sarai'a и подливают холодной воды, затем все сильно мешают — получается напиток, который употребляют при длительных путешествиях.

Sütäsch — вид сыра, который делается из Sarai'a. Sarai'a помещают в специально сделанную для этого корзину, которая наверху широкая, а внизу остроконечная, и фильтровывают воду, а что остается, то крепко отжимают, сушат и укладывают в туюс. Этот сыр также берут в длительные путешествия.

Sögei — сливки, собирают в туюс и квасят подвешенными над дымом (в тепле), затем снимают и бьют из них масло.

Argi — распущенное масло.

Kanjak-uta — это жидкость, которая остается от растапливания Argi. К ней прибавляют размельченную заболонь и получают кушанье — Bulmak.

Глава 8. Об их домашней утвари и из чего она делается

Свою домашнюю утварь якуты называют в общем Isit. Я начну с той, которую они употребляют для Isöch (праздник.— З. Т.).

Kögög — сосуд, внизу широкий, а сверху имеет шейку. Делается из кожи. Берут кожу быка, счищают волосы, затем натягивают, очень густо мажут кровью, причем при смазывании кожа держится над огнем, пока не станет совсем черной, потом ее вешают над дымом и сильно коптят. Когда это сделано, то размягчают кожу в воде и шивают из нее упомянутый Kögög.

Simig — маленький сосуд, делается так же, как и упомянутый выше, из кожи. Употребляют их только во время путешествий, чтобы держать в них кумыс или Umdan.

Isöch-Utuja и Tschogon — деревянные бокалы. Первый в $\frac{3}{4}$ или $\frac{1}{2}$ ведра, второй в $\frac{1}{8}$ ведра и до $\frac{1}{4}$ ведра. Материалом для этих бока-

лов служит березовое или осиновое дерево. Они конусообразной формы, без ножек.

Kerien-Umuja — круглый сосуд из дерева с плоским дном. Из него ежедневно пьют. Они бывают большие и маленькие.

Tschabetschach — сосуд из кожи или бересты, имеет наверху ручку.

Ulasnan-Kitack, или Ulasnan-Kitija, — это большие и маленькие деревянные миски. Kamijak — ложка, Kolbuga — шумовка. Все они делаются из дерева. Sabagai — сосуды для молока из бересты, круглые, как тучес. Kologos — сосуды двойного вида, из кожи или из бересты. Вмещают от 3 до 12 ведер. В кожаных — держат кумыс, а в берестяных — кислое молоко, запасаемое на зиму. Ве-ir-ogas — сосуд, который употребляется для доения кобыл, он наверху по краю украшен бисером. Inak-ir-ogas — такой же, как и предыдущий, но сделан несколько хуже. Ubasar-ir-ogas — ведро из бересты, в котором носят воду. Tümtai — сосуд из бересты, его употребляют в дальних путешествиях для хранения масла. Далее следуют вещи, сделанные из глины. Bagagach — низкий и широкогорлый горшок для варки молока. Ulasnañ-Kös, Erdegas-Kös, Kösuje-Kös — различного рода горшки, такие, как у русских. Sak-Keli — ступка из хвороста (Strauch) и коровьего навоза. Ее употребляют зимой для дробления сушеной коры — пестик сделан из дерева, и якуты называют его Sogok.

Глава 9. Об их скоте

Якуты держат рогатый скот и лошадей. Лошадей бывают табуны, куда входят кобылы и жеребцы. На одного жеребца приходится 10 кобыл, но богатые обычно увеличивают это число до 30 и 40. Жеребец называется Atir-oga. Табуны ходят лето и зиму под открытым небом на подножном корму. Лошадей же, которых используют зимой, ставят на сено. Коневодство называется Suijgi. Рогатый скот называется Bütasack-Soesü, что по-русски значит «тихий скот». Скот идет с весны и на все лето также под открытое небо на подножный корм. Молочных коров, однако, держат обычно под рукой, а осенью ставят на сено, остальные же остаются до декабря на Baltschitar, по-русски — «на ставу». Жеребцов с четвертого года кастрируют. Ath — мерин. Когда якуты запрягают лошадь, они говорят всегда: «Ath, Ath, Ath» — три раза. Лошади в зависимости от масти имеют различные имена. Так, черную лошадь называют они Kaга-Ath, также Kis Kaга — чернота соболя.

Глава 10. О различных наименованиях жеребят и телят в зависимости от их возраста и как они содержатся

Когда жеребенок появился на свет, он называется Kulun, жеребенок-самец называется Irgkach-Kulun, а жеребенок-самка — Tuysuñ-Kulun. Первую зиму, когда жеребенок ставится на сено, носит он имя

Ubasa-Irgkack или Tuÿsuÿ, а следующей весной уже называется Tuÿi; такое имя он сохраняет до третьей весны и тогда получает наименование Tuÿsiengata. Последнее он сохраняет 1½ года, после чего называется по годам или возрасту: так, четырехлетний — Törtjack, Bestjak, Attalak и т. д.

Теленок вообще называется Nireitorbos, первую зиму Togoso-Torboso, весной или когда теленку один год бычок называется Tisagas+Irgak Tisagas, коровка — Tisi Tisagas. Вторую зиму Tasaga Tarar+Tisagas, третью зиму бык называется Tisania Kunan, коровка Tisania-Burgunas. Четвертую зиму Ognürömar, пятую — Bestach-Atir-Ogus, кастрированный — Bestach-Ath-Ogus, а коровка — Bestach-Inack и так дальше по годам.

Телята сосут только летом, до и после доения. Если теленок околеваает, то кожу набивают и во время доения чучело показывают корове.

Глава 11. *О средствах для верховой езды и езды на санях, которые у них имеются*

Седло называется Ignür — сделано из дерева, обложено жестью. На него якуты кладут подушку, набитую шерстью или пером, называется она Bodoska; поверх подушки покрывка из конской кожи — Debse. Стремена — Iseñgä. Подпруга — Kolun из кожи. Под седло кладут подстилку из войлока — Tellÿe. Узда — Un, сделана из кожи. В общем их средства для верховой езды как у бурят.

У них нет телег, а сани, которые якуты используют, чтобы возить вещи легом, походят на русские дровни и называются Sirga²⁵. Лошадей для упряжки не употребляют, а используют для этого только быков. На шею ему надевают ярмо — Borgoldschi, а вместо узды продевают в нос веревку — Tögöh, по-русски болна, и ею управляют. На быках также ездят верхом и перевозят поклажу, как на лошади.

Глава 12. *О луке, стрелах и другом оружии*

Оружие якутов — это лук — Sa²⁶ и стрелы — Bagadschi. Они такого же типа, как и у тунгусов. Колчан для стрел — Sadach, продолговатой формы и украшен стеклянным бисером, как у тунгусов. Налучник (чехол на лук) — Kuipnack как у тунгусов, только якуты носят его с левой стороны. Batas — оружие для сражения (тесак), сделано из железа — якуты делают его сами. Железо в один аршин длиной, спереди заостренное, а в середине шириной в три пальца, посажено на древко — Ur, которое длиной в одну сажень. Ратвие обтянуто берестой и кожей. Носят это оружие с левой стороны.

Batija, которую русские называют пальма, подобна Batas'у, только железная часть ее длиной в ½ аршина, а ствол — 1 ½ аршина. Это ору-

жие якуты употребляют при дальних путешествиях и для рубки леса. Носят его с правой стороны.

Охотничье копьё — Котоскоп похоже на *Batas*, только острее его, поменьше и пошире. Эти виды оружия имеют острие либо с левой стороны, либо с правой, поэтому ими можно рубить только с одной стороны. Их ножи того же вида.

Глава 13. Об их браках и церемонии при них

Богатые якуты обычно сватают своих детей уже с колыбели, причем делается сговор относительно цены за невесту. Калым называется у них *Sulu*. Самая высокая цена — это по 10 штук всех видов скота — мерин, кобыл, жеребцов, быков, вслов, коров, жеребят и телят. Когда просватанный захочет получить невесту, то дает об этом знать ее родителям, и они посылают нескольких мужчин, чтобы забрать калым у родителей жениха. Для этого сгоняют всю скотину, и присланные мужчины могут отобрать из стада по своему усмотрению установленное число голов скота. Когда нужное количество отобрано, скот гонят в дом родителей невесты, но если часть скота или даже весь скот разбежится по дороге, то снова его не дают. Напротив того, родители невесты должны послать родителям жениха приданое в половинном размере по сравнению с калымом. Это они называют *Ennia*²⁷.

Когда калым получен, собираются родственники со стороны невесты, и невеста наряжается, при этом лицо ее закрывается шкуркой соболя. Такое покрывало они называют *Аппак*²⁸. Потом невесту ведут к свекру и свекрови. При ее входе в юрту в огонь бросают кусок жира, и невеста девять раз кланяется — это называется *Togusta* и делается в честь высшего существа *Аг-Тоюн'а*. Когда она это сделает, то кланяется свекру и свекрови, которые желают ей счастья. После этого невеста опять идет из юрты к своему мужу, здесь она сбрасывает *Аппак* и садится возле него. Между тем вносится в дом все, что она принесла с собой. Сопровождающие ее, или свадебные гости, угощаются в особой юрте.

При этом я могу заметить, что после этого отец мужа и его старший брат стремятся предъявить на нее права, что ей не очень нравится. У тех, которые не имеют средств, чтобы жить отдельно, невестка должна носить *Tagalai* — верхнюю одежду с короткими рукавами. Когда она на ней надета, то свекр и старший брат жениха могут на нее только смотреть. Это принято и у богатых.

Полигамия у них распространена, как и у других языческих народов. Человек может взять себе столько жен, сколько хочет и на сколько хватит у него имущества, чтобы заплатить калым и их содержать.

Если муж умирает, то его младший брат может взять себе вдову, но если он ее не хочет брать, а она не имеет от умершего мужа детей, то все имущество переходит к его брату, а она должна служить у него

прислужкой. Если же кто пожелает на ней жениться, то он не дает никакого калыма, а выпрашивает ее у брата или свекра. Но если у вдовы остались дети, а брат умершего не хочет брать ее в жены, то она может жить одна со своими детьми и оставить себе все имущество. Если же вдова вторично выходит замуж, то новый муж выторговывает ее у свекра или брата покойного. Торг называется Atü. Вдова ничего не может взять с собой, кроме своей одежды.

Старший сын — это господин для всех, и он заменяет отца. На нем лежит обязанность заботиться об остальных. Дочери не имеют никакого наследства в виде движимого или недвижимого имущества, служат своему старшему брату, а когда выходят замуж, то калым за них получает также их старший брат.

Глава 14. О брачной жизни, беременности, рождении, бесплодии и других случаях, которые у якутов кончаются смертью или вылечиваются

У молодых якутов обычно много детей. Когда же они становятся старше, муж и жена спят отдельно. То же они делают и при беременности жены.

Беременность — Kat или Karinack. Когда женщина должна родить, то приходят к ней все женщины и девушки, а также приводят повивальную бабку — Kinbüsatschiämacksi. В землю втыкаются две палки, похожие на вилки, в два аршина длины, обязательно перед огнем, а на них кладут палку, на которую набрасывают верхнюю одежду с короткими рукавами — Tagalai. Женщина стоит на коленях на земле (на подложенном сене или траве), а руки ее лежат на Tagalai, висящей на палке. Повивальная бабка подходит сзади и хватает ее вокруг туловища, чтобы помочь ей в родах. Когда ребенок родится, пуповина перевязывается и отрезается, ребенка моют и отдают матери, которая кладет его в люльку — Bisik, сделанную из досок от бочки. Если родится мальчик, то другие приносят ему маленькие стрелы, железо и тому подобное, все это они кладут ему у головы. Если же рождается девочка, женщины приносят швейные иглы, наперстки, нитки и другое. Послед — Ogo Kata кладут в маленький сосуд. Вилкообразные палки и сено, на котором стояла роженица, связывают и все относят в отдаленный лес и вешают на дерево. Когда это сделано, закалывают животное, часть от него жертвуют огню, а мясо варят, и все съедают роженица и другие.

Женщина моет все тело три раза, и через три дня мужу разрешается снова спать с ней.

От бесплодия употребляют якутские женщины, как и тунгуски, червей Agui. (Об этом см. описание тунгусов.)

Болезнь, которая у них кончается смертельным исходом, — это французская болезнь — Igak. Бессилие, слабость — Kung-Igi — тоже болезнь, которая не может быть вылечена. Когда кто заболевает оспой — Adschii,

то все от него уходят и отправляются в горы; с больным оставляют одного человека, который уже болел оспой. Если у кого-нибудь оказывается сломанной черепная коробка, или, как они называют, *Bas-Kaidü-büt*, то в этом месте вскрывают кожу, кости соединяют и рану перевязывают, а если она начинает гноиться, то на нее кладут бересту и меняют ее до тех пор, пока рана не заживет. Перелом ноги — *Ungok-Tostübüt* лечится следующим образом: они берут маленькие тонкие дощечки и привязывают их вокруг перелома. Но пострадавший должен находиться в тепле и пить теплый молочный напиток — *Umdan*²⁹. Если кого-то сильно изобьют и есть угроза смерти, то берут одну скотину, ей вспарывают брюхо, вырывают сердце, а пострадавший должен высасывать из него кровь. Если у кого запор, то медвежьи кости варят в воде, туда добавляют сливочное масло и этим напитком поят в теплом виде. При всех болезнях и их лечении якуты призывают шамана и просят его помощи.

Глава 15. Об именах, которые дают детям, и как это происходит

Как только рождается ребенок, ему тотчас дается имя. А происходит это, когда приходит в юрту первый чужой человек. Дитя получает его имя.

Иногда приходит в юрту посторонний человек и может дать ребенку имя, какое захочет. Если же ребенок умирает, то последующим детям они имеют обыкновение давать самые отвратительные имена, как-то: *Bosogo, Itsack, Sachod, Kutujak, Kuter* и т. д. Якуты полагают, что дети, получившие такие имена, не так легко умирают, так как дьяволы, или злые духи, боятся человека с таким именем.

Когда же ребенок подрастает, то ему, кроме его основного имени, дают еще другое имя в зависимости от его качеств. Якут никогда не скажет свое имя, так как у них это считается позором. И имя умершего они никогда не упоминают. В этом якуты сходны с тунгусами.

Глава 16. О разводе, причинах последнего и о воспитании детей

Если муж или жена хотят развестись, это разрешается той и другой стороне, а поводом могут быть разные причины. Главная причина развода — это неверность жены, а также то, что она плохая хозяйка, неряшлива, ворчлива или не имеет детей. Если муж уходит от жены или выгоняет ее, то он теряет уплаченный им калым. Но есть и такие, которые отдаляют жен от себя, совсем не выгоняют, а держат их в качестве прислуги. При этом им дается некоторое количество скота. Если муж и приходит иногда к такой жене, то он никогда не садится на ее кровать. Есть и такие мужья, которые продают своих жен другим. Если же

жена убегает от мужа к своим родителям и заявляет, что больше с ним жить не будет, то мужу остается калым, а жена забирает свое приданое. В том случае, если у них есть дети четырех лет и старше, то муж оставляет их себе, но если младше, то они идут с матерью и находятся при ней до четырех лет, и отец не обязан давать средств на их содержание. Иногда он забирает этих детей от жены, и они становятся у него слугами.

Что касается воспитания детей, то оно такое же, как у тунгусов, — весьма скверное. Дети не уважают родителей, часто взрослые дети ругают, бьют своих родителей, иногда даже убирают их со своего пути, если они им становятся в тягость. Они делают это с помощью больших кусков мяса или сала, которые им запикивают в горло, чтобы задохлись.

Глава 17. О правосудии и о том, как злой поступок — воровство, убийство, проституция и нарушение брачной верности — карается

Убийца обязан отдать родственникам убитого столько скота, сколько они от него потребуют. Если же убийца холостой и ему нечего давать, то он должен навечно остаться рабом рода убитого. Это было обычаем у них в старину, теперь же такие дела разбираются на суде. Если кто украл лошадь, быка или корову и его уличат в этой краже, то вор обязан отдать скотину обратно и по ее стоимости еще в девять раз больше. При этом следует упомянуть, что и тот, кто не замешан в краже, но приходил к вору в гости и ел мясо зарезанной коровы, хотя и не зная, что корова краденая, должен вносить свою долю в уплату за кражу. Если девица уличена в сожитии, то тот, кто с ней имел дело, обязан представить такой калым, какой от него потребуют. Если женщину уличат в измене мужу, то искуситель откупается скотом, а если даже муж убьет виновника, то никакого возмещения с него за это не полагается.

Глава 18. О времени, годе, месяце и днях, о солнечных и лунных затмениях и причинах последних

Возраст человека или время жизни — Kisi-Ujata — 100 лет, возраст скота — Silgi-Ujata — 30 лет.

Год — Sül состоит из 12 месяцев, и последний — Tördünü, по-нашему сентябрь. Год составляют следующие месяцы: Basügnü, Alingnü, Setingnü, Aksingnü, Toksingnü, Oluinü, Kuluntutar, Bususster, Balikür, Basjä, Otija, Attü-Dschagä.

Новый год начинается с месяца Tördünü, потому что якуты в этом месяце переселяются из своих летних жилищ в зимние. Месяцы Balikür и Basjä по сути дела один месяц — июнь, а имеет двойное название, так

как в это время сдирают кору с деревьев, а также начинается рыбная ловля.

Осень — Kūsün — имеет три месяца, а именно: Tördünü, Basügnü и Alingnü. Зима — Kösün — тоже три месяца — Setingnü (по-нашему декабрь), Aksingnü, Toksingnü. Весна — Sas — три месяца — Oluinü (по-нашему март), Kuluntutar, Bususster. Лето — Sagin или Saiün также 3 месяца.

Месяц — Eüi — имеет 30 дней, день называется Kuin. Луну — Ui — делят якуты на три части, а именно: новолунье — Sang-a-üi, полнолуние — Tulun-üi и ущербная луна — Erga-üi.

Новолунье начинается с того времени, когда луна только показывается, а когда ей 15 дней — тогда начинается полная луна. Между увеличением и уменьшением луны — полнолуние. Первый день полнолуния называется у них Kuisil-Tuluna, второй день — Ürung Tuluna, а когда луна начинает убывать, то это называется Tütterda.

О солнечном и лунном затмении они говорят, что при этом большие светила умирают.

Большую Медведицу называют Arangas-Sulüs, Млечный Путь — Тапага Ола. Tutunen Suir büta — это путь, по которому шел на подбитых лыжах сын бога.

Глава 19. О танцах, соревнованиях в беге и их увеселениях

Unchü — танец по кругу, его исполняют во время Isöch'a — от мая до середины июня. Тогда все собираются по вечерам большими группами, как в деревне, так и в городе Якутске, и танцуют с вечера до утра все дни без исключения. Танец состоит в том, что собравшиеся мужчины, женщины и девушки берутся за руки, образуя большой круг, подпрыгивают все одновременно примерно полчаса и поют Ja i Süs su Bassa, потом поворачиваются в другую сторону и тогда поют Ka a kaksu.

Biti — танец, когда двое стоят друг против друга, машут руками и поют хрипящим голосом слова «öh öh öh».

Якуты прыгают также через веревку и играют в мяч. Находятся некоторые, кто состязается в ристании и ставит приз, и еще бывают увеселения, которые я не считаю нужным перечислять.

Глава 20. О празднике Isöch

Когда начинается новый год, после которого якуты переселяются в свои зимние жилища в месяц Tördünü (сентябрь), так же и весной, когда они в мае переходят в свои летние жилища, а кобылы приносят жеребят, устраивают якуты большой праздник, который называют Isöch, или Isök, или Uÿsöch. Устраивают этот праздник не раньше чем

приготовят достаточное количество кумыса. На праздник приглашается один шаман — Тапага³⁰ Isöch, иногда шаман — Saingnie, но прежде чем они придут, якуты готовят летнее жилище для праздника — обкладывают его внутри ветками лиственницы. Когда же шаманы придут, то возле них ставят двух мальчиков, которые держат кубки — Isöch-Umuja, а двое других мальчиков разливают кумыс. Все, кто собрался на праздник, садятся на пол. Затем шаман берет ложку — Isöch-Chapja, держа ее обеими руками и стоя перед очагом, черпает из одного Isöch-Umuja кумыс и брызгает им вверх, говоря при этом: «Бог, смотри». (Русский перевод здесь и дальше сделан самим Линденау.) При этом следует упомянуть, что шаман при каждой фразе три раза брызгает кумыс вверх. Когда он произнес указанные слова, то продолжает дальше свою речь: *Buüga Karal:tack, Kaptagai Tillack Taba atannak Ar Tojon* — по-русски это означает: «Лукавыми глазами недозрительной плоским языком несказаной ревнительной всемогущей владетель». *Us sachani ödüpüt urung ai Tojon* — по-русски: «три человека или якуты создавшие белой удивительной Бог». *Urung ai Iachtara Kubei Kotun* — по-русски: «благое удивительного владетеля госпожи», *Surdjak Suga Tojon* — по-русски: «страшной вострой Бог». *Kompogun Kotoi Ase* — по-русски: «плавящей дед». *Bar tiga maladahim: ongorog oi kan ordulack, Köh kan utaktak, Kurung tiga Kurumi ongorotschu Kompogun Kotoi Ase* — по-русски: «в пустом занимае корм творящей, в холмах обитающей сильной крови пивающей в гарем (горелом.— З. Т.) лесе пир творящей великой плавущей дед».

Род хоринцев, который почитает ворона, говорит: *Ürdük Tojon Ilgin ola, angni sagan Timir Tumuskun Tumustanan, Samackar Derü sarü Aderbeskin Katan, Kara Sillgineu ajan berarin, Tojon* — по-русски: «высокова Бога мизерной сын спешну железной нос носивши до ви[д] в сарах торбосах оболочившись на темной зоре ставши вороном скотину нам дарствуешь господин».

Когда речь шамана произнесена, то он дает каждому глоток из кубка. После этого он берет ложкой из другого кубка и делает так же, как раньше — при каждой фразе три раза брызгает вверх. *Desugei Tojon Ai djesallari, Seng asang* — по-русски: «Божие служители пейте да еште». Затем поворачивается к юго-западу и произносит: *Barilak Esebüt, Kara töga Kara Kilangnagü Kajen berering, Dsurgo sotologo Tosutan berering, Se a sa* — по-русски: «Лесной бог дедушка, в черных лесах черно в систи (не ясно.— З. Т.) заганиваешь и даруешь стегнистых обламываешь и дарствуешь, пей и ешь». *Bai bajanai, Elip turgen, Kuraatschi Siuruck, Kuralai Bergen, Seng, asang*. Когда он это произнес, то поворачивается дальше на запад и говорит: *Sir-daidu itschilera*. Тут он произносит названия урочищ, как-то: *Olbut allas oba, Kaptaga oba, Kuldati oba, Seng, asang*, при каждом упоминании брызгает он кумыс только один раз вверх. Наконец шаман становится против хозяина, его зовут, например, *Simisak*, и говорит ему: *Simisak ogogutugar Urung-Kara Tiulagin Uksiuten bering* — по-русски: «Симисак дитяте бело и черношерстны ум-

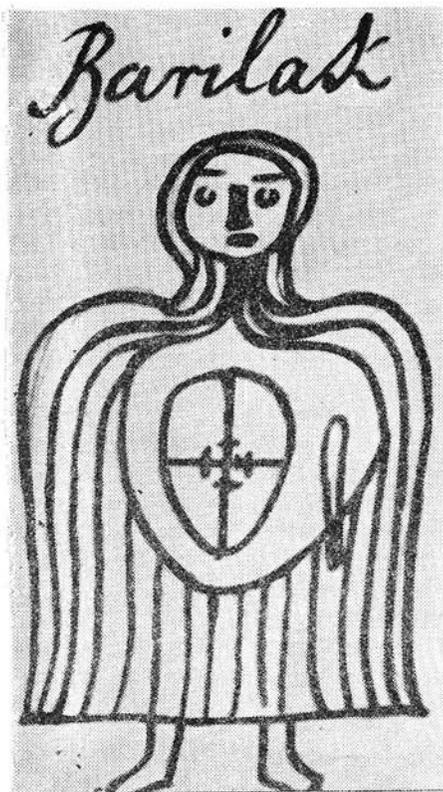

Рис. 2. Лесной бог Barilak.

ношь дарунт». Когда это произнесено, то шаман поворачивается на запад и говорит: Agis ataktak Adsjarai Bógo, Urduik menga Tangaraga batýmüagin, Tört utugen Ódaniger Sirdamiting, Sölisar berin börden, üs Tüütün Tulenien Sütti Karaging otun Kalbarüt Omuck omukka Ulu Kisi и брызгает один раз вверх — по-русски это означает: «возьми нагой адзарай борущей на высоком небеси неужилса, презподня дно поселился, как налимья макса умяхнись, рысья шерсть ошерстись, остро глаза зреные отворотн иностранных почтено человек». Inaksit Tanara Tümani ödipüt Tünaдschin Tojon, müngu öskapüt mungadschin Katun Kүпәnәkci Kis, Ari-Kanjak Alaastak, Ut Köllak, Sorat Turangnak, Samnak öt Daidulak, sasül Sisülack Inaksit, Asang, seng — по-русски: «Король Бог всячину сосдавши тымядзин тойон бесчислено расплодивши мунгадзин катун урусливая девица топленной масляной тлан молочно озера от Сора. Солонцы под талавым кустом жительствоющей, желтым полям владающим коровники пейте и ешьте». Когда это произнесено, дает шаман опять каждому сделать глоток и передает наконец кубок тойону. Этот дает его наполнить и держит кубок перед собой на коленях. Затем зовет или говорит «подходите» всем своим подчиненным. После этого подходят все один за другим, обнажают свои головы и падают

перед ним на колени. Тойон каждому дает выпить из кубка и после этого говорит: *Ajung-Tangarang Aburatin, Kisi-kara bol* — по-русски: «Господь Бог да милует тебя, будь человек на веки». Так говорит он каждому. Когда все через это пройдут, то могут веселиться кто как хочет — на свое усмотрение, пока имеется кумыс. Когда гости хотят разойтись, то садятся на лошадей, становятся в один ряд и их снова всех угощают кумысом — обносят в нескольких кубках. В это время хозяин говорит гостям: *Asan aracksin, Korgutumang, barin Turkari* — по-русски: «Пейте разете[с], не сердитесь, сколько каково что есть». Тогда отвечают гости: *Asatibut Tottübut! Tugu Korgutok-putui!* — по-русски: «пили сит[но], что сердитна». После этого уезжают верхом один за другим.

Глава 21. *О шаманах, или об ојупен, их традициях и действиях*

Ојупен, или, как иначе их можно назвать, волшебники, — *Tangara oјun, Semagk oјun* и *Kutuguck*.

Tangara oјun имеет своими покровителями *Varilak'a* (рис. 2) и *Tuttorbit Tördo*, как и других, которых якуты высоко чтут. Тем не менее предпочитается *Varilak*. Те шаманы, которые от него зависят, имеют все блага.

Semagk oјun состоит в подчинении у *Agis Ataktak Adsjarai Bogc* и может помочь только тем, которые заколдованы.

Tangara oјun и *Semagk oјun* имеют волшебные бубны, с помощью которых совершают свое камлание. Когда же они таковых не имеют, то пользуются при камлании луком. Имеются и женщины, которые, подобно мужчинам, являются шаманами. Их называют *Udagan*. *Kutuguck'*ами называются такие люди, которые гадают по руке, как цыгане, или берут от человека платок, шапку и кладут их под себя, а на следующее утро рассказывают, что должно случиться с данным человеком. Имеются еще люди, похожие на *Kutuguck'ов*, предсказывающие будущее, которое якобы видели во сне.

Прежде чем кто-нибудь становится шаманом, как утверждают якуты, он подвергается разного рода мучениям со стороны дьяволов и духов и впадает в экстаз. Это происходит так же, как у коряков, бурят и тунгусов.

Для камлания шаман надевает специальную одежду, парку шамана — *Kügersan* или *oјun Tangusa* и сапоги — *Atärbas* из замши выше колен. После этого он садится против огня и держит левой рукой волшебный бубен — *Tuingnug*, а правой — волшебную палочку — *Vulučjak* и начинает совсем тихо бить в бубен и при этом петь. Через некоторое время он начинает кричать *Ku, Ku, Ku* — все, все, все. Когда он это сделал, то начинает бить в бубен сильнее и петь очень громко *Edsjam, Edsjam, Edsjam* и другие слова, которые ни переводчики, ни сами якуты не понимают, так как шаманы, у какого бы народа они ни были,

имеют свой особый язык во время камлания. После того, как шаман некоторое время сидел, он встает и покачиваясь ходит вокруг, пока не упадет в обморок. В это время подсакивают другие, чтобы его поднять, а один из них высекает над ним огонь, после чего шаман приходит в себя и, как прежде, поет и бьет в бубен. Потом он это прекращает и начинает говорить сам с собой, а затем предсказывать. Если он камляет у больного, то требует жертвы, которая тотчас и приносится. В жертву приносят теленка, корову, быка или лошадь. Кожу с головой и ногами натягивают на палку и вешают на дерево с огрубленной вершиной в том направлении, куда велит шаман, а мясо съедают. При этом свежие кожи с деревьев часто крадут, и тот, кто принес жертву, если он не находит вора, должен заколоть другое животное и повесить его кожу.

Глава 22. *О жертвоприношениях,
где и как это происходит и кому приносятся жертвы*

Жертву Kerjösch приносят во время праздника Isöch. В жертву приносят различного рода скотину. У больных обычно приносят жертву Usaagi Abasi или Allaragü Abasi, от которых возникает болезнь. Если болезнь возникла от Usaagi Abasi, то кожу от скотины вешают на дерево головой кверху, если же болезнь от Allaragü — то кожу вешают головой вниз.

Заново становящийся шаман должен принести жертву Barilak'у и Tutteirbit'у Tögdö только один раз в своей жизни. Кузнецы тоже обязаны, когда они изучили свое ремесло, принести один раз благодарственную жертву Us Tögdö'у — скотину черной масти.

Если кто-нибудь исцеляется от болезни, то приносят жертву Oli Sola'у — скотину черной масти. Кости при этом вешают на дерево. В дороге не забывают якуты также и Sir-Itschite. Когда они поднимаются вверх по рекам и проезжают их истоки, они имеют обыкновение в горах вешать на дерево конские волосы. Если на пути находится солидное дерево, то говорят якуты Itschilak mas и на него подвешивают всякие тряпки, потому что это дерево лучше других деревьев и, как они думают, Sir-Itschite имеет в нем свое местожительство.

Якуты очень почитают огонь и поэтому ежедневно приносят ему жертвы от своих кушаний.

Глава 23. *О захоронении мертвых, местах захоронения
и состоянии душ после смерти*

Если якут умирает зимой, то тело его заворачивают и оставляют лежать в юрте там, где он умер, а другие уходят прочь. Весной же, после Isöch'a, родственники собираются и укладывают труп в выдолбленный из дерева гроб (колоду) — Kortschak — с лучшими зимними и летними одеждами покойного. Обычно тойонов хоронят около их предков, дру-

тие же еще при жизни подыскивают себе место, где они хотели бы быть похоронены. Когда тело уложено в гроб, подвозят сани, которые тянет бык, и на них устанавливают гроб. За гробом идут родственники с вещами покойного, причем двух или трех лошадей с лучшими верховыми принадлежностями ведут к могиле. При этой процедуре бывает много плача и стенаний. Когда же подходят к могиле — Ijasir, то погружают в нее гроб (так, чтобы ноги покойника были на восток), а рядом с ним кладут его вещи — лук, стрелы, ножи и так далее, каждую из которых немного надламывают для того, чтобы покойник не взял счастье полностью с собой, или они хотят этим выразить мысль, что мертвец не нуждается в целых вещах. Лошадь, которую бьют до тех пор, пока она не сдохнет, тоже бросают в могилу со всеми принадлежностями для верховой езды. Других же лошадей, тоже убитых, зарывают в землю, но несколько дальше от могилы. Могилу покрывают корой и забрасывают землей. На углах же втыкают шесты, на которые насаживают сделанных из дерева птиц. Их называют Olü Sora Turaga, и они якобы должны сопровождать душу покойника. Когда это все сделано, закалывают еще несколько кобыл следующим образом: им связывают ноги, валят на землю, вспарывают брюхо и вырывают сердце. Кожу сдирают и тоже вешают на деревья. Мясо же съедают в вареном или жареном виде. После этого все идут домой. Когда пройдет неделя, снова собираются все, кто был на похоронах. Опять на место погребения приводят несколько кобыл. Над могилой делают навес, кобыл закалывают и, как раньше, мясо съедают. Сколько лошадей зарыли с покойником в землю, столько вырезанных шестов устанавливают с одной стороны могилы, а с другой ставят столько шестов, сколько лошадей съели на похоронах. Так происходит захоронение у богатых.

Когда погребают шаманов, также производят все вышеописанные церемонии. Но шамана не зарывают в землю, а укладывают на помост такого же вида, как у тунгусов Geramki. У якутов он называется Agagas. Кроме одежды шамана, которую кладут рядом с ним, бубен и специальную одежду для камлания — Kүгerson вешают на шесте над помостом. Таким же образом хоронят и шаманок.

Те, которые небогаты, оставляют покойника в юрте, выносят все свое имущество оттуда, поджигают юрту и уходят. Те же, которые вообще никакого имущества не имеют, оставляют лежать покойников там, где они умерли. Таких довольно много на дорогах, на улице и в лесу.

Если в какой-нибудь семье кто-то умер, то, пока покойника не осветит молодой месяц (пока не будет новолуния), родственников ни к кому не впускают, потому что они считаются нечистыми. Это называется Kordaқ Kisi. У богатых, когда якуты еще не находились под властью русских, был обычай: когда умирал тойон, его лучший и самый верный слуга в праздничных одеждах должен был ложиться живым в могилу к своему господину и быть погребенным. За женщинами же должна была следовать девушка.

У богатых якутов есть также обычай через год после смерти близ-

ких устраивать поминки. Все родственники опять сходятся и едут верхом к могиле. Не сходя с лошадей, они три раза объезжают вокруг могилы против солнца. Затем слезают, закалывают несколько кобыл, которых они тут же и съедают. Головы их и кости вешают на дерево. Эти поминки они называют *Ungogun orgidjackpit*. Езда верхом против солнца бывает у них только в этом случае.

О состоянии душ после смерти якуты говорят, что они проходят в одно место — *Olü Sira Oldaida*, шаманы и шаманки — в царство *Tuttarbit Tördö*. Духи шаманов после смерти последних якобы часто приходят к живым и причиняют им различные неприятности. Но чтобы это отвести, призывается шаман, который духов прогоняет. Он вырезает из дерева маленького болванчика, одевает его в лоскуточки, засовывает в маленький *Tuja* и вешает в юрте на почетном месте. Они думают, что этой воображаемой почестью, которую они якобы оказывают умершему шаману, они изгнали духов. Такой болванчик называется *Ojup opa* или *Udagan öra*. Далее якуты утверждают, что те, которые в этой жизни были богаты и всего имели вдоволь, будут иметь то же самое и после смерти. Те же, которые бедны и влачат жалкое существование, и в будущей жизни ни на что лучшее надеяться не могут. Ни о каком воскресении мертвых и соединении душ с телом они ничего не хотят знать, говоря, что, кто раз умер, никогда не воскреснет.

Глава 24. О боге, ангелах, дьяволе, различных духах и разновидностях последних

Бога и небо называют они одним словом — *Tangara*, или *Tanaga*. Но они разделяют божество на три лица и называют их: *Ag-Tojop* — самое знатное божество, имеет престол в 9-м небе; *Urungai-Tojop* — брат первого, имеет жену *Kul. Kotun*, *Suga-Tojop* — третий, младший брат. Это триединство объясняется следующим образом: *Ag* означает большой, всемогущий, высший, прилагательное же «большой» обозначается словом *Ulaspaq*, а слово *Ag* применяется исключительно только для обозначения божественного. *Tojop* — князь, господин, повелитель над многими. *Urungai* — мудрец, всезнающий, обычно же *Urung* означает мудрый. *Suga* — острый. Как указано выше, имеет *Ag-Tojop* свой престол в 9-м небе, а именно на востоке; все другие от него удалены и имеют особое место для своего пребывания. Различные места их нахождения не могут быть представлены никаким другим способом, как только с помощью компаса, потому что они располагаются по его разделению.

Как видно на рис. 3, с одной стороны *Ag-Tojop*'а помещается *Suga Tojop*, с другой — *Urungai-Tojop*. Другие расположены в следующем порядке: за *Urung Tojop*'ом находится *Komporun-Kotoi*, который, по-видимому, рассматривается как архангел; он имеет под своим началом *Desugei*. Они имеют престол с *SO* до *S. Barilak* и его роды, как-то:

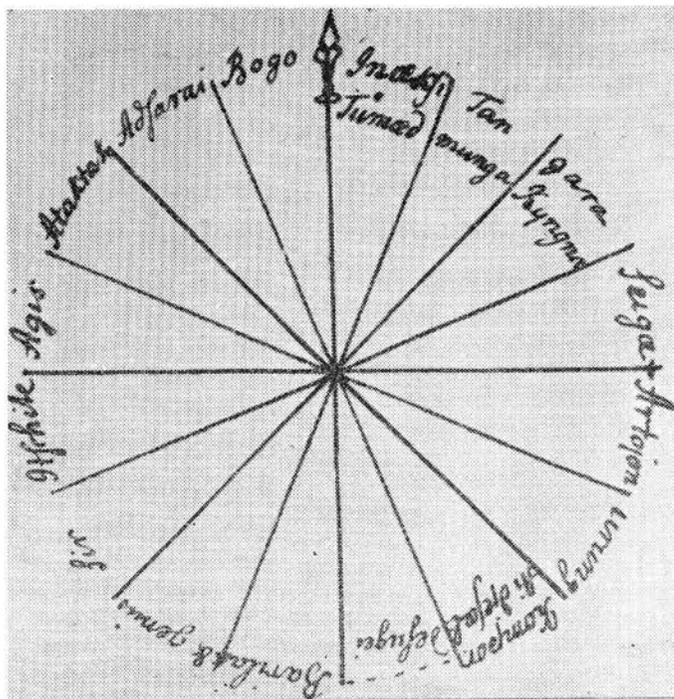

Рис. 3. Круг наподобие компаса, где представлены места нахождения якутских божеств.

Vaibajanai, Elipturgen, Kuraatschi, Siuruk, Kuralai-mergen. Каждый якут имеет Barilak'a в своей юрте. Он, по представлению якутов, является ходатаем за них у Tangara'a, чтобы им сопутствовала удача на охоте. Он имеет престол со всем родом от S до SW. От SW до W имеют свое пребывание Sir Itschite; они неисчислимы, потому что каждое внутреннее озеро, река, гора и дерево имеет своего Itschite, и они разделяются на два класса, как-то: Sir и Ultschi. При этом надо упомянуть, что якуты и мамонта относят к Itschite — они называют его Ochso или Uóchso. Якуты, которые живут в области Вилюя, сообщили мне, что они часто видели мамонта живым — у него голова быка, кости, которые называются зубами, представляют собой рога, шкура коричневая.

Говорят, что когда мамонт идет, то движение воздуха такое сильное, что реки вздымаются, течение их усиливается, а шум при этом слышен якобы очень далеко.

После Itschite следуют Agis, Ataktak, Adsjarai, Bögo и их супруги. Они якобы неисчислимы. Они имеют под своей властью семь других родов, которые называются Allagau Abasi, или Kara mekir Dschon. Их престол от W до N, и там в преисподнюю. С севера ON следуют Inakstj Tangara, их тоже три — отец Tümadschin Tojon, его жена Mung-Adschin Katun, дочь Küngnackoi-Kis. Отец имеет под своей властью (покровительствует им) быков, мать — коров, а дочь — телят. При этом следует еще сказание, якобы эти трое находятся на Allas'e,

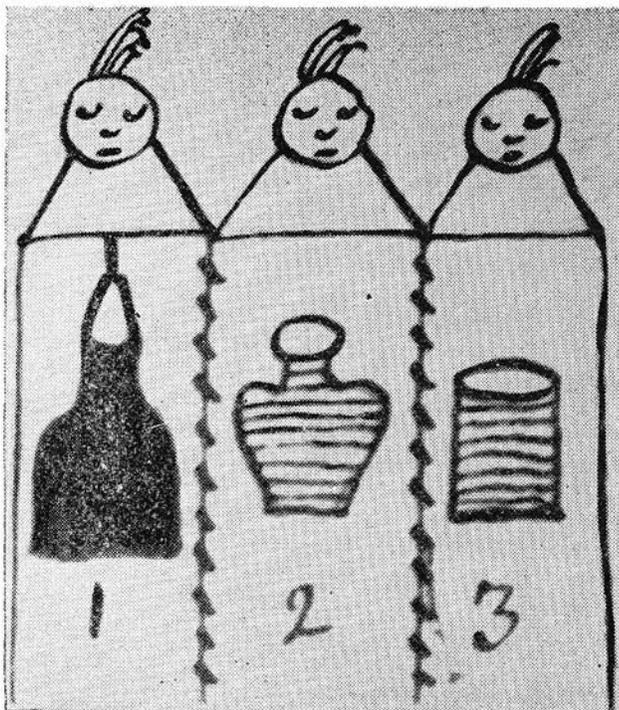

Рис. 4. Изображение Inaksit Tangaga с тремя лицами на куске кожи.

или поверхности, которая вся залита маслом. Дочь якобы богаче, чем родители, иногда очень своенравна, и когда она рассердится, то душит телят. Поэтому, чтобы удержать ее в хорошем настроении, якуты помещают изображения Inaksit Tangaga на куске кожи с тремя лицами, на голове пучки перьев (рис. 4). Эти куски кожи подвешиваются над сосудами для молока. Usaagni, или Üssagü Abasi,— духи, которые носятся в воздухе; их 8 родов; они называются Tschogur Sülgilak, имеют главу Ulu Tojon'a, держатся в сторону юга. Ojuna Tangaratan — духи, которые служат шаманам, к ним причисляются и духи самих шаманов во главе с Barilak'ом и Tuttarbit Tördö'мом. Us Tördö — «кузнечный корень» держится в сторону юга, только несколько ниже, чем Ulu Tojon.

Глава 25. О сотворении мира, метеоров и о конце мира

О сотворении мира сообщают якуты, что Ar-Tojon, Urung Tojon и Suga Tojon единодушно согласились создать небо и землю и, как они говорят: Sir Tangara ödübita, Kuin, Cui, U, Kisi, bari Kamnür Kaга ongnorbutag — «Земля, небо началось. Солнце, месяц, вода, человек и все движущие черны сотворены». Adsjarai bögo же создал метеоры, так как он хотел иметь весь мир под своей властью, как и предыдущие, но Ar-Tojon и его братья прокляли его и ввергли в преисподнюю —

Odangnia, вследствие чего он стал врагом человеческого рода и животных и по временам мучает их морозом, снегом и дождем.

У якутов относительно этого имеется сказание. Он, Adsjarai bögo, потребовал только для себя солнце и воду, которые ему и хотели дать при условии, если бы он схватил отблеск — Dsergelgen, но так как он этого сделать не смог, то все осталось по-старому. Мир, который они создали, состоял сначала из неба, которое было как маленькое кольцо, и земли, которая была похожа на Tellak³¹, но только она была большая. Позже она еще значительно увеличилась. По мнению якутов, этот мир будет стоять еще два поколения, 200 лет, после чего он погибнет от огня. Останутся только двое детей — мальчик и девочка, а небо опять будет как кольцо, а земля как Tellak. Мир будет отдан этим детям и будет опять расширяться, как было раньше.

Столько я имел сообщить о якутах, чем это сочинение и кончается.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Каштар — это родовое название качинских татар. Как отмечал Г. Ф. Миллер, наименование «качинцы» было дано группе населения, жившей в Тюлькиной (аринской) земле по р. Каче. Миллер писал: «Родовое название этих татар, которым они отличались от других родов своего народа, было «кашкар, каштар или кашкалах». От этого произошли русские слова «качи» и «качинцы». — См.: Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. — Абакан, 1957, с. 84.

² В атласе 1745 г. село Качег на правом берегу р. Лены; в атласе 1905 г. это село называется Качуга, а на карте 1968 г. — Качуг.

³ На картах XVIII в. имеется деревня Взвозная, у которой был Якутский взвоз; как выяснилось в 1947 г., эта деревня получила также название деревни Макаровой (расположена в 5 км ниже Качуга, на правом берегу р. Лены). — См.: История Якутской АССР. — Якутск, 1955, т. I, с. 335.

⁴ На якутском языке «Якуцкий взвоз» называется «гора Кюбюлюр». Это проложенная якутами дорога, по которой они спасались от бурят еще в то время, когда сами жили ниже села Качуг. — См. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. — СПб., 1909, стб. 2.

⁵ Антантюнк, как записал Линденау, может быть, соответствует современному якутскому слову татыйык — «сеница» в сочетании с аан — «величественный», «важный», то есть в целом Аантатыйык. — См.: История Якутской АССР. — Якутск, 1955, т. I, с. 356.

⁶ В русских документах XVII в. Mundschan упоминается как Мындяк, прадед известного кангаласского тойона Мазары Бозекова. — См.: Якутия в XVII в.: Сб. /Под ред. С. В. Бахрушина, С. А. Токарева. — Якутск, 1953, с. 145—146.

⁷ Буквально «тойонский род» означает господствующее, первенствующее положение его носителей над всеми остальными якутами, причем титул этот прилагался только к лицам, происшедшим от Элея. — Там же, с. 393.

⁸ Озеро Мюрю (по карте 1935 г.) к северо-востоку от г. Якутска.

⁹ Р. Тата — левый приток Алдана (по карте Иркутской губ. 1776 г.).

¹⁰ Р. Амга — левый приток Алдана (по карте Иркутской губ. 1776 г.).

¹¹ Озеро Табага — южнее г. Якутска (по карте 1968 г.).

¹² В переводе Линденау слово «сопеге» означает крепкий засов, слово «сайсар» — ребенок бежит к своей матери.

¹³ В «Сибирской истории» Фишера указано, что стольники Петр Головин и Матвей Глебов, дьяк Ефим Филатов, письменный голова Ананий Леонтьев Бахтеров, Василий Данилов Поярков и другие были отправлены из Москвы еще в 1639 г., но в «означенное им место не прежде как в 1641 году прибыли» (СПб., 1774, с. 528).

¹⁴ В русских источниках «волостями» именовались якутские племена; якутское название их было аймак.— См.: История Якутской АССР.— Якутск, 1955, т. I, с. 292.

¹⁵ Р. Пеледуй — левый приток Лены (по карте Иркутской губ. 1776 г.).

¹⁶ Kologos — посуда из кожи или бересты, вмещающая от 3 до 12 ведер.

¹⁷ Р. Селемджа — левый приток р. Зеи (Амурская обл.) по карте 1935 г.

¹⁸ Бäläпчи — два набедренника из четырехугольных кусков красного или синего сукна или из какого-либо меха, которые в старину богатые якуты привязывали к поясу поверх своей одежды.— См.: Пекарский Э. К. Указ. работа, стб. 428.

¹⁹ Голица — кожаная рукавица.— См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка.— М., 1955, т. I, с. 372.

²⁰ Кыггы — серебряный массивный шейный обруч в виде овального круга, к которому спереди и сзади подвешены серебряные или вообще металлические пластинки с длинными серебряными же цепочками и который надевают женщины в виде украшения.— См.: Пекарский Э. К. Указ. работа, стб. 1390.

²¹ Озерный голянь, в Сибири мунду — небольшая рыба, населяет озера, относящиеся к бассейнам всех рек Северного Ледовитого океана от Северной Двины на западе до Колымы на востоке. Окраской и формой тела озерный голянь напоминает ляня.— См.: Жизнь животных.— М., 1971, т. 4, ч. I, с. 285.

²² Провесная рыба — просушенная на воздухе, вяленая; прUTOвая — нарезанная тонкими пластинами, напоминающими прутья, вяленая.— См.: Даль В. И. Указ. работа, т. 3, с. 475, 529.

²³ Суорат — по-якутски кислое молоко.— См.: Пекарский Э. К. Указ. работа, стб. 397.

²⁴ Тар — кислое молоко, запасаемое на зиму.— См.: Пекарский Э. К. Указ. работа, стб. 2564.

²⁵ Сани — сыарга. Полозья их были не гнутые, а выделялись из корневища с естественной кривизной.— См.: Народы Сибири.— М., 1956, с. 281.

²⁶ Сā — лук, якутское старинное охотничье оружие; старинный лук с изгибами на обоих концах, длиною в рост человека; к этим изгибам приклеивали крепкие гладкие рога с выемками, на которые накладывали тетиву и закручивали; остов лука делали из крени; для большей крепости приклеивали отрезок березы с таким расчетом, чтобы концы не доходили до изгибов лука; поверх крени и березы наматывали спинное сухожилье рогатой скотины, на которое наклеивали желтую бересту; поэтому якутский лук был довольно тяжел и весьма прочен.— См.: Пекарский Э. К. Указ. работа, стб. 2003—2004.

²⁷ Слово, которое Линденау записал как Еппи, в словаре Пекарского обозначено Апjä (стб. 255).

²⁸ Андых — покрывало, каким невесты в старину закрывали лицо.— См.: Пекарский Э. К. Указ. работа, стб. 107.

²⁹ Умдāн, ундан — квашеное молоко, смешанное с помощью мутовки с холодной водой.— Там же, стб. 3009.

³⁰ Слово «Танара» обозначает название добрых существ; доброго духа; главное божество, живущее на седьмом небе; святого; духа-покровителя (некоторые животные и птицы считались покровителями якутских родов и признавались их родоначальниками); изображение духа-покровителя.— Там же, стб. 2551.

³¹ Tälläx — ковер из конской шкуры, потник, подстилка, служащая тюфяком; представляет собой продолговатый четырехугольник, по величине соответствующий росту человека.— Там же, стб. 2630—2631.

СЛОВА ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ТЕКСТЕ РУКОПИСИ Я. ЛИНДЕНАУ О ЯКУТАХ

Отдельные якутские слова, но не словосочетания, приведенные Я. Линденау, в большей своей массе отыскиваются по словарям якутского языка, что подтверждает правильность их транскрибирования Линденау. Только при пользовании словарем следует иметь в виду следующее:

Звук «h» в начале слова встречается редко, чаще слышится «с». Все такого рода слова якуты пишут через «с» — независимо от того или иного произношения.

Звук «к» перед «а» и «о» несвойствен якутскому языку и встречается лишь в весьма редких словах, большей частью заимствованных из русского языка. Слова, в которых начальные слоги слышатся как «ка» или «ко», следует искать под «ха» и «хо».

Все слова, в которых слышится начальный «j», следует искать под «dj», например, *jaxтар* см. *djaxтар*.

Звук «с», находясь между двумя гласными, произносится и как русское «с» и как звонкое «h».

Звук «е»-«о»; «i»-«и» или «ы»; «а»-«э»; «к»-«к» или «х».

«Да»-«та» (*tä*) или «дä», «дö». «Та», присоединяясь энклитически, звучит и «tä», «tö», употребляется после глухого согласного во всех случаях, что и «да» (*dä*, *dö*).

Ab — очень

Aba — яд

Adsiarai — мощный

Aedschi — оспа

Aetaerbas — сапоги шамана

Agis — восемь

Agui — червь

Ai djesallan — всезнающий слуга

Ajagan — удалой

Aksingni — январь

Allargue — самая нижняя

Alta — шесть

Ambu Olue Soro Turaga — мертвые во-
роны

Amckar — амбар

Annak — покрывало, каким невеста за-
крывала лицо

Antantueik — возвращающийся

Arai — может быть

Agal — хомут

Arangas-Sulues — Большая Медведица

Argijss — кушанье из голов рыб

Argi — распущенное масло

Argi — остров

Artbudai — урод

Asi — горький

Ath — мерин

Atir-ora — жеребец

Attirdach — вильный месяц (месяц,
когда работают вилами, то есть за-
готовляют сено)

Badschir — творение

Baelan — готовый

Baelie — знак

Baertoelaech — черная полоса на
волчьих лапах

Baetugen — тонкошей

Bagadschi — изделие, стрелы

Bagar — любовь

Bagarach — горшок для молока

Bai — богатый.

Baibajanai — шедрый

Baigantai — самый богатый

Balagur, Balijer — спорщик

Balik — рыба

Balliksit — рыбак

Barilak — лесной бог

Barkutai — я иду и наливаю

Bartak — опора

Bas — черпать

Basar — она почерпнула

Basargas-Sarui — летняя кожаная обувь
 Basija — еловый месяц
 Bas-Kaiduebuet — повреждение черепа
 Basyea — июнь
 Bat — гнать
 Batas — тесак
 Batija — пальма
 Batur — храбрый
 Baturusa — носилки
 Be-ir-oegas — сосуд для доения кобыл
 Belaptschi — куски, закрывающие нижнюю часть туловища
 Beltschijelt — гулять
 Bes oga — смесь из древесной коры с молоком
 Bie — кобыла
 Bill — таймень
 Billag — с крестом
 Billagan — ты знаешь
 Billag-son — женский длинный кафтан
 Billisak — кольцо
 Bilsisack — мы будем знакомы
 Bit — вошь
 Biti — танец, когда двое стоят друг против друга
 Bodoska — подушка на седле
 Boego — боец
 Boego Kis — сильный человек
 Boer — почка
 Boeroe — волк
 Bogdo — хвалебное слово
 Bokdoi — видит чудо
 Bolotoi — сабельник
 Borgons — земля, глина
 Borgoldschi — ярмо
 Borogo — дитя земли
 Bosak — низший
 Bosogo — самый младший слуга
 Buesak — нож
 Buetasack — скот
 Buga — бык
 Buijit — лить
 Buisit — забор
 Bu-it — собака
 Buijkei — изгородь
 Bula — мешать
 Bulkuger — он мешает
 Bulkui — мешаю
 Bulujak — колотушка к бубну
 Buiumak — блюдо из лилии толченой и вареной
 Bus — лед
 Buerpak — горбаса с короткими голенищами
 Debse — крышка из конской кожи для седла

Derse — выступление
 Desugei — верный слуга
 Djoksogon, Djoksogut — невзрачный
 Djorchan, Dsjar — плохой запах
 Dogur — спутник, даур
 Dschang — болезнь, чума
 Dschiae — юрта
 Dschon — народ
 Dschong-or — тугун
 Dschu — потерявший
 Dschukagil — название юкагиров
 Dsje — зимняя юрта
 Dsjel — дверь
 Dsohjukola — юкола
 Dutar — схвачен

Elaptin Batija — маленький охотничий нож, привязанный с правой стороны
 Elip — украшение
 Ellue — день
 En lling — твоя рука
 Engnack — в запасе
 Ennia — приданое
 Enorska, Enoer — множество
 Erga-ui — старая луна
 Ersogotorch — единственный человек
 Euei — месяц

Gas — сосуд

Harga — большие серьги

I — обод вокруг сосуда
 Ignuer — седло
 Ijae — мать
 Ijasir — могила
 Ililer — подъехав, задержав
 Ilim — невод
 Inak-ir-oegas — сосуд для доения
 Inaksit — коровий пастух
 Ir — молочный
 Irak — сифилис
 Irbit — запутанный
 Irdar — нагружение
 Irgaech-kulup — жеребенок самец
 Is — пить
 Isengna — стремя
 Isit — домашняя утварь
 Isit Dogor — слушаю друга
 Isoech — праздник обрызгивания
 Isoech-Umuja — деревянный бокал
 Istack — рыба икра
 Istjachsen — шуба из замши
 It — молоко

- Itarda — имущество
 Itschilak — громадное дерево
 Ka — всякая посуда
 Kadschaga, Kadschajer — крепкий
 Kainjack — кислое молоко
 Kajagas — яма, дыра
 Kaktu — сушеная рыба
 Kalback — название калмыков
 Kalckaptschi — кровать
 Kalkala — стой на свету
 Kalkalir — он стоит на свету
 Kaltan — голый, без шерсти
 Kaltan-Suturo — наколенники
 Kaltan-Uetueluk — рукавицы
 Kamijak — ложка
 Kamues — заклепка
 Kap — кровь
 Kanagar — кто идет прямо
 Kangalas — казарки (вид гусей)
 Kanjak-Uta — сыворотка
 Kanoidum — торфяной мох, рог
 Kara — черный, глаза
 Kara-Ath — черная лошадь
 Karbuibut — упавший
 Karbusun — послед коровы
 Karabutik — черная борода
 Karinack — беременность
 Kas — гусь
 Kat — надеваю
 Katai — злиться, враждовать
 Katamaldai — пылающий
 Katintscha — маленькие чулки
 Katues — стерлядь
 Keli — шест
 Keri — кругом путешествующий
 Kerien-Umija — круглый сосуд из дерева с плоским дном
 Keriser — обезд
 Kerja — заслуживающий почета
 Kerjachtak — заслуживающий похвалы
 Kerjoech — жертва
 Kinbuesatschiaemacksi — повивальная бабка
 Kirgues — сражение
 Kis-Kara — чернота соболя
 Kisi — человек
 Kisi-Uejata — возраст человека
 Kisi unyoga — место погребения
 Kitis — соединять
 Koegoer — сосуд из кожи
 Koek — синий
 Koes — объем, миля
 Koesin — зима
 Kogue — удочка
 Koieg-ess — змеин корень
 Kol — лопатка
 Kolbuga — шумовка
 Kolobut — похудевший
 Kologos — сосуд из кожи, бересты
 Kolumtan — очаг
 Kolun — подруга
 Komrogum — большой
 Kor — мало
 Koratim — стрела, выпущенная вверх
 Kordoi — видящий
 Korobertes — ничего не предлагает
 Korogor — боится
 Koron — дыра, нора
 Kortschak — кувшин, гроб
 Kosui — скребу
 Kosuje — маленький
 Kotockop — охотничье копье
 Kotoi — орел
 Kotop — закуток в юрте для молочной коровы
 Kubei — госпожа
 Kueila — сени
 Kuem — искра
 Kuemyesta — щипать
 Kuemyesta-Kuba — так просят кумыс
 Kueraenjak — беглый
 Kuesaengna — круглая железная пластинка сзади на одежде шамана
 Kuesengnei — желанный
 Kuesuen — осень
 Kiesuengnu — зима
 Kietier — суслик
 Kietueer — ждет
 Kietuer kisi — злой человек
 Kiesil — красный
 Kuesuen — как сильно
 Kugosuck — пот
 Kuilba — сени
 Kuin — солнце, день
 Kuinnack — налучник (чехол для лука)
 Kuinniak — светлый день
 Kuisil-Tuluna — первый день полнолуния
 Kujilar — косоглазый
 Kujildschir — кривошей
 Kujildseu — латунный обруч, который женщины носят вокруг шеи
 Kulun — жеребенок
 Kulun-Son — летний кафтан
 Kuluntutar — апрель
 Kung-Iri — обморок
 Kura — изгородь вокруг сена
 Kuralai — веселый
 Kurdschuges — бурундук
 Kurdschuruegur — свистящее
 Kurun — синие лилии
 Kus — сила
 Kusejem — желать
 Kuturuk — хвост у животных

Kyerer — быстро
 Kyererson — одежда шамана
 Kynpnackoi — упрямый

 Liba — кислая рыба
 Lutschoe — так называли русских. (Линденау считает, что произведено от русского слова «лучше», потому что русские говорили «мы лучше».)

 Magu — прежний
 Majagas — сиг
 Mangaras — мычание
 Mano — красная лилия
 Mas — древесина
 Mekir — хитрость, коварство
 Menga — родимое пятно
 Mergen — защита
 Min Dschonot — мой род
 Min Ilim — моя рука
 Moin — шея
 Moitoruk — боа из беличьих хвостов
 Mos — пор
 Mostak bargasa — шапка с рогами
 Muncha (Muncka) — мешкообразная сеть
 Mundschan — нужда
 Mung — много
 Mungadschik — кто много производит
 Munkal — в большом количестве оставшийся
 Minniak — созывать
 Mus — собирать

 Nachara, Nakagar — человек с выпуклой грудью
 Niemisken — максун
 Nireitorbos — новорожденный теленок
 Nirucktai, Nirei — теперь

 Oe — молоко
 Oeba — старая женщина
 Oelburga — женская шапка
 Oergo — пространственный
 Oergoertschi — кольцо без размера
 Oeroemue — ленивый
 Oertoe — остав
 Oesin — желчь
 Oetue — аркан
 Ogan — сорока
 Ogo — ребенок
 Ogo Kata — послед
 Ogus chagak — бычий язык
 Oinop — игра
 Ojun — шаман
 Ojun opa — деревянный болванчик

Ojuna Tangaratan — играющие небесные духи
 Ojunak — играющий
 Ol buga — бык
 Oli — смерть
 Ologos — шкурка зайца, употребляемая для тепла
 Oluinue — март
 Omuk — иноплеменник
 On — десять
 Onno — там
 Orga — старый
 Orgatschi — старый мороз
 Ogo — тина
 Oron — место для гостей в юрте
 Oron Tasar — уברי тину
 Orto — средний
 Os — губа
 Osak — блюдо из молока
 Osok — печь
 Ostok — сапог
 Ostok Sarui — сапоги как чулки
 Ot — месяц листвы
 Ctija — июль

Porsa Bartscha — порса

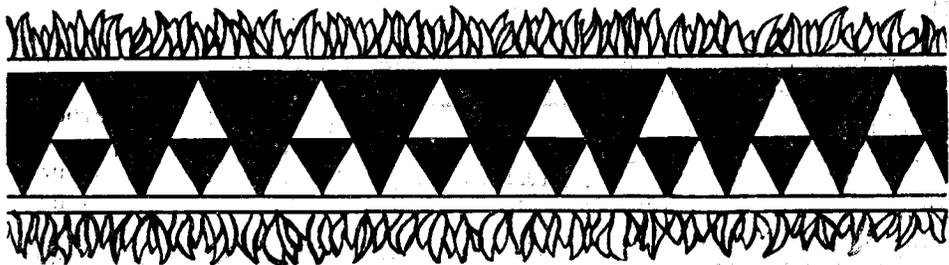
Sa — лук
 Sabarai — сосуд из бересты для молока
 Sabi — крышка
 Sadack (Sadach) — колчан для стрел
 Saettae — семь
 Sagin — леги
 Saingniabirgasa — летняя шапка
 Saingnue Dsje — летняя хижина
 Sajagas — продырявлен
 Sak — большей частью
 Sak-Keli — ступка
 Sali — бегущий рысью
 Sang-a-ui — новолуние
 Sangijak — шуба из волчьего меха
 Sar — посредственный
 Sarat — кислое молоко
 Sari — ровдуга
 Sarin — плечо
 Sarir — мех
 Sas — весна
 Sastach-Kisi — в годах
 Setingnue — декабрь
 Seulja — штаны
 Silar — он ползет
 Silgi-Uejata — возраст скота
 Sim — набивать
 Sima — кушанье из кислой рыбы
 Simar — толчет
 Simir — маленький сосуд из кожи

Sin — корень
 Sir — земля
 Siran — больной
 Sirga — сани
 Sir-b — управлять землей
 Siuruk — его течение
 Soegei — сливки
 Soer — растворять
 Sogok — пестик
 Sok — больше нет
 Sol — дорога
 Sola — путь
 Sor — прокладывать путь
 Sordong — шука
 Sorguida — тепловатое
 Su — фильтр
 Suegae — топор
 Suel — год
 Suemaech — вид сыра
 Suga — острый
 Suijgi — коневодство
 Suijt — издавать запах
 Suijtak — с запахом
 Suijtschack — так много
 Suksok — коса
 Suksurni — надевать
 Sulu — калым
 Suruk — письмо
 Suturo — род чулок
 Suturuk — кулак

 Taellaek — кожа лошади, на которой снят
 Tagalai — верхняя женская одежда с короткими рукавами
 Tai — угадывать
 Taim — дядя
 Tanara ola — Млечный Путь
 Tangara — бог, небо
 Tangusa — одежда, обвешанная железками
 Tar — кислое молоко
 Tarin — лед
 Tarinie — погреб
 Tart — тянуть
 Tart Tabak — курить табак
 Tasar — быть
 Tat — загадка
 Tatai bogdo — что-то предвидит дьявол
 Tatar — решать загадку
 Tellije — подстилка под потник
 Thu — верши
 Toerduene — сентябрь
 Toeroeh — болна (веревка вместо узды)
 Toeroet — рожать
 Togus — девять
 Tojon — господин

Tong — замерзший
 Tongus — замерзший кузнец
 Torbos onno — закуток в юрте, где стоят телята
 Torum — против
 Torut — удерживать
 Torutar — придерживать
 Tschab — хвастаться
 Tschabetschach — сосуд из кожи или бересты с ручкой
 Tschabu-Kar — мелкий снег
 Tschagur-Sulgilak — пестрый скот
 Tscheriktei — любимый
 Tschetschunack — корень прыщинца
 Tschir — чир
 Tschiskner — пищуха
 Tscholgan — наковальня
 Tschologos — бойница
 Tsohoran — маленький звончек
 Tschoron — деревянный бокал
 Tschuruptschulack — название гиялков
 Tuegue — удар коленом
 Tueguen — наносить удар коленом
 Tuehuelueck — женский нагрудник
 Tueinnueck — окно
 Tuem — челн из бересты
 Tuemadschin — богатый
 Tueman — излишний
 Tuemerei — грязный
 Tuemtai — сосуд из бересты для масла
 Tuetterda — убыль луны
 Tuin — ночь
 Tuingnug — бубен, звон
 Tul — обшитые лыжи
 Tuluna — совершенство
 Tulun-ui — полнолуние
 Turgen — быстро
 Tut — держать
 Tut Ballik — нельма
 Tutar — хватать
 Tuttarbit — господство
 Tutterda — рвать, щипать
 Tuyesuye — самка

 Ubasar — черпалка для воды
 Udagan — старший в воде
 Ueller — ликвидируется
 Uellue — пай
 Uellugen — белка-летяга
 Uengue — бодун
 Uerag — дуть
 Uer-laengit — давно
 Uerueng — белый
 Ueruma — кушанье из коровьего молока
 Uerung Tuluna — второй день полнолуния

Uesaagn — главные, старшие
 Uet — собака
 Uetueluek — рукавица голица
 Ueyes — обрызгивать
 Ui — луна
 Uing-u — копье
 Uis bargasa — шапка из волчьего меха
 (с головы волка с ушами)
 Uit — молоко
 Ulachan-Kitack — деревянная миска
 Ulachan-Koes — горшок
 Ulu Tojon — отвратительный господин
 Umda — сумасшедший
 Umdan — квашеное молоко
 Umuja — сосуд, из которого пьют ку-
 мыс

Umijach — корень бédренца
 Un — узда
 Unchue — танец по кругу
 Undschulger — тянется
 Ungogun orgidjackpit — поминки
 Ungok-Tostuebuet — повреждение ноги
 Uogusa — водяной бык
 Up — древко
 Ura — огниво
 Urasa — летняя хижина
 Urasmasa — жерди
 Urga — евражка
 Urgan — несчастный
 Urungai — мудрец
 Us — кузнец
 Usster — плыть

Описание пеших тунгусов,
или так называемых ламутов, в Охотске. 1742*

Описание пеших тунгусов, или так называемых ламутов¹, — их родов, которые были исстари и существуют еще теперь, их обычаев, нравов и т. д., а также других происшествий, узанных и обстоятельно описанных.

Ламуты, которые, без сомнения, происходят от оленных тунгусов, называют себя ламутами. Это имя возникло в то время, когда у оленных тунгусов вымерли все олени и они осели у моря, которое на их языке называется Лам.

Роды, которые когда-то отделились от оленных тунгусов, которых ламуты называют Galbakel, еще свежи в их памяти, а именно: Adgan, Salgan, Ujägir, Njuntschi, Iwjän, Tschetaer, Niegan, Wolöl, Buldakair, Tungusir, Ujanki и Tscholar.

В настоящее время из этих родов некоторые остались, а именно: Adgan, Salgan, Iwjän и Ujägir. Они имеют свои стойбища на реках Охота, Арка, Урак, Улья и Ина. Управляются они двумя князцами — Niungs, из которых один новокрещеный Степан Гильбани из рода Уянков, другой же по имени Niengpek — из Сальганского рода. По их сведениям, до прихода русских эта народность была очень многочисленна, так что от р. Ульбай до р. Улья не хватало места, чтобы ставить юрты, и многие вынуждены были селиться у других маленьких речек. Главным их промыслом было рыболовство и охота на тюленей. Но после того, как они попали под русское владычество, среди них свирепствовала много лет какая-то болезнь, в результате которой численность ламутов сильно сократилась.

Их язык несколько отличается от языка тунгусов. Так, по-ламутски буря — Tschoma oednen, а по-тунгусски Schoma oedin; дождь по-ламут-

* Lindenau J. Beschreibung der Peschie Tungusen, oder so genannte Lamuten, zu Ochot. 1742. — ЦГАДА, ф. 199, № 511, ч. 2, д. 5, л. 1—51. (С большим словарем.)

ски Udnan, а по-тунгусски Udun и так далее. Ламутский язык в области р. Тауй тоже не совпадает с тунгусским.

У них не было никакого политического устройства и правоустройства. Их старшины в каждом роде чинили суд и расправу и имели рабов из своего народа, причем их власть была больше всех. Они наказывали за незначительные провинности, а более важные преступления передавали в Охотскую канцелярию.

Ламуты платили ясак раньше соболями и лисицами, как и теперь, которых они покупают у оленных тунгусов за тюленьё сало и рыбу. С приходом русских сначала не было определенного размера ясака — от каждого брали 5, 10 или больше соболей. Теперь же установленное количество с трудом может быть оплачено. Об этом свидетельствуют записи в канцелярских книгах.

Когда ламуты приносят присягу, то делают это у пушки: они становятся на колени против солнца и говорят, что так, как солнце без пятен и ярко светит, так и они хотят оставаться верными ее императорскому величеству. После этого целуют ствол пушки и уходят. Если один другому дает что-нибудь взаймы, то происходит это при свидетелях или они дают один другому палки с зарубками и подписываются, изображая лук и стрелы.

Началом года у них считается май месяц — Bilan, когда вскрываются реки от льда и рыба поднимается из моря в реки. За Bilan'ом следуют: Etschan, Mir, Oya, Udor, Otki. С Udor'ом начинается у них осень.

Ламуты считают месяцы следующим образом: первый сустав на правой руке называется Bilan, локоть — Etschan, плечо — Mir, макушка головы — Oya, а последний сустав на руке — Udor. На левой руке первый сустав — Udor, локоть — Otki, плечо — Mir, последний сустав — Bilan².

Год у них составляет: весна — Noelkoe, лето — Djug, осень Bolani, зима — Tu. Деления месяца на дни и дней на часы, как и вычисления фаз луны, они не знают, но говорят, что когда луна новая, то показывается на третий день. Относительно затмения солнца и луны они утверждают, что это знаки и предзнаменования их болезней. Причины грома, молнии и так далее им неизвестны.

О происхождении мира и создании человека они рассказывают следующее: сначала кругом была вода. Из одной части воды Seuki (бог) создал птиц, животных и людей. Первые люди — мужчина и женщина — были созданы на юге из особой глины. Они получили жизнь тотчас при своем создании, и, для того чтобы они любили друг друга, Seuki обменял им ребра. Другие говорят, что сначала было все водой и над ней парил Seuki и сделал из воды сначала песок, а потом землю, а из земли создал мужчину. От этого мужчины Seuki взял с левой стороны одно из первых ребер и создал женщину. Может быть, ламуты все это узнали от русских.

Шаманы их утверждают, что когда предстоит плохой день, то шаманов об этом предупреждают дьяволы во сне.

Все внутренние болезни ламутов изгоняются через шаманство. К больному зовут шамана, а он обращается за помощью к дьяволам, которые, по представлению ламутов, вытягивают болезнь из больных. Шаманы щупают пульс у больных и знают, что если он слабый, то болезнь еще сидит в человеке. Ламуты верят, что дьявол, который является их врачом при всех внутренних болезнях, высасывает кровь из человека, а шаман выплевывает ее на землю. Если сломана кость на ноге, то лечат ее следующим образом: отрезают кусочек от берцовой кости оленя, очень тонко ее обтачивают, зашивают в бересту и кладут напротив пострадавшего. Затем шаман начинает бить в бубен и призывать к себе дьяволов, которые тотчас и являются. Шаман сообщает им о случившемся и требует, чтобы больному была оказана помощь. Дьявол обещает помочь или без всяких условий, или требует от больного жертвы. Шаман же, после того как долго бил в бубен, приказывает другому человеку посмотреть, находится ли кость еще в бересте. Если ее там нет, то шаман подходит к больному и трет рукой поврежденную ногу, дует и плюет на нее несколько раз, потом уходит от больного и кончает свое действие некоторыми напевами, восхваляющими дьяволов. Больной выздоравливает на 4—5-й день. Лечить перелом костей умеют не все шаманы, а имеется очень мало, которые могут сразу определить место и степень перелома. Если у кого повреждена вена, то берется вена от оленя и так далее. Какая бы часть тела ни была повреждена у человека, берется такая же часть от оленя. При этом учитывается пол пострадавшего. Если беда случилась с мужчиной, то берут нужную часть от самца, если с женщиной — от самки оленя. Раны вылечивает сам шаман высасыванием. От ломоты в членах и опухолей на теле употребляют трут — Ulla. Его ламуты зажигают и кладут на больное место. При опухолях от этой операции выступает гной, и опухоль проходит. Еще лечат опухоли мохом. Наливают воду в сосуд, в него кладут раскаленные камни, а на них мох. Потом этим мхом растирают распухшее место некоторое время.

Название частей света: Dopta, Tirgani, Tickupta, Sinckaltin. Название времен года я перечислил выше, только надо добавить, что Большая Медведица называется у них Djolaktschan; семизвездие — Ilkun; вечерняя звезда — Tjoipran; утренняя звезда — Illi; Млечный Путь — Sewuja — Soldadaning.

Ламуты не имеют никаких измерений расстояний, а измеряют их днями пути. Причем дневной путь может быть длинным или коротким, в зависимости от дороги. В январе, феврале и до середины марта проезжают без груза на собаках в день от 35 до 40 верст, с грузом — от 15 до 20, а то и меньше верст.

Теперь следует сказать об их внешнем виде. Они приземисты и широки в плечах, лицо округлое и скуластое, щеки несколько втянуты. Имеют узкий разрез глаз; глаза коричневого цвета; брови тонкие; нос короткий и широкий; губы маленькие и толстые; зубы широкие, короткие и белые; уши маленькие, оттопыренные; подбородок острый, закруг-

ленный. Немногие из них имеют жидкую, коричневатую бороду, которая вырастает у них в пожилом возрасте. На голове черно-коричневые очень длинные и жесткие волосы. На других частях тела волос имеют мало, а чаще совсем не имеют. Кожа на теле коричневатая и мягкая. Ступни маленькие, ноги несколько кривые. Ламутские женщины очень темпераментны, и у них нет недостатка в разных средствах, чтобы привлечь к себе мужчину. По натуре они упрямы, злобны, хитры, жадны и не любят отдавать долги. Детей воспитывают в большом послушании к родителям. Редко увидишь, чтобы ламуты били своих детей. Если они кого-нибудь ругают, то первое их бранное слово *Mokila* — все равно что «черт тебя возьми»; потом *Oeddoo* — смотри, что за физиономия; *Niugdakas* — ты хвостун; *Ehmiurlaili, Salva venia* — иди туда, откуда ты пришел.

Когда они приветствуют друг друга, то прижимаются щеками. Это делают со знакомыми и родными, но не с чужими. У них нет обыкновения стричь и причесывать волосы. Мужчины носят сзади косу или завязывают волосы, а женщины и девушки заплетают волосы в две косы, по обе стороны ушей. Вдовец или вдова волосы не заплетают.

Если у кого-нибудь появится «шаманский зов» — *Tschiltschoktan* (или *Maht-Locke*), то это предзнаменование, что этот человек будет шаманом. Внутренний голос приказывает обреченному вступить в общение с дьяволами.

Моются они ежедневно, а вместо полотенца употребляют стружки ивового дерева — *Sigics*.

Мужчины, которые страдают головной болью, носят маленькую серьгу. На безымянном пальце носят кольца из желтой меди, которые покупают у русских. Девушки для украшения обычно татуируют руки. Делают это следующим образом: берут черный камень — *Nioendigi*, который оленные тунгусы называют *Nioengnioegi*, мочат его водой, затем берут иголку, а вместо нитки длинные волосы оленя. Эти волосы красят мокрым камнем в черный цвет. Затем окрашенную нитку продевают сквозь кожу и вышивают разные фигуры. Употребляют ламуты татуировку и при некоторых заболеваниях. Например, при кровотечениях из носа делают татуировку на лбу или между бровями и даже на плечах. Татуировать может только вдова или вдовец.

Праздничная верхняя одежда мужчин — *Naimi* из белой полузамши или из половинок³. Она не доходит до колен; украшена спереди по бортам и внизу по подолу полосой из черного собачьего меха и в два пальца шириной вышитой кожей, оленьими волосами и шелком. Под этой верхней одеждой носят ламугы другую — *Dudi*, которая подбита мехом молодых оленей — пыжиком и оторочена также по бортам и по подолу рядом кожаных ремешков и вышитой полосой. Спереди на нижней одежде носят нагрудник — *Нароп*, который шит из кожи молодых оленей, закрывает верхнюю часть туловища до колен и обшит коричневыми ремешками. Штаны — *Ноерки* доходят до колен и сделаны из полузамши. Вокруг туловища под штанами носят они пояс — *Toigi*, на котором

с обеих сторон имеется по большому кольцу из желтой меди — Tolgirap. С правой стороны на кольце висит кожаный кисет, в котором ламуты держат трут — Ulla, маленькую деревянную ложку — Seraguck с серой, огниво — Rug и кремь — Modgi. С левой стороны на кольце висит нож — Tscherkap. Их чулки — Oemki из пыжиков и доходят только до половины бедра. Сапоги — Unta из камусов. Они так же, как и верхняя одежда, украшены спереди, а сверху оторочены мехом бобра или выкрашенным тюленьим мехом. Шапка — Kogwanі также украшена вышивкой, а оторочка — Uriring сделана из черного собачьего меха. Эта шапка закрывает только макушку, а с обеих сторон висят длинные уши до плеч. Вокруг шеи носят они боа из беличьих хвостов — Nojaka. Они имеют еще рукавицы — Oporap, сделанные из полузамши, но доходящие только до пальцев.

Женская одежда. Во-первых большая шапка из медвежьей шкуры — Kuratlä, которая по бокам свисает до плеч, а спереди доходит до носа. Она отделана оторочкой из собачьего меха — Djulgida. Макушка шапки — Oeiја вышита. Под шапкой женщины носят повязку из черного собачьего меха — Tschermi, от которой по бокам до плеч спускаются два куска в три пальца шириной. Эти куски (уши) украшены полосками из бересты. Верхний край повязки над лбом украшен двумя рядами бисера, нижний край — одним рядом, а под ним имеется еще серебряная пластинка в один палец шириной. На обеих косах — Niurit, о которых речь была раньше, висит ряд бус и маленькие пуговицы из желтой меди. Это украшение называется Unkipon. Верхняя одежда женщин — Tschimgal из меха молодых оленей. На ней по бокам до талии пришит мех тюленя в два пальца шириной, окрашенный в красный цвет. От талии до земли свисают длинные коричневые ремешки. Спереди кафтан, как у мужчин, оторочен ремнями, которые выштукованы волосами оленей, горлами собак и шелком. Вся эта вышивка называется Nabeckating.

Под этим кафтаном женщины носят другую одежду — Niocelitscha, к которой внизу пришиты коротко нарезанные ремешки — Nabalang. Спереди носят женщины нагрудник — Noel, на нем от бедер до земли висят длинные коричневые ремешки.

Девушки носят чепчик из полузамши и называют его Daerki. Этот чепчик выштукован и обшит тремя рядами бисера. На лбу носят обруч из серебряных пластинок — Ankarap. Вокруг шеи носят кольцо из желтой меди — Arkgon. Верхняя одежда девушек — Kipduka из полузамши, спереди и снизу украшена вышитыми ремешками — Nabeckating. Под этой одеждой носят другую, как и женщины. Спереди от талии до колен носят передник, украшенный несколькими рядами бисера, между рядами висят большие кольца из желтой меди, бубенчики, маленькие колокольчики, пряжки и другие вещи. На поясе — Ompogon с правой стороны висит футляр для железных иголок длиной в пядь, а на нем внизу маленький колокольчик — Tschitschegon. Около колокольчика висит кошелек — Siltag, в котором они держат кожаный наперсток — Unioerap.

Женщины и девушки носят штаны, кожаные чулки и сапоги, как у мужчин, с той только разницей, что летние сапоги сделаны из полузамши или из ровдуги и называются Olatschaek.

Маленькие шапочки для детей — Kogami делают из кожи с головы птиц.

Летняя одежда мужчин и женщин делается из ровдуги и называется мужская Naimi, а женская — Kongoka.

Жилища ламутов бывают временные и постоянные, летние и зимние. Летние жилища, которые они не меняют, бывают восьмиугольные продолговатые — Ugan и восьмиугольные круглые — Kaltan. Эти жилища имеют два очень низких входа, обращенные на восток и запад. Высота таких жилищ до трех метров. Крыша и стены из коры лиственницы. Внутри таких жилищ сразу от входа идут с обеих сторон отгороженные места — Zonal, в которых ламуты держат домашнюю утварь; над отгороженным местом в ширину лежат две палки, а поверх их две другие в длину — Ikaton, на которых подвешивают котлы. Далее в длину с обеих сторон находятся полки — Soerket, под ними лавки — Be, а в середине длинный очаг — Togolin. Постели у них называются Toeden. Они сделаны из шкур оленей, а в качестве занавесок — Oelbuk употребляют они кожу рыб.

Еще имеются у ламутов другие летние жилища из рыбьих кож, как у тунгусов.

Зимние жилища — Ugan ламуты тоже не меняют. Они круглой формы и кругом обсыпаны землей. Вход сверху, крыша плоская, а посередине жилища — очаг. Существует еще другой вид зимнего жилища — Dju — из дерева, оно кругом обсыпано землей. Вход в таких жилищах сбоку, а с виду они похожи на якутские летние жилища.

Нынешние ламуты не знают никакой войны, но они говорят, что их предки воевали луками и стрелами. У них и сейчас имеются луки и стрелы, причем луки имеют особые наименования. Лук, сделанный из дерева лиственницы, называется Nung-a; лук, который обтянут берестой, — Акаг; лук, длиной в одну сажень, склеенный — Talbitang. Тетива — Nоem сделана из кожи тюленя и представляет собой туго скрученный ремень. Колчан — Niektschik, длиной в аршин, а шириной в ладонь, сделан из камуса — Ogsal. Колчан украшен бисером и другой вышивкой, как одежда. Сверху колчан закрывается кожаным колпаком — Awaiting. Налучник — Тоерки из двух частей, как у оленных тунгусов.

Стрелы, которые употребляются летом, сделаны из дерева лиственницы, потому что последние трудно впитывают в себя воду; зимние же стрелы сделаны из березового дерева. Как те, так и другие оснащены у основания орлиными перьями — Doedlae.

На уток ламуты употребляют стрелы с болтообразным наконечником и с наконечником, имеющим четыре зазубрины. Этими последними ламуты пользуются, когда едут по воде и стреляют по уткам. Они утверждают, что такие стрелы лучше разрезают воду и быстрее двигаются. Для охоты на оленей употребляют вилкообразные стрелы — Otli

с железным наконечником. Стрелы с костяным наконечником и бородкой на одной стороне — *Duinmut* употребляются для охоты на всех животных. Еще имеются у них стрелы с шилообразным костяным наконечником — *Digrap* и боевые стрелы — *Tschindmar* с костяным наконечником, в который всгавлено железное лезвие.

Когда ламуты борются, то хватают друг друга за талию и стараются поднять один другого, и кто сильнее, тот бросает слабого на землю.

Домашняя утварь, из которой они едят и пьют. Котел — *Eka* сделан из меди или железа; чашки — *Noena* из дерева; черпак для питья — *Kola*; ковш — *Sokup* из дерева или бересты; ложки — *Unkap* из рога оленя. Ламуты имеют топоры — *Iwonka* двоякого вида: прямой и полукруглый по ширине у лезвия. Последние имеют деревянные рукоятки, ими выдалбливают челны. Еще к утвари относится шумовка — *Ugewop*, имеющая форму лопатки с длинной рукояткой и вырезанным крестом в середине; сосуды для воды из бересты четырехугольной формы $\frac{1}{4}$ аршина высоты и $\frac{3}{4}$ аршина длины и ширины. Другой сосуд для воды — *Undikap* также из бересты $\frac{1}{2}$ аршина длины, $\frac{1}{2}$ аршина ширины и $\frac{1}{4}$ аршина высоты. Сосуд из бересты с рукояткой — *Gojon*. Посуда для еды — *Ukap* овальной формы из дерева с ручками. Ее употребляют, когда в жилище больше одной семьи или кто-нибудь приходит в гости. Тогда пищу кладут в *Ukap* и подают каждому отдельно. Ламуты считают за большую обиду, если кто не примет участия в их еде, и держат для гостей специальную посуду. Обычай этот сохранился у них до настоящего времени.

Они питаются мясом всяких животных и птиц. Но среди животных есть такие, мясо которых они не едят. Это горностаи, летучие белки, бурндуки, орлы, вороны. Кровь убитого оленя и содержимое его желудка считаются у них деликатесом. Кушанье, которое они делают из крови, называют *Ninaen* и готовят следующим образом: варят мясо в воде без соли, затем мясо вынимают, а в мясной отвар наливают кровь и варят так долго, пока отвар не станет крепким и густым. Тогда его пьют. Содержимое желудка оленя они смешивают с порсой и дают закиснуть, после чего едят. Это блюдо называется *Nimdu*. Иногда содержимое желудка варят в воде, и тогда блюдо называется *Nimigu*. На поминках употребляют собачье мясо — *Dedun*. Есть еще у них и другие кушанья, как-то: *Uldoe* — вареное в воде мясо; *Oldo* — рыбное кушанье; *Tschulta* — это порса, варенная в воде с жиром тюленя. Из рыб ламуты едят мальму, нерку, хариус, чира, ломки, кунжу, кету, горбушу. Употребляют в пищу мясо нерпы — по-ламутски *Kupa*. Из кеты и нерпы делают запасы на зиму. Рыбу очищают от внутренностей и кожи, сушат на солнце, потом подвешивают над огнем и несколько поджаривают, затем снимают ее и прячут в землю. Рыбы кожи скоблят, сушат, растягивают и из них делают занавески и мешки. Из кеты осенью делают юколу — *Jaka*. Отрезают у рыбы голову, вычищают внутренности, разрезают и сушат на воздухе. Из кеты же делают ламуты кислую рыбу — *Nojoja*. Приготавливают ее следующим образом: пойманную ры-

бу нанизывают по 10—12 штук на прут и оставляют лежать в воде три-четыре дня, а затем прячут для дальнейшего употребления. Кислую рыбу делают осенью и едят в сыром виде.

Порса — Solta делается из кеты, нерки и мальмы. Ламуты вырезают косточки из рыб, жарят рыбу над огнем и начисто соскабливают мясо, затем его размельчают и сушат. Головы и рыбы кости сохраняют на зиму для корма собакам.

Употребляют в пищу разные корни и травы. Их они или сушат, или едят сырыми. Сушеные травы мелко растирают и сохраняют вместо крупы для дальнейшего употребления. Корни, особенно корень белой лилии, они едят с сушеной рыбеёй икрой. Вареными ламуты едят следующие травы: кипрей — Iste, листья и корни дикой свеклы — Tschei, морскую капусту — Kaiki, у которой листья в аршин длины и шириной в ладонь; морскую капусту с маленькими листьями — Tupa.

Осенью ламуты собирают раковины — Tschi, а зимой, когда они заморожены, вынимают мясо из них и едят в вареном виде.

Кедровые орехи и молодые почки кедра сушат, затем растирают и употребляют в пищу вместо крупы. О кедрах следует сказать, что они растут не большими деревьями, как на Иртыше и в других районах Сибири, а кустами, очень низкими и развесистыми, поэтому русские называют эти кусты стланец.

Их напитком является только холодная вода.

Когда удастся ламутам убить медведя, то приглашают всех друзей и знакомых и поедают мясо зараз, только голову вешают на дереве, мордой на юг, чтобы она смотрела на дневной свет. Это сопровождается некоторой церемонией: голову медведя помещают мордой против огня, а сами стоят замкнутым кругом. Делают из бересты совсем маленькие сосуды, кладут в них корни и другую еду и стоя едят. Затем хозяин дома берет ложку и сует еду в пасть медведя, прося его отведать. Остатки пищи бросают в огонь. Потом хозяин берет голову медведя и вешает на дерево. Причиной почитания медвежьей головы является вера ламутов в то, что жизнь из убитого медведя переходит в других медведей. Они говорят, что благодаря такому почитанию охотник и его родственники будут в безопасности от других медведей, которые позволят себя легко убить. Кроме того, медведям весьма приятно, что их так почитают. Женщины не едят мяса от передней части медведя из страха, что их разорвут другие медведи.

Ламуты очень любят курить табак, но начали это делать, попав под власть русских. Китайский табак Dabga имеет некоторые преимущества перед черкесским. Их трубки — Gansa из дерева, как у якутов, но некоторые имеют китайские трубки. Курят все — мужчины, женщины, мальчики и девочки. Дым проглатывают, как якуты, а иногда берут воду или снег в рот и становятся пьяными от дыма. Есть среди них и такие, которые научились применять нюхательный табак.

У них есть особая привычка: когда утром встают, жуют смолу лиственницы, запивая водой, отчего зубы у них всегда белые и не болят.

Кроме собак, ламуты не держат никаких животных. Едва ли найдется такой ламута, у которого было бы меньше семи собак. Кормят их сушеной рыбой, костями рыб, юколой, порсой, головами рыб и мороженой рыбой один раз за 24 часа. Так бывает зимой, а летом их совсем не кормят, так как собаки сами знают, где ловить рыбу из воды. Собак употребляют для упряжки в нарты, используя по хозяйственным делам, а также перевозят на них провиант от Юдомского Креста до Урацкого Плотбища⁴.

Ламутские нарты длиной от 2 до 2,5 сажени и немножко больше 0,5 аршина шириной. Полозья — Тугкое шириной в ладонь и не толще чем в палец. Копылья прикрепляются к полозьям ремнями. Спереди имеется «баран» — Тукгип. В середине во всю длину нарты имеется доска — «кораван» — в $\frac{1}{2}$ пальца толщиной; поверх копыльев имеются два узких бруска — Тschimetki, доходящие до «барана», которые привязаны крест-накрест к доске узким ремнем. Таким же ремнем эти бруски прикреплены к копыльям. Спереди над «бараном» имеется узкая доска — Аwonkatip шириной в ладонь. На ней покоится «кораван». Весит такая нарта не больше 30 фунтов, а грузовые нарты еще легче. Ремень — Мawot, по-русски пояг, к которому прикрепляют собак, имеет длину от 8 до 9 сажень и в $\frac{1}{2}$ пальца толщиной. Этот ремень вырезают вокруг туловища из целой тюленьей кожи. На каждой сажени ремня делается петля, к которой прикрепляют алыки — Oektschawon. Алыки на груди собак подбивают холстом, чтобы собакам не было жестко. Все собаки, пока они еще молодые, подготавливаются к упряжке. Среди них имеется передовая собака, которая по знаку рукой или палкой поворачивает куда надо, останавливается или идет дальше. Возница держит палку — Тііип в сажень длины и в три пальца толщины. К ней привязан длинный узкий ремень. Этой палкой — кнутом подгоняют собак и останавливают нарты. На одну нарту накладывают от 10 до 15 пудов. Такую нарту везут 7 собак. Иногда те, которым поручено перевозить груз, помогают собакам тянуть нарты. С этой целью к нартам справа привязывают тонкую палку с лямкой, за которую и тянут.

Ламуты имеют лыжи двух видов. Одни по-ламутски Kingla, по-русски — голицы; будучи обшиты камусом, они называются Barinkta. Эти лыжи делаются из лиственницы, спереди концы загнуты кверху. В середине несколько подняты. Их длина два аршина, а ширина две ладони, прикрепляются к ногам ремнями. Голицы употребляют для ближнего хождения, а Barinkta — на дальнее расстояние, чтобы прокладывать дорогу. Чтобы прокладывать путь, идут обычно два или три человека вперед без груза, когда нет с собой собак, тянут нарты с помощью лямок.

На реках ламуты используют лодки двух типов: баты — Momi, долбленая однодревка, на которой 3—4 человека гребут небольшими (однолопастными) веслами — Olivona. Другая — берестяная лодка — Joletsch, управляемая одним двухлопастным веслом — Owurga, как принято у местных тунгусов. В такой лодке могут сидеть не больше двух человек. Оба вида лодок круглые, и кто не знает, как ими управлять, под-

вергается опасности перевернуться. Хотя ламуты часто убеждаются на практике, что в таких лодках ездить опасно, они неохотно от них отказываются.

О занятиях мужчин и женщин с весны до осени. Занятия мужчин состоят в том, что весной или с месяца Etschan происходит ловля тюленей и уток, а женщины в это время ловят рыбу.

Тюленей — Кита ловят следующим образом: ламуты выезжают в море на батах с тонкой палкой — Nai, длиной от 40 до 50 саженей³, на которой спереди укреплен железный наконечник — Agir, привязанный к длинному ремню. Когда они считают, что тюлень находится на близком расстоянии от них, они толкают в него эту острогу, затем тянут палку к себе, а наконечник остается в теле животного. Тогда его притягивают за ремень и бьют дубиной.

Уток ловят при помощи длинной палки, на конце которой укреплен железный наконечник — по-ламутски — Nialu. Ламуты помещают на воду сделанный из дерева манчик — Anda, к которому привязан шнур с камнем, чтобы манчик не был угнан течением. Затем один человек садится в берестяную лодку — Joletsch под прикрытием из четырех крыльев — Tuikir, размером по аршину с четвертью в длину и аршин в поперечнике. Сидя в лодке, невидимый для птиц охотник колет острогой или стреляет из лука приближающихся к нему уток. Кроме того, когда утки теряют перья, их гонят с моря в ручьи и ловят руками. Такая ловля называется Tsching-amdu, по-русски — загон. Некоторые ламуты собираются группами и на батах едут бить уток. Они окружают место, где находятся утки, в полкруга, гонят в маленькие речки, где мелко, и там их ловят руками.

В месяц Etschan рыбу ловят мордами — Uki, летом и осенью — сетями — Adal и острогами с железным наконечником. Сети они плетут из крапивы, конского волоса и конопли. Длина их — 20 и больше саженей, ширина — одна сажень.

При этом следует напомнить, что все рыбы, кроме мальмы, которые поднимаются из моря в реки, зимой подышают. Мальма же сохраняется всю зиму и весной уходит в море, а осенью снова возвращается в реки.

Женщины вываривают жир из рыбы. Они берут сырую рыбу, кладут в колоду, туда же наливают горячую воду и бросают раскаленные камни. Рыба таким образом кипятится, пока жир не всплывет наверх — тогда они его собирают и убирают. Жир называется у них Oeta. Далее, женщины занимаются шитьем одежды, ее украшением, выделкой кож из замши — Oepoes. Последняя выделывается следующим образом: сначала дают высохнуть шкурам пыжиков, затем соскабливают с них шерсть железным острым скребком U величиной с рубль (металлический. — З. Т.) с деревянной рукояткой. Когда кожа очищена от шерсти, берут они сушеную рыбу икру, кладут ее на кожу, колотят, поливая водой, и оставляют так на ночь. На следующий день они мнут сырую кожу до тех пор, пока она не высохнет в процессе работы и не станет мягкой. Тогда она наполовину готова, а потому называется полужам-

ша — Naisa, а русскими — «половинка». Полузамша готовится и зимой. Когда ламуты убивают оленя, они расстилают сырую кожу на снегу, чтобы она мерзла, и с такой промерзлой кожи соскабливают волосы. Потом держат кожу над огнем и мнут ее так долго, пока она не высохнет и не станет мягкой. Чтобы сделать замшу под названием Nitschusch, по-русски ровдуга, берут мох — Niemalda и воду, мочат дымленную сторону оленьей кожи, заворачивают в нее мох и оставляют так лежать на день. Затем очищают волосы скребком — Tschutschu, который похож на железный скребок — U, но несколько больше его. Потом мнут снаружи и, когда в результате длительного трения кожа делается сухой, тянут ее на коленях, пока она не станет мягкой. Собачьи шкуры обмазывают сырой рыбьей икрой со стороны мездры и оставляют лежать один день. Затем сильно мнут и протягивают через специально для этого сделанный каток — Tschutlawun. Готовую кожу они называют Nioeras. Шкуры черных собак у них особенно ценятся. Они употребляют их для всякого рода оторочек. Кожи молодых тюленей ламуты обычно красили в коричнево-красный цвет. Называют их Uпуска. Прежде чем эти шкуры красят, их расправляют и дают им сохнуть, затем режут их на маленькие узкие ремни и наматывают на палки. Для получения краски варят корень Uпускатон с брусникой и опускают ремни в эту краску. Варят так долго, пока волосы не окрасятся в нужный цвет. Эти ремни ламуты употребляют для украшения одежды. Таким же образом окрашивают волосы оленей. Коричнево-красные ремни без волос окрашивают следующим образом. Берут ивовую кору Duktoe, размельчают и смешивают с золой от сожженного березового гриба. Эту смесь оставляют лежать в жару в сыром виде сутки. Затем на это наливают горячей воды. Сначала на шкуре сжигают волосы, затем на нее кладут краску и сильно ею натирают кожу, пока она не окрасится. Затем ее высушивают и разрезают на ремни. Всю одежду ламуты шьют оленьими жилами, причем берут жилы с ног и со спины. Жилы высушивают, затем колотят, разъединяют на тонкие волокна и сучат на камне в нитки. Клей — Dawting делается из сушеной рыбьей кожи. Сначала соскабливают чешую и тщательно мнут ее, затем кладут в котел, сделанный из бересты, льют в него воду и варят с помощью раскаленных в огне камней.

Ламуты не занимаются никакой торговлей, а только, как было упомянуто выше, выменивают рыбу, тюленей и рыбий жир, порсу на оленьи шкуры, шкурки соболей, лисиц, чтобы выплачивать ясак. Цены бывают разные: за соболя или лисицу дают пуд порсы. Из русских товаров они охотнее всего приобретают топоры, ножи, кольца, бисер, иголки, шелк разного сорта, табак китайский, трубки для курения, подвески для ушей.

В качестве развлечения они играют в мяч, танцуют, бегают наперегонки, борются, прыгают. Женщины и девушки становятся в ряд и устанавливают дистанцию, на которую они хотят прыгать. Затем каждая скачет на одной ноге, и, кто первый прискачет к финишу, его называют

Tschulopki. Другой вид скакания — на двух ногах называется Haskinman. Танец по кругу, во время которого мурлычат сквозь зубы, как якуты, называется Logindü. Они играют также в жмурки — завязывают одному глаза и заставляют ловить других. Эта игра называется у них Balekatta. Еще развлекаются ламуты следующим образом: берут длинный шест, мужчины и женщины держат его руками с двух сторон, и каждая сторона тянет к себе, пока одна не уступит или не упадет. Это называется у них Andalakatta. Имеется у ламутов игра, в которой пользуются 40 маленькими палочками. Один берет все сорок в руку, бросает их вверх и дает им всем упасть на поверхность ладони. Игрок должен при этом схватить одну, если же он схватит две, то он проиграл игру. Продолжается это так долго, пока все палочки не будут пойманы. Эта игра называется Obalakan. Игруют в мяч — Huldun следующим образом: собирается партия, каждый берет палку, спереди закругленную, — Baikap. Делают в земле большую яму, а вокруг нее столько маленьких ямок, сколько игроков. В маленькие ямки вставляют палки. Один из играющих гонит мяч и старается закинуть его в большую яму, что другие не допускают. Как только тот, который гонит мяч, приближается, другие стараются отбросить мяч, а тот, который гонит мяч, ищет случая, чтобы сунуть свою палку в ямку другого, и тогда должен тот, чья была ямка, также найти случай это сделать, или он должен гнать мяч в большую яму.

Девочки играют в куклы — Bois, сделанные из разных кусочков меха и кожи.

Из преданий ламутов я могу привести одно, которое они часто друг другу рассказывают: жил один человек, который построил себе жилище из сушеной травы, развел в нем маленький огонь и пошел гулять в поле. Затем поднялся ветер и усилил огонь, благодаря чему жилище сгорело. Когда же человек вернулся домой, то увидел, что жилище сгорело. Он стал плакать по поводу понесенной потери и причитать:

Ana mulla abduje!
 Ana mulla Serongne. Zirbundau.
 Ana mulla Tschoraje! Tschiritau
 Ana mulla moengdoloem Tamarawo
 Ana mulla laedoemow! Sangantschau.
 Ana mulla moeng-em bilgapmo! Aeni
 Buni niaedimdingwan.
 Ana mulla nung-gwol Ani Buni
 niaedimdingwo.

В переводе Я. Линденау на русский язык это значит:

Ах, как мне жаль моего имущества,
 Ах, как мне жаль моей лестницы из металла,
 Ах, как мне жаль моей медной палки,
 Ах, как мне жаль золотых подвесок, которые
 вышила моя мать,
 Ах, как мне жаль моей рысей шубы,

Ах, как мне жаль моего серебряного
нагрудного украшения, которое мне
подарила моя мать,
Ах, как мне жаль моего лука, который
мне подарила моя мать.

Когда он кончил свои причитания, то пошел гулять и встретил массу уток. Им он рассказал, что его жилище и все имущество сгорело, и спросил у них совета, что ему делать. Утки же не ответили ему. На это он рассердился и задушил всех уток. Затем он пошел дальше и пришел к озеру. Там он встретил множество людей с луками и стрелами, которые стреляли в ствол дерева, но ни разу в него попасть не могли. Он сказал им: «Отойдите в сторону, чтобы я не причинил вам беды, я хочу одним выстрелом расколоть ствол». За такие речи он был высмеян, и ему сказали, чтобы он взял лук и стрелу и стрелял, а они посмотрят, какой он хвостун. Тогда он взял лук, натянул стрелу и сразу расколол ствол стрелой. В нем находилась прекрасная девушка. Он сразу же взял ее за руку и повел к прежнему своему месту жительства и там нашел новое жилище, о котором мог только мечтать. На радостях он женился на этой девушке, народил с ней много детей и стал очень богатым.

Описание свадьбы у ламутов. Мужчина может иметь две-три жены или столько, сколько он может содержать, но я никогда не встречал, чтобы имели их больше трех. Дети шести—восьми лет бывают уже помолвлены. На родственниках они женятся редко, а обычно берут девушку из другого рода. Два брата могут жениться на двух сестрах. Мужчина может жениться на вдове своего умершего брата, но предварительно надо выплатить калым.

Хотя они считают величайшим позором и злом жениться на кровной родне, такие случаи у них бывают. Брат живет тайно с сестрой, а отец с дочерью. Если это происходит с насилием с одной стороны, то это выявляется тем, что пострадавшая вешается. Иначе ей все равно никто бы не поверил, и такой позор можно смыть только смертью. Если человек живет в разврате, то он испытывает всякого рода мучения, то есть ламуты считают, что он живет по-дьявольски и находится во власти дьявсла. Такой человек испытывает удушье, его что-то давит, разламывает ему суставы, лишает его рассудка и так далее. И когда такая беда с кем-нибудь случится, то собираются друзья и знакомые и убеждают его открыть преступление. Если же он все-таки умалчивает, то вызывают шамана. Он камлает и бьет в свой бубен, пока дьяволы не отойдут от больного. После этого шаман требует, чтобы больной признался и принес жертву дьяволу — либо собаку, либо что-нибудь другое. Если мучимый все-таки умалчивает, то он тотчас должен умереть насильственной смертью — Ана Kattin. Естественная же смерть называется у них Кокап. Но если мучимый признается, он все равно должен умереть той же смертью.

Когда кто-нибудь изнасилует девушку или женщину, то брат, отец, муж или другой родственник обязан этот поступок смыть кровью. Та-

кого оскорбителя закалывают, застреливают; если он хочет этого избежать, он должен бежать, или, если оба холостые, должны пожениться и он должен договориться насчет калыма. Дети, родившиеся до брака, признаются так же, как родившиеся в браке. Если умирает муж, то вдову берет брат мужа или ближайший родственник, ради оставшегося имущества и детей. Если дети уже взрослые, то они получают часть оставшегося наследства. Если женщина неряшлива или муж может поставить ей в упрек какие-нибудь другие недостатки, то он может выгнать ее без разговоров; но если она не хочет от него уходить, тогда может остаться у него в прислугах. Так же и жена может по истечении восьми лет или больше, когда она отслужила калым, уйти от мужа. Если муж без согласия первой жены женится на другой, то первая жена имеет право от него уйти. Иногда родители могут вернуть себе дочь, возвратив мужу калым. Дети принадлежат мужу. Обрученные могут от двух до трех лет спать вместе, но невеста становится женой не раньше, чем жених заплатит половину калыма. Если невеста окажется не девственницей, то мужчина может уйти от нее, отдать ее родителям и потребовать обратно калым. Каждая жена многоженца имеет собственное помещение, иногда они живут все вместе. Женщина относится к свекру и свекрови с уважением, как к собственным родителям. Старший брат мужа пользуется большим почетом. Беременная женщина не должна заплетать волос, сучить нитки, должна воздерживаться от тяжелой работы и переступать через палку, а утром раньше всех вставать. Ламуты утверждают, что если женщина этих обычаев не соблюдает, то плод во чреве повреждается. При родах многие женщины умирают. У них может быть от 6 до 20 детей. Если кто посещает роженицу, то дарит ей что кто может — бисер, камус или ровдугу. Когда молодая мать посещает своих родителей или родителей своего мужа, то ребенку дарят лук и стрелы, если это мальчик, соболя или лисицу, если это девочка.

Повивальные бабки оказывают помощь, как и у других народов. Если роды трудные, то приглашают шамана, который камлает и этим облегчает роды. Нитка, которой перевязывают пуповину, скручена из жил. Богатые ламуты имеют обыкновение после рождения ребенка приглашать шамана, чтобы он камлал, и при этом закалывают одну из лучших собак. После камланья роженица обмывается кровью этой собаки.

Имя ребенку дают по умершему родственнику, по времени года или названию горы, месяца и так далее. Например: *Begni* — от *Beg* — название месяца; *Osekat* — от *Ose* — название звезды; *Uroe* — от *Urakts-han* — горная цепь; *Noelga* — от *Noelka* — весенний; *Djoanni* — от *Djo*. Эти имена носят до 20 лет, и могут ими называть только родители, но если кто другой их так называет, то это считается ругательством. Если кто умирает, то в разговоре имя его не произносится.

Люлька — *Voba* сделана из бересты, у изголовья с дужкой внутри люльки кладут мелко натертое гнилое дерево — *Kutsch*, а сверху стружки тальника — *Sigiri*. Ребенка кладут в люльку и привязывают ремнями.

Те, у кого нет детей, имеют обыкновение брать на воспитание чужих детей, которые становятся наследниками их имущества. Детей матери поят молоком и соком корня полевого хвоща. Когда дети подрастают, их приучают к домашней работе — мальчиков к стрельбе и рыбной ловле, девочек — к шитью. Дети готовятся к свадьбе заранее — девочки заготавливают свое приданое — Sursik, а мальчики с помощью родителей — калым.

Из болезней, которые бывают у ламуты, надо назвать кашель — Semskap, лихорадку — Butun, подагру — Ikrbutani и другие. Все эти болезни изгоняют камланием. Оспа — Ana Kattin появилась у них 60 или больше лет назад, причем от нее погибали как старые, так и молодые, но после этого оспа у них больше не появлялась.

Ламуты доживают до 60—70 лет, но иногда живут и больше (80—90 лет). Даже были двое, которым было за 100 лет. Один, по имени Koguskaï, дожил до 102 лет, другой — Balckatscha — до 120 лет. Седина у них появляется в 40—50 лет. Ламуты имеют обыкновение поручать больного, если думают, что у него опасная болезнь, особому человеку, который за ним ухаживает и кормит из особой посуды.

Когда ламуты умирают, то родственники закалывают собаку, делают маленькие деревянные фигурки, помещают их вокруг огня и обмазывают собачьей кровью. У мертвого тела родственники плачут и причитают, спрашивая мертвого, почему он умер. Это происходит до тех пор, пока тело не погребут. Тело обмывают, надевают самые лучшие одежды и кладут в гроб. Сюда же кладется вся одежда покойного, так как ламуты считают, что если она останется, то могут заболеть другие той же болезнью. Рядом кладут нож, огниво, лук и стрелы покойного. Покойника они держат три дня в доме, а затем относят на балаган — Se-gomda. Эти балаганы находятся недалеко от жилища на четырех столбах высотой в одну сажень. Закалывают любимую собаку умершего и кладут рядом с гробом. Каждый сопровождающий покойника также кладет на балаган одну бусину или другую вещь на память. Под балаганом разводят огонь, в него бросают жир, тальник, всякого рода пищу, льют воду — чтобы покойник мылся, пил и ел. Выносят покойников из дома головой вперед и кладут на балаган в направлении той части света, как они хотят. Они оставляют покойников на балаганах всю зиму, а летом только один месяц. Родственники каждый день приносят к гробу пищу и причитают. В знак своего горя ламуты срезают волосы и бросают их в огонь. Когда же приближается время погребения, то собираются друзья и родственники у балагана, плачут, причитают. Они все с покойником прощаются. Между тем могила уже вырыта. Некоторые приносят пищу к могиле и разводят огонь. Другие несут гроб к могиле, погружают в землю и закапывают. Затем они бросают куски пищи в огонь, кладут ее в могилу, а остальные съедают сами и возвращаются домой. Поминки — Niaemgancka справляют три раза в год три года подряд. Для этого они разводят огонь в том месте, где находится голова покойного, закалывают собаку, разрезают ее, берут кровь из

сердца и разбрызгивают на четыре стороны. Голову собаки кладут на могилу в головах, внутренности посередине, а ноги сбоку. В разведенный сгонь льют воду, бросают тальник, как это делают при погребении на балагане. Остальное мясо они съедают сами. Их траур продолжается до тех пор, пока они снова не вступят в брак. Траур состоит в том, что они не заплетают волосы и не носят праздничного платья. Раньше у них был обычай покидать юрту, в которой был покойник, но теперь этот обычай упразднен. Если умирает слуга или служанка в тот же год, что и хозяин, то их хоронят рядом с ним. Ламуты считают, что слуги умерли затем, чтобы служить хозяевам на тем свете⁶.

Что касается их представления о душе, то сообщили они мне следующее: если рождается мертвый ребенок, то его душа возвращается назад к матери и входит в следующего ребенка той же женщины. Если умирает взрослый неженатый человек, то его душа парит в воздухе на небе и переходит после разложения тела в ближайшего родственника, причем ламуты считают, что это тот же человек. Например, умер мальчик, а рождается девочка — родственница покойному, они говорят, что душа мальчика вошла в эту девочку и так было угодно покойнику превратиться в девочку. Души умерших женатых не возвращаются назад, а держатся в определенном месте, которое они называют *Osi-bugan* (царство мертвых). Там солнце не светит, небо как туман, а земля как пар. Каждый мужчина имеет там прежних жен, и они производят там детей, так же как и на земле, и занимаются теми же делами. Они утверждают также, что птицы, животные и прочая тварь следуют за ними. О привидении они говорят, что это умершие шаманы их пугают, являясь в темноте. Они называются *Aginko*, по-русски — враг. Что касается колдовства, то ламуты утверждают, что тень человека захватывают дьяволы, вследствие чего человек впадает в болезнь или в бешенство. А это искусство они называют *Agiangad*, по-русски — порча. Такой дьявол (по-русски леший, лесной дух), по их представлению, живет в горах, и если кто-нибудь ночью засвистит или позовет, то он появляется и уводит этого человека в свое логово. Они говорят, что дьяволы женаты и производят дьяволят. Души умерших носят свое прежнее имя, которое было у них при жизни. Они не признают никакой награды душам, и добро и зло для них одно и то же. Те, которые умерли от оспы, упрекают друг друга после смерти в преступлениях. Далее души соединяются снова со своими телами в тот день, когда мир перевернется. А это произойдет потому, что ламуты думают, что мир, какой он есть и каким он был, будет стоять еще только два поколения.

Некоторые ламуты придерживаются суеверий и утверждают, что когда гремит гром, то это шаманы высылают своих дьяволов одних против других, чтобы показать свою мощь перед людьми и испугать их. Страх у людей перед громом очень большой, и они охотно спрятались бы куда-нибудь, если бы это было возможно. Если кого убивает молния, то считают, что в этом повинен шаман, так как убитый действительно оскорбил шамана. При погребении убитого совершается та же церемо-

ния, что и при погребении других покойников. Дьяволы называются по именам шаманов и носят имя, которое последние носили при жизни. Когда умирает шаман, то его место занимает сын, если он толковый, или близкий родственник. К тому, который избирается в шаманы как достаточно способный, умерший шаман посылает своих дьяволов, которые являются избранному во сне. После этого избранный не может заниматься ничем другим и становится шаманом. Новый шаман получает от дьяволов указания, какими приемами он должен пользоваться при камлании, но новый шаман может придумать и свои собственные приемы, если он на это способен.

Души шаманов не переходят к дьяволам, а находятся отдельно от них. Те шаманы, которые при жизни считались сильными в своих действиях, после смерти якобы делаются слабыми; те же, которые при жизни были незначительными, после смерти делаются сильными.

Шаманы не имеют особого платья для камлания, кроме их повседневной одежды. Их бубен — Untun овальной формы, как и у других тунгусов. Колотушка — Gisson — это кусок рыбьей кости, имеет вид удлиненной лопатки, спереди обтянута тюленьей кожей. Обтяжка бубна — Тоерко из ровдуги.

Перед началом камлания шаман держит бубен против огня так, чтобы последний от жары натягивался. Тогда садится шаман лицом к той части света, к которой хочет, ударяет в бубен сначала совсем тихо и при этом поет о том, что ему доверил его отец; призывает горы, холмы, деревья, реки, огонь, небо и землю в свидетели того, что он не по своей воле стал шаманом, а лишь исполняет волю своего отца. «Если вы меня не будете слушать, — обращается он ко всем присутствующим, — то будете виноваты сами». При этом шаман быстро ходит, вертит глазами, делает неистовые движения, как одержимый человек. Затем приходит к нему дьявол в виде лисы, волка, медведя или зайца и так далее и спрашивает шамана, зачем он его позвал. В ответ следует просьба о помощи, которую дьявол и обещает. После этого шаман дьявола отпускает и заканчивает свое камлание.

Ламуты рассказывают, что когда-то были два сильных шамана, которые ненавидели друг друга и так рассердили дьяволов, что они бросили в устье р. Охоты два больших камня, которые стали мешать рыбной ловле. Когда эти шаманы умерли, нашелся другой шаман, который связал друг с другом четырех братьев, взял с собой троих помощников и поехал к этим камням. На них он камлал, с помощью дьяволов поднял камни и убрал на берег. Эти камни можно видеть и сейчас, они очень почитаются ламутами.

Еще рассказывают ламуты, что у шамана из гербуканского рода при камлании кровь с пеной шла горлом и скатывалась по телу. О нем ламуты сообщают, что когда он умер, то его, по его желанию, зашили в сырую оленью шкуру и оставили так лежать, а сами ушли, через шесть дней он снова ожил. Все приведенные рассказы я не хочу выдавать за истину, но передал их так, как мне их сообщили.

Что касается их снов, то сны у ламутов имеют очень различное значение, я приведу голько некоторые толкования.

Если кому-нибудь снится, что он сидит в лодке и едет по воде, то это означает, что этот человек умрет. Кто видит себя во сне одетым в красное платье, тот будет побит. Кто во сне слышит гром, то это означает раздор или неожиданное известие. Если кто во сне сидит в новом доме, то это означает, что он умрет. Снимать во сне старую одежду и надевать новую означает иметь доход. Идти во сне по воде и быть голым означает свободу и счастье. Если кого во сне бьют, то это означает болезнь. Если на кого-то во сне нападает медведь, то это означает, что злой человек что-то замышляет.

Вообще имею сообщить в заключение благосклонному читателю, что ламуты очень суеверны и верят в дьяволов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первое упоминание о пеших тунгусах Охотского побережья содержится уже в показаниях захваченного Елисеем Бузой юкагирского аманата, сообщившего, что на Охотском берегу живут «пешие люди рода Наттыла» (1639 г.). В дальнейшем русские известия четко разграничивают тунгусов пеших от оленных, помещая тех и других на берегу Охотского моря.— См.: ДАИ, т. III, с. 373—342, 348; т. IV, с. 2—7, 266—267, и др. Более подробные данные отсутствуют. Пеших тунгусов упоминает вскользь С. П. Крашенинников (Описание земли Камчатки.— СПб., 1786, т. 2, с. 291), В. Беринг (Донесение флота капитана Беринга.— В кн.: Вахтин. Русские труженники моря.— СПб., 1890, с. 90) и последний раз в XVIII в. сведения о них встречаются у Г. Сарычева (Путешествие флота капитана Сарычева.— СПб., 1808, ч. I, с. 53—54). В XIX в. пешие тунгусы бесследно исчезают. С этого времени на Охотском побережье живет восточная ветвь тунгусского народа — ламуты, называющие себя эвенами. Они кочевники-оленоводы. На основании вышеизложенных данных известный советский этнограф А. Золотарев утверждает, что Линденау неправильно отождествляет пеших тунгусов с ламутами. Пешие тунгусы, по мнению Золотарева, это особая группа тунгусов (эвенков), или утерявших оленей и перешедших к «пелему» образу жизни, или еще не достигших более высокой ступени развития, которой является оленеводческая культура.— См.: Золотарев А. Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII века.— Историк марксист, 1938, № 2, с. 80—81. Позднейшие советские исследователи высказывают иную точку зрения, а именно, что пешие тунгусы наряду с другими группами охотских тунгусов должны рассматриваться как предки современных ламутов. Вот что по этому поводу пишет Б. О. Долгих: «Охотские тунгусы XVIII в. интересны не только тем, что это была самая многочисленная группа тунгусов, являвшаяся предками современных ламутов (эвенков), но и тем, что в их состав входила большая группа пеших (то есть безоленных) тунгусов-рыболовов».— См.: Долгих Б. О. Этнографический состав населения Якутского уезда.— Краткие сообщения Ин-та этнографии, 1955, вып. 24, с. 40.

² Линденау не совсем ясно пишет о названиях и исчислении месяцев у ламутов. Более поздние источники сообщают, что исчисление месяцев у ламутов (эвенков) ведется от макушки головы — *hāja* вниз по левому плечу — *tiŋ*, к локтю — *eoap*, затем к запястью — *biŋap*, к тыльной стороне пясти — *ипта* и к суставам пальцев — *zalan*. Дальше счет идет вверх по правой руке по тем же суставам, что и на левой руке.— См.: Левин В. И. Краткий эвенско-русский словарь.— М.—Л., 1936, с. 105.

³ Половинка — шкура оленя, выделанная под замшу.— См.: Даль В. И. Толковый словарь..., т. 3, с. 254.

⁴ Плотбище — место на берегу реки, род пристани, где вяжут плоты или строят суда.— См.: Даль В. И. Указ. работа, с. 128.

⁵ У Линденау сказано «Faden» — сажени, но возможно, что речь идет о ручных сажнях или подобной мере, ибо острѳга в 40—50 сажней представляется слишком длинной. Шренк, описывая сходный снаряд гиляков, говорит, что он достигал длины в 40 шагов.— См.: Шренк Л. Об инородцах Амурского края.— СПб., 1899, т. 2, с. 233.

⁶ Линденау, к сожалению, ничего больше не говорит о слугах и рабах, но в слове приводит два различных термина: слуга — bool, рабыня — boool.

**СЛОВА ЯЗЫКА ОХОТСКИХ ЛАМУТОВ,
ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ТЕКСТЕ РУКОПИСИ Я. ЛИНДЕНАУ
О ПЕШИХ ТУНГУСАХ, ИЛИ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ЛАМУТАХ,
И В ПРИЛОЖЕННОМ К НЕЙ СЛОВАРЕ**

Abgitscha-Uldoe — сушеное мясо	Aski — бабка
Adal — поставленная сеть	Ala — мерян
Aedi — мужчина	Atarlan — теплый
Aetikan — старик	Atoerala — немой
Aetki — дядя, дед, тесть	Attakan — старуха
Agdi — гром	Awlating — кожаный колпачок на колчан
Agineng — праздник	Awoean — пояс
Agir — железный наконечник	Awon — шапка
Ahi — женщина	Awonkalin — узкая доска над «бараном» в нартах
Ajumkun — легкий, мягкий	
Akar — лук, обгнутый берестой	Badikar — утро
Akewu — свекр	Baen — ленивый
Akkanin — сын сестры матери	Baikan — палка, спереди закругленная
Aku — рыба икра	Balekatta — игра в жмурки
Aman — отец	Balle — слепой
Amar — река	Barinkta — лыжи, подшитые камусом
Amdani — отчим	Be — кровать
Amgi — рот	Beg — луна, месяц
Amiangad — порча	Belga — глотка
Amjakan — белый медведь	Beuwdiak — скот
Ammu — свекр	Bi Anuruw — я понял
Amueskat — быстрый	Bi Deschtschirem — я лежу
Apa — лихорадка	Bi Djontscheram — я думаю
Apa Kattin — оспа	Bi Girkaam — я иду
Anda — манчик (некладеный упряжной олень)	Bi Goloerum — я требую
Andalakatta — игра, когда обе стороны тянут палку	Bi Insin — я смеюсь
Angaja — бегство	Bi Nekumsin — я хочу
Anganni — год	Bi Saram — я понимаю
Ang-u — тополь	Bi Songduem — я лащу
Arkap — жеребенок, теленок	Bilan — май, первый сустав на правой руке
Ankapan — обруч из серебряных пластинок	Biraktschajakan — маленький ручей
Anmunda — ровный	Biraktschan — ручей
Arkron — шейное кольцо из меди	Biut — перо
Arinckoh — дьявол	Bloki — блоха, клоп
Arunki — водка	Bo — град
Ashewu — женщина	Boba — люлька
Askewu — теща, свекровь	Bobra — бобер

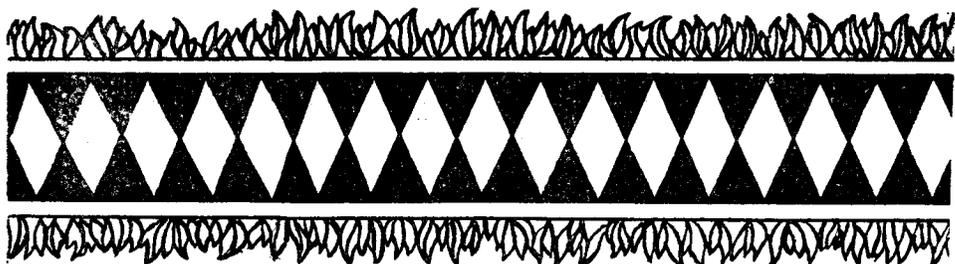
- Bodal — ступня
 Bodalikrin — икра
 Boeg — лекарство
 Boei — человек
 Bog — город
 Bois — кукла
 Bolani — осень
 Bolgit — кедр
 Bonael — сестра жены
 Boner — шури́н, деверь
 Boneru — золовка
 Bonna — невестка
 Bool — слуга
 Boolo — раб
 BUCKurki — зимняя верхняя шуба
 Bujuu — животное
 Bujusil — охота
 Bukues — лед
 Bulakoeg — болотистая местность
 Bulla — ил
 Bullin — брат
 Bullon — вражда
 Bur — остров
 Burbut — перепелка
 Butun — болезнь
 Butun Apa — лихорадка
- Dabga — табак
 Daerki — чепчик из полузамши
 Dagret — час
 Dalba — близкий
 Dallan — сладкий
 Daram — поясница
 Dashaddoe — похороны
 Dawting — клей
 Dedun — собачье мясо
 Delaktschan — овца
 Delawon — ясак
 Dewongit — земляная губка
 Dieula — панцирь
 Digin — четыре
 Digin Mer — 40
 Digittan — четвертый
 Digran — стрела с шилообразным ко-
 тьяным наконечником
 Dilliki — горноста́й
 Diwut — береза
 DjarKan — восемь
 DjarKitan — восьмой
 Djeraldo — жених
 Djog — желчь
 Djol — камень
 Djolaktschan — Большая Медведица
 Djolkap — помогать
 Djor — два
 Djor Djuiuk — 12
 Djor Mer — 20
- Djor Mer Djor Djuluk — 22
 Djor Mer uMan Djuluk — 21
 Dju — дом
 Djug — лето
 Djujerse — кислый
 Djulgida — оторочка из собачьего меха
 Do — семья
 Doedlae — орлиные перья
 Doel — голова
 Doetla — крыло
 Doikun — слабый
 Do!bo — ночь
 Dolbonokaltack — полночь
 Dorta — восток
 Dott — холм
 Dudi — рубашка
 Duigi — птица
 Duinmut — стрела с костяным на-
 конечником и бородкой на одной сто-
 роне
 Dukta — ольха
 Duktoe — ива
- Ebatsch — гусь
 Eka — котел
 Elan — три
 Elan Mer — 30
 Elinge — язык
 Epan — племянник
 Etschan — локоть
 Euwti — легкие
 Euwutla — ребро
- Gad — залив реки
 Gana — радуга
 Gansa — трубка
 Gar — ветка
 Ge — второй
 Gemalak — дочь
 Geromda — балаган
 Geu — сын брата отца
 Gewon — утренняя заря
 Gid — охотничье копье
 Giltaldi — песец, белуха, белый
 Giltin — белуга рыба
 Girkau — спутник
 Gisson — колотушка к бубну
 Gojon — сосуд из бересты
 Gonmin — лес
 Gonnon — длинный
 Gottlan — горький
 Gudau — высокий
 Guddi — желудок
 Gudei — бедность
 Guickitsch — голубика
 Gunit — прямой
 Gurgat — кожа

- Haskinman — скакание двумя ногами
 Hakan — печень
 Hanagi — кисть
 Haron — нагрудник
 Hinacki — куропатка
 Hoedin — ветер
 Hoemta — брусника
 Hoerki — штаны
 Hoetkatsch — саранча
 Hokka — жара
 Hopkau — корень
 Horaki — тетерка
 Hosi — лебедь
 Hulati — красный
 Huldun — мяч
 Hultan — мука
 Humti — маленький комар
 Iustanin — падчерница

 Ibdai — дуэль
 Igan — иней
 Igitte — клюква
 Iginae — холод
 Ihaeki — лопатка
 Ihoel — ящерица
 Ikaton — палки в юрте для подвешивания котлов
 Ikri — кость
 Ikrikutuni — подагра
 Idue — тело
 Ikuip — семизвездие
 Ipletan — третий
 Poeng — сухой
 Imandoe — снег
 Imsi — мясо
 Inganap — холодный
 Ingat — шерсть у животных
 Ihgit — крушина, черемша
 Ingmanta — морозка
 Ini — живой
 Iniong — день
 Imno — игла
 Intschal — цветок
 Irat — лиственница
 Irgi — мозг
 Isle — кипрей
 Istol — стол
 It — зуб
 Itti — лицо
 Iwonka — топор

 Jaka — юкола
 Jelaki — рябчик
 Joletsch — берестяная лодка
 Julten — солнце

 Kadar — пещера
 Kaem — юкола

 Kaiki — морская капуста
 Kalbin — далекий
 Kalgan — запруда
 Kalim — кит
 Kaltan — круглая восьмиугольная юрта
 Kangka — костеница
 Karau — журавль
 Katschackap — щенок
 Kedak — аист
 Kingla — лыжи-голицы
 Kipti — ножницы
 Kiret — дятел
 Koeku — кукушка
 Koengde — место погребения
 Koeramdu — выдра
 Koerda — корзина для рыб
 Koiki — глухой
 Kokan — естественная смерть
 Kokatscha — мертвый
 Koki — медведь
 Kokmu — жена брата
 Kokolda — перчатки
 Kola — черпак
 Kolaka — пупок
 Kolen — комар
 Komgeja — кривой
 Konda — яма
 Kongoka — летняя одежда женщин
 Kogami — детская шапка из кожи с голыши птиц
 Korba — бык, вол
 Korot — ухо
 Korwani — шапка
 Kowa — подбородок
 Kukaki — галка
 Kukan — смерть
 Kukatschal — мертвый
 Kuma — тюлень
 Kumcka — вошь
 Kunduka — одежда девушек из полузамши
 Kunga — ребенок
 Kuratlae — большая шапка
 Kurba — жеребец
 Kutin — зять
 Kutsch — гнилое дерево

 Lam — море
 Laptari — хариус
 Loki — стрела
 Lorgindue — танец по кругу

 Moewon — душа
 Mangsi — сильный
 Mawot — потяг, ремень
 Meawan — сердце
 Mengdatscha — металл

- Menjemal — 1000
 Menn — 10
 Merin — свадьба
 Metap — десятый
 Miki — змея
 Mir — плечо
 Miundjalbun — кровный родственник
 Miwon — шея
 Mo — дерево
 Modgi — камень, огниво
 Momi — баты
 Mongen — серебро
 Mu — вода
 Mudukan — ствол
 Mundukan — заяц
 Mungija — гнилой
 Muron — лошадь
 Muthaokin — кислое молоко
- Nabalang — коротко нарезанные ремешки
 Nabeckating — вышитые ремешки на женской одежде
 Nadainangil — неделя
 Nadan — 7
 Nadatan — седьмой
 Nai — острога
 Naimi — летняя одежда мужчин
 Naisa — полузамша
 Nama — 100
 Namat — морской залив
 Narilan — светлый
 Nawon — вдовец
 Nawones — вдова
 Neem — тетива
 Nemokoet — сосед
 Ngnoka — пещера
 Ngno luka — рябина
 Niaemgancka — поминки
 Njaemi — кобыла
 Njaere — мужчина
 Njak — сушеная рыба
 Nialg — рука
 Nialu — железный наконечник
 Nialuki — волк
 Niamlan — теплый
 Nian — небо
 Niankta — кедровый орех
 Njauta — источник
 Nieki — утка
 Niektschik — колчан
 Niemalda — мох
 Niere — спина
 Nietkup — низкий
 Nimaen — кушанье из крови
 Nimiru — кушанье — вареное содержимое желудка оленя
- Ning — собака
 Niolitscha — нижняя одежда женщин
 Nioepas — готовая кожа
 Niog — первый
 Nioganun — сын сестры отца
 Nitschusch — ровдуга
 Niugan — 6
 Niugitan — шестой
 Niuktschukan — маленький
 Niumdu — особое кислое кушанье с содержимым желудка оленя и порсой
 Niurit — волосы
 Niutauki — ворона
 Noel — женский нагрудник
 Noelkoe — весна
 Noem — тетива
 Noena — чашка
 Nojaka — боа
 Nokoja — кислая рыба
 Nong-an Deschtschirin — он лежит
 Nong-an Djoentschin — он думает
 Nong-an Girkaran — он идет
 Nong-an Goloerin — он хочет, требует
 Nong-an Insin — он смеется
 Nong-an Saran — он понимает
 Nong-an Songdin — он плачет
 Nowu — племянник
 Nuki — деревянная стрела
 Nunga — лук
 Nungulan — прилежный
 Nunta — орел
- Obalakan — игра с палочками
 Obdinda — лист
 Oedan — маечка
 Oegdjoen — большой
 Oeija — макушка шапки
 Oektschawon — алык
 Oelbuk — запяски из кожи рыб
 Oemki — чулки
 Oengin — камень
 Oenin — мать
 Oenoes — замша
 Oereki — лягушка
 Oerki — штаны
 Oesal — глаз
 Oeta — жир
 Ogi — невестка
 Ogita — перо поплавка
 Ojal — одежда
 Okdjenatin — господин
 Okin — груди
 Okion — корова
 Okit — живот
 Okki — тетя
 Okoni — жир, сало
 Olatschaek — летние сапоги из ровдуги

- Oldae — рыба
 Oldo — рыбное кушанье
 Oldoboitschiril — рыбная ловля
 Olivon — весло
 Omin — губы
 Onadja utu — дочь
 Onak — стрела
 Onaki — росомаха
 Ongaet — нос
 Ongot — лоб
 Oniat — девушка
 Onieng — песок, глина
 Onjatscha — летучая белка
 Onmogon — пояс
 Onoran — рукавицы
 Ortag — верхнее отверстие в юрте
 Or — черника
 Oraen — зять
 Orat — растение, трава, сено
 Oron — олень
 Orsal — камус
 Orta — древесная кора
 Ose osekak — звезда
 Osi bugan — царство мертвых
 Ospa — оспа
 Osto — ноготь
 Oth — дорога
 Otkan — охотничий нож
 Otki — локоть
 Otlj — вилкообразная стрела с железным наконечником
 Ottun — забота
 Owurga — двухлопастное весло
 Oya — макушка головы
 Petuch — петух
 Platt — полотно
 Pojaet — пояс

 Rumkun — короткий
 Rug — огниво

 Saet — ива
 Sagdi — старый
 Semckan — кашель
 Seraruck — деревянная ложка
 Seuki — бог, икона, крест
 Seuki Djon — церковь
 Seukimut — новокрещеный
 Sewuja-Soldadaning — Млечный Путь
 Sichsa — водяница
 Sigics — ива
 Sigiri — тальник
 Sihjaetschin — вечер
 Sillego — роса
 Siltae — кишки
 Siltag — кошелек

 Sinckaltin — север
 Soe-ub — соболь
 Soel — железо
 Soell — сталь
 Soepket — полки с обеих сторон в юрте
 Soewoeki — изображение божка
 Sokup — ковш
 Solta — порса
 Sulle — лисица
 Sum — вена, артерия, нитки, жилы
 Sungal — кровь
 Sunusuk — приданое
 Sursik — приданое
 Swinja — свинья

 Tadan — кровать
 Taihratscha — соленый
 Tak — соль
 Takmanda — дружба
 Tako — друг
 Taktscha — хлеб
 Talbitang — лук длиной в одну сажень
 Talinuran — молния
 Tamnar — град
 Tetti — зимняя одежда
 Teuta — ягода
 Tian — медленный
 Tickupta — запад
 Tidawon — жаворонок
 Tijun — палка-кнут для управления собаками
 Timminna — завтра
 Tinau — вчера
 Tingen — грудь
 Tioelban — паразиты
 Tirapon — кольцо
 Tirgani — юг
 Tirgo — полдень
 Toddoe — слово
 Toeden — постель
 Toega — род
 Toegelgan — скамья
 Toerki — налучник
 Toerko — обтяжка бубна
 Togin — мохра
 Togo — огонь
 Togolin — очаг
 Togotschin — лес
 Toki — слепой
 Tolgi — пояс
 Tolgipan — медное кольцо
 Toner — озеро
 Tongan — пять
 Tongan Ner — 50
 Tongetan — пятый
 Tor — земля
 Tordula — ад

- Torki — нарты
 Torri — калым
 Tschaandun — позавчера
 Tschakarín — черный
 Tschalban — береза
 Tschamaktschan — кошка
 Tschai — дикая свекла
 Tschekli — приложение
 Tscherkap — нож
 Tschermi — повязка из черного собачье-
 го меха
 Tschewkotschan — птица
 Tschí — раковина
 Tschika — мужской член
 Tschikmat — земляника
 Tschimetki — узкий брусок поверх ко-
 пыльев
 Tschimgal — верхняя одежда женщины
 из меха оленя
 Tschindmar — стрела с костяным нако-
 нечником
 Tsching-amdu — загон
 Tschinirkaп — мышь
 Tschirit — медь
 Tschitschegon — маленький колоколь-
 чик
 Tschoma oednen — буря
 Tschuk — сено
 Tschulbane — зеленый
 Tschulorki — скакание на одной ноге
 Tschulta — порса, варенная с тюленьим
 жиром
 Tschutlawun — каток
 Tschutschu — скребок
 Tschuwal — чувал
 Tu — зима
 Tuetscha — бекас
 Tuikir — крылья
 Tukar — лилия
 Tukrin — «баран» у нарт
 Tuma — морская капуста
 Turaki — ворон
 Turan — воздух
 Turkoe — полозья

 U — железный скребок
 Uddik — пузырь
 Udnan — дождь
 Udop — сустав на руке

 Uinkan — ложка
 Ujun — девять
 Ujutan — девятый
 Ukan — посуда для еды овальной фор-
 мы с ручками
 Uki — «морды»
 Uktschan — сука
 Ulaktscha — мокрый
 Uldoe — отварное мясо
 Uliki — белка
 Ulla — грут
 Uman — костный мозг
 Uman-Djuluk — 11
 Umin — один
 Umta — яйцо
 Unath — невеста
 Uneluraetschin — общество
 Uniaet — муха, комар
 Undikan — сосуд для воды
 Ungal — червь
 Ungat — кровеносный сосуд
 Uniaekan — палец
 Unioeran — наперсток
 Unkan — ложка из рога оленя
 Unkipon — украшение на косах
 Unta — салоги
 Unucka — коричнево-красная кожа
 Untun — бубен
 Uracktschan — гора
 Uracktschar — горная цепь
 Uran — восьмиугольное продолговатое
 жилище
 Urdi — желудок
 Urewon — шумовка
 Urgelan — тяжелый
 Uriting — оторочка
 Urka — юноша, дверь
 Urkan — молодой
 Ut — внук
 Utan — зимнее жилище
 Uttani — пасынок
 Uttu — сын
 Utu — муж сестры

 Wamat — свежий
 Wamattoe — кровная месть
 Welaki — ласточка

 Zonal — отгороженные места в юрте

Описание тунгусов, которые живут у Удского острога...
1744 — 1745 гг.*

Так как сведения об Удском остроге собирались в разное время и я не мог их собрать для моего описания пеших тунгусов, то я предпошлю их описанию удских тунгусов. В какое время был построен Удский острог с Ясашной избой, нельзя найти никаких сведений¹. Если бы мы хотели со слов что-нибудь узнать, то можно сказать, что, по данным тунгусов, некогда на Уде обосновалась маленькая группа промышленников в построенных ими зимовьях. Поселились они здесь потому, что эта местность богата соболями. А пришли они якобы на Уду по р. Маймакан²; тогда еще тунгусы не платили ясака. После того как отряд был отправлен из Якутска на Амур, он прошел вниз по р. Зее, а оттуда по Амуру, затем вдоль моря до р. Тугур³, вверх по ней и пришел к Борукану, и там построили острог и обложили тунгусов окружающей местности ясаком. Первым обложили род Моктигиг, из которого взяли аманата. Гиляки, которые имеют свои поселения у устья Тугура и живут дальше по берегу моря, тоже были обложены ясаком. Когда же острог на Тугуре⁴ был заселен командой, отряд продолжал свой путь дальше по воде и пришел к р. Уде, и там был сооружен острог. Тунгусские роды: Oginkagig, Kitigig, Mokagig, Laligig были приведены в подданство. Острог заселили служилыми и промышленными людьми, а на следующий год они ушли на судах в Охотск. Если угодно уточнить эти сведения, то это мог бы сделать в свое время, видимо, тот, кто построил этот острог и привел народы этой области в подданство России, а именно письменный голова Василий Поярков со своей командой. Он был снаряжен в 1643 г. из Якутска на Амур⁵.

* Lindenaу J. Beschreibung der Tungusen, welche zu Udskoi ostrog sind... 1744—1745.—ЦГАДА, ф. 199, № 511, ч. II, д. 9, л. 1—47. (С небольшим словарем.)

Затем имеются еще устные сообщения, что в 1717 г. был снаряжен сын боярский Прокопий Филькеев с тайным приказом на Уду⁶. Этот имел команду из 20 служивых, которые к осени прибыли к Удскому острогу. В 1719 г. они построили судно и отправились в начале июля в море. Сильная буря пригнала их к берегу в бухту Мамга⁷, где они должны были стать на якорь. Здесь высадили они Филькеева и двух служивых на берег, которые к осени прибыли к Удскому острогу. Остальные отправились на своем судне от бухты Мамга и прибыли к большому Шантару, где они и перезимовали. Следующей весной пошли они на парусах далее на юг и прибыли к берегу Кореи, где за недостатком продовольствия стали на якорь. Некоторые сошли с судна на берег, а через десять дней оставшиеся на судне увидели их тела, плавающими на воде. Был срочно поднят якорь, и корабль пошел от берегов Кореи⁸. Но не успели они отойти на приличное расстояние, как появилось большое число людей. Неизвестно, были ли это корейцы или гиляки — с копьями, луками и стрелами, и стали стрелять в тех, кто был на судне, но им не удалось ни в одного из них попасть. К осени судно возвратилось в Удский острог.

Тунгусы, которые разделяются русскими на оленных и сидячих, образуют, без сомнения, один народ, о котором я упоминал в описании ламутов. В Удском остроге имеются следующие роды: Laligir, Hoigan, Oddjan, Oginckagir или Aginckagir, Butal, Kitigir. Они платят ясак ежегодно в размере 85 собелей и 12 лисиц, который в денежном выражении составляет 365 руб. До завоевания русскими были роды: Oginckagir, Kitigir, Moktigir, Mokagir и Laligir. Из них осталось 33 человека из рода Oginckagir и один из рода Kitigir. Эти ничего не могут сказать о своем происхождении, кроме того, что они связаны с неким родом Ogit, тунгусы которого сидят на большом озере Owigen⁹. Что же касается тунгусов, которые живут на Амгуни и других реках, то они считают себя одним народом с удскими тунгусами, потому что одни другим отдают своих дочерей в жены. Кроме того, так как охота на собелей на Уде некоторое время тому назад стала плохой, то идут удские тунгусы на охоту на территорию своих соседей.

К прежним родам удских тунгусов пришли несколько лет назад с Лены и Алдана роды Laligir, Hoigan, Oddjan, Butal. О них я хочу привести их собственное высказывание. «Наши предки пришли из отдаленной земли, но так как на обратном пути они не нашли своих знаков в виде расставленных палочек, которые они поставили на определенных местах на реке ниже Олекмы, то они продолжали свое путешествие вниз по Лене, далее через дикие заросли и через реки до Алдана и полагали таким образом прийти на свою старую родину, хотя шли они вслепую. Но когда они увидели, что трудилась напрасно, на старую родину не попали, а перед собой увидели богатые земли, то решили здесь осесть и стали жить свободно». К выше приведенным присоединяются еще дальнейшие сведения, что пришло вверх по Алдану судно с русскими и пристало недалеко от их жилищ. Чтобы обложить тунгусов ясаком.

русские придумали средство сделать это без потери своих людей. Они сварили в большом котле мучную кашу — саламат¹⁰, поместили котел недалеко от судна и дали знать тунгусам, что они должны попробовать саламата. Тунгусы очень хотели отведать каши и стали совещаться, как бы переправить котел с кашей к себе. Они выбрали из своих родов двоих самых крепких и послали их принести котел. Когда же эти хотели взять и унести котел, русские, которые лежали недалеко спрятавшись, напали на этих «кашеносцев» и взяли их в плен. Благодаря этому остальные были обложены ясаком и от них взяли аманатов.

Тунгусы в Удском остроге называют себя *Owuncki*, или «поперешные» (перевод Линденау.— *З. Т.*), которые не имеют никаких оленей. *Dunckan*, или горные люди, имеют оленей, живут в горах. Другие народы они называют таким образом: гиляков — *Gilika*, потому что они питаются рыбой, ламутов, которые тоже тунгусы, — *Mopa*, или сидячие люди. Они живут у моря и не имеют оленей. Коряков называют *Oqackel*, лысые, якутов — *Joko*. Для чукчей, юкагиров, камчадалов у них нет наименований, так как они их не знают, а слышали от русских, что такие народы существуют и так называются. Китайцев называют *Mandiu*, а китайских тунгусов — *Nagidal*, или «на низу», все равно что живущие в стороне¹¹. Удские же и все прочие тунгусы из рода *Kelag* называются верхними (по Амуру) тунгусами — *Kilal*. Гиляков верхние тунгусы называют *Owuncki Langtar*, а русских — *Ginidsi*. Между собою удские тунгусы называются по их родам.

О чужих странах им ничего неизвестно, только разве знают Шантарские острова, которые они называют *Vokotschan* или *Bug*, остров Медвежий — *Nogbocka*. Страны Китай, Япония и так далее называются у них теми же именами, какими они обозначаются русскими.

Удские тунгусы живут в основном по р. Уде, р. Торому¹² и р. Тугуру. Их начальник, которого они имели до прихода русских, носил имя *Dsienggik* или *Diang-in*, таковой был в каждом роде. Теперь *Diang-in* называется князьцом.

С самого начала каждый род имел своих собственных рабов и мог с ними делать что хотел. Несколько слов об их правопорядке. Если кто совершит убийство, то убийца обязан с оставшимися родственниками убитого договориться. Здесь учитывается личность убитого. Максимальная компенсация для богатого — это три-четыре раба и столько же рабынь, а также 40—50 оленей. Чтобы это заплатить, помогают и другие роды. От неимущего рода берется меньше. Если кто имел связь с женой другого, он обязан дать обманутому четыре и больше оленей, но это относится только к тому случаю, когда такая связь может быть доказана свидетелями. Если же муж застал свою жену с другим, то ему представляется право убить их обоих, и никаких доказательств больше не требуется. Если кто изнасилует девицу, то он обязан ее взять в жены и тогда вместо обычного калыма — *Toggi* должен отдать все свое имущество. Воровством они, как правило, не занимаются, в чем следует отдать им должное. Разве только кто-нибудь по нужде, когда у него нет

никаких средств для пропитания и он далеко находится от своих близких, возьмет из лабаза другого, наестся досыта и сам сообщает об этом хозяину лабаза. Последний может ему предложить уплатить за это, но такое у них встречается редко. У них можно совершать любое преступление, но за это не наказывают смертью, а все ограничивается компенсацией чем-либо. Если кто возьмет в долг у другого, то при этом не требуется никаких свидетельских показаний, потому что, как только должник будет иметь чем уплатить долг, он это делает без всякого напоминания со стороны займодавца. Когда же займодавец не хочет долго ждать, а у должника нечем платить, то он занимает у другого или за него платит род.

Несколько слов о торговле в Удском остроге и о том, какие товары могут здесь сбываться. За пуд мелко нарезанного листового табака обычная цена три-четыре соболя, причем соболь стоимостью в 5 руб. принимается за 3 руб. Один кусок китайки — 1 1/2 руб.; один пуд ржаной муки — от 3 до 4 руб.; железный котел в одно ведро — один соболь; медный котел — 4 руб., пуд соли — 8 руб.; один кусок бухарской ткани — 1 р. 20 к.; охотничий нож — 50 к., аршин полотна — 20 к.; большие и маленькие стеклянные бусы, швейные иглы, маленькие колокольчики и бубенчики не имеют определенной цены; масло сливочное 1 1/2 пуда — 2 соболя; топленое масло 1 1/2 пуда — 3 соболя. Охотские тунгусы больше покупают табака, котлов и железных изделий, которые они продают верхним тунгусам, а те гилякам. Верхние тунгусы на Амуре ловят медведей и продают гилякам. Голова медведя стоит один котел, за медвежьих лапы дают луки, стрелы, ножи.

Удские тунгусы разделяют год — Angani на четыре времени года: весну — Nelkini, лето — Diugani, осень — Volani и зиму — Tugumi. Год состоит из 13 месяцев, и считают они их в следующем порядке: Tiglan — «вскрытие рек», его можно приравнять к маю; Ilaga — «месяц зелени», когда листья распускаются; Ilkun — «завязь ягод»; Igin — «период созревания ягод»; Irkin — «обдирание рогов»; Ugun — «забереги»; Ugdaqu — «месяц запястья», «пушная охота»; Omtki — «большой мороз»; Mig — «плечо»; Girawun — «период ходьбы (охоты)», «дни начинаются становиться длиннее»; Oktenkira — «падение снега с веток»; Tugan — «прилет ворон»; Schonkan — «период отела».

Весна начинается с месяца Oktenkira, лето — Ilaga, осень — с Irkin, а зима — с Omtki. Месяц называется Vêga и разделяется на четыре части, как-то: новолуние — Irkackin, когда месяц показывается на третий день; полулуние — Kaltakan; третья четверть — Dollanin, полнолуние — Tigap. Полярную звезду называют Toki. Большую Медведицу — Auwla, Млечный Путь — Mangniotschitschan.

У тунгусов имеется сказание, связанное с Млечным Путем. Один сильный человек охотился на оленя, от этого остался след, а олень упал в море и превратился в кита. Затем упал на землю теленок и из его пота вышли другие олени. В доказательство этого торчит в Большой Медведице стрела сильного человека. Отсюда и произошло, что отныне

оленей убивают стрелами. Солнечное и лунное затмения — это знак, что эти тела умирают, почему затмение называется *Budden*, или умерший. Далее они говорят, что все живое создал бог, которого называют *Sewuki*. Откуда же произошел мир и люди, им неизвестно. Причиной грома является то, что кабарга (мускусное животное), которая была у *Sewuki* в милости, провинилась, *Sewuki* бросил ее на землю, и по приказанию *Sewuki* ее гонит гром. По утверждению тунгусов, гром — это гневный мужчина, которого *Sewuki* употребляет, чтобы кого-либо наказывать. Он создан был тогда, когда кабарга провинилась перед *Sewuki*.

Они считают, что два месяца — *Ugdarpu* и *Omtki* являются тяжелыми и плохо отражаются на здоровье, а об этом они судят по тому, что в названные месяцы оказывается больше больных, нежели здоровых.

Страны света они обозначают следующим образом: восток — *Ultan*, юг — *Tirgani*, запад — *Ogolasna*, север — *Kurat*. Утро, или восход солнца, у них *Iultan*, а также *Delatscha*, полдень — *Tirgani*, вечер, или заход солнца, — *Ogolasna*, полночь — *Kurat*. Также утро называется *Timatna*, вечер — *Siksani*, а ночь — *Dolbani*. Ветры, которые они различают, — четыре: это *Lamgitsch* — с востока, обозначает — со стороны моря, *Dagaia* — с юга, *Hingala* — с запада, *Kurat* — с севера.

Страны света различают по коре ели и лиственницы, потому что ствол створа, обращенная к югу, гладкая и коричневая, а к северу — шероховатая и черноватая. Благодаря этому тот, кто заблудится, попав в беду, может легко найти дорогу, так как о компасе они ничего не знают. У них нет никаких других исчислений расстояний, кроме дневного перехода — *Nulge*. А оно соответствует, если путешествуют со своими женами и всем имуществом с одного места на другое, 10—15 верстам. *Vojikdelarup* — также однодневный переход, но он происходит налегке, без поклажи, на сленях или на лыжах, может составлять от 30 до 40 верст.

О внешнем виде удских тунгусов. Они среднего роста, лицо — *Derauw* продолговатое, нос — *Onokto* маленький и продолговатый. Глаза — *Oesal* темно-коричневые, брови — *Kirumski* широкие и дугообразные, щеки — *Anatschan* у большинства впалые. Рот — *Aniga* широкий, зубы — *Ikti* маленькие белые и стоят вплотную друг к другу. Уши — *Sjeng* большие и сильно оттопыренные, как у якутов и татар. Лоб — *Aua* заостренный, и подбородок *Коева* — также. Волосы — *Niurikta* носят некоторые заплетенными в косы, другие не отращивают их слишком длинными. Они черно-коричневые, жесткие и не толстые. Женщины и девушки, которые заплетают косы, делают это как ламуты и носят в ушах большие подвески. Мужчины носят маленькие и тонкие усы и заостренные бороды, которые у них вырастают в возрасте 30 или 40 лет. Они их не стригут. Мужчины и женщины на других частях тела волос не имеют. Кожа на теле мягкая и коричневатая. Фигура у них некрасивая и неправильной формы.

Тунгусы суеверны, молчаливы, не любят никакой ненужной болтовни, считают ее величайшим позором, подозрительны и упрямы. Нелас-

ковый взгляд приводит их в раздражение. Они гостеприимны, не экономны, мало заботятся о завтрашнем дне. Если же тунгусы выпивают крепкие напитки, то быстро пьянеют. Родители в воспитании своих детей не строги, не резки, не требовательны, и дети никакого почтения к родителям не проявляют. Мальчики с ранних лет обучаются стрельбе из лука, а девочки — шитью и починке одежды. Когда мальчик достиг того возраста, когда может ходить на охоту вместе со взрослыми, он получает от своего отца оленей, и они остаются на всю жизнь его собственностью. Девочки ничего своего не имеют.

Об их увеселении можно сказать очень немного. У них есть танец-хоровод, похожий на танец якутов на Витиме, при котором они произносят слова: Ну-gach, I-joch, I-joch, Iijo, Kasum, Kasum, Kasum, Kiku, Nikhu, Umbach, Idach, Idach, Idach, Arach, Arach, Ijoch, Ijoch, Achi, Achigja, Nago, Naga, Tuga, Umdja, Horjoch, Harach, Herga, Urgi, Urwi. Слова эти не имеют никакого значения, а являются подражанием звукам животных и птиц. Так же скачут двое, качают головами и машут руками.

Друг друга они не приветствуют и не прощаются, не знают ничего об оказании почестей, только перед русскими обнажают голову, делают поклон и снова ее покрывают. Если же кто является их другом, которого они давно не видели, тунгусы обращаются к нему со словами Аѳа gerkundi — «здорово ли ты ходил», и тот отвечает, смотря по обстоятельствам, либо Аѳа gerkum — «очень хорошо», либо Egrud gerkum — «очень плохо». Когда тунгусы расстаются, то употребляют выражение Аѳа gerkuskal Oekoel Voiigali Kusira, что значит «иди мирно и не заводь ссор с людьми», на что уходящий отвечает Atam-Kusira — «зачем мне ссориться». Если чужой приходит к ним, то они его не сразу угощают, а ждут сначала от него подарка. Тут следует заметить, что если кто не принимает подарка, то он ничего не имеет и ничего не дает. Подарки они дарят соболями, лисицами, замшей, и их подарки гораздо ценней тех, которые они получают сами.

Об их одежде и украшениях. У мужчин имеется шапка — Awon, верхнее платье — Toetti, нижнее платье — Dudi, нагрудник — Noeleken, рукавицы — Kokolgo, штаны — Erki, сапоги — Unti. Еще есть у них теплые «наножники» (но не целые штаны), которые у якутов называются Suturi. Делают их из ровдуги. Женская верхняя одежда — Konduka, нижняя — Toet. Верхняя шапка из шкуры медведя — Kigati, маленькая нижняя шапка — Niengkula. Нагрудник — Delapan. Вся их одежда с оторочкой — Nelluk и украшена крашеным конским волосом (Rob-Haare) и узкими ремешками, которые тунгусы называют Tschorai.

Жилище тунгусов чум — Dju бывает двух видов. Одни из бересты, подобно якутским, другие — с покрывкой из замши — Elben, которые употребляются летом. Их ставят недалеко от рек, где ловят рыбу.

Тунгусы на Амуре, Амгуни и других реках, также и гиляки, жилища которых стоят на одном месте — Kalta, строят их по образцу ламутов из бревен, четырехугольной формы, снаружи обмазывают глиной, с боль-

шими окнами. Слева внутри жилища у двери находится печь, и в нее вмазан котел. Широкий дымоход печи идет по земле кругом жилища и выводится наружу с правой стороны. Над дымоходом устраивают нары. В середине жилища стоит большой врытый столб, который служит опорой и украшен различными резными фигурами; к нему тунгусы привязывают медведя для своих увеселений. В таком жилище живут четыре семьи, совершенно чужие друг другу. Из них мужчины нередко сходятся, женщины же держатся обособленно за занавесками и не общаются друг с другом.

Кое-что об их пище. В пищу тунгусы употребляют разные сорта рыбы — кету, горбушу, камбалу, мальму и другие. Употребляют мясо тюленей. Из диких животных едят мясо лося, медведя, дикого оленя. Из птиц едят глухарей, диких голубей, гусей, уток. Деликатесом у них считается содержимое желудка оленя. Печень, почки, костный и головной мозг животных, птиц и рыб поедают в сыром виде. Летом в сыром виде едят головы рыб, а зимой рыбу целиком. Жареная рыба и мясо, толкуша, вареная рыба — *Otromdo*, вареное мясо — *Olokul* также у них широко употребляется. Из рыб готовят юколу, порсу и качемаз¹³, как и ламуты. Кто бы к ним ни приходил, они каждого угощают своей пищей, даже своих врагов не отпускают без угощения. Если они сами приходят к другим и их принимают не должным образом, то есть без угощения, то возникает вечная вражда. Ежедневно перед едой они приносят часть своей пищи в жертву огню. Они не знают, откуда огонь берется, считают его бессмертным существом, от которого исходит добро, и они обязаны приносить ему жертвы. От всех животных и птиц, которых они добывают, они приносят жертву огню. Делается это следующим образом: насаживают на столб или вешают на дерево целиком головы маленьких животных и птиц, а от крупных животных только отдельные куски. У них существует поверье, которое надо отметить. Если собака на охоте съела что-нибудь до ловли или прыгает через то, что добыто на охоте, то это плохое предзнаменование и надо ждать несчастья. А из этого следует, что они сами заранее не смогли умилостивить *Se-wiki*.

Пьют они только воду. Летом прямо из рек, зимой — растаянный снег.

Как и ламуты, имеют собак, но из-за недостатка корма собак у них, кроме тех, которых они используют на охоте, немного.

Об оленеводстве. Олень называется *Orop*, самец — *Giluka*, самка — *Niamí*, а олененок — *Oengnikan*. Дикий олень называется *Irip*, причем самец и самка называются одинаково. Между ручными и дикими оленями имеется разница. Дикое крупнее, имеет более длинные рога и никогда не могут быть приручены. Случается нередко, что дикие во время течки спариваются с ручными, и самец приходит в стадо домашних. Дикое самки этого не делают, когда олененок от дикого оленя вырастает, он уходит из стада домашних оленей и не может быть приручен. У дикого оленя мясо лучше, чем у ручного оленя. Каждый тунгусский

род имеет от 50 до 60 оленей и в соответствии с этим платит ясак в Якутскую канцелярию. После того как они попали в ведение Охотской канцелярии и должны были везти туда свой ясак с большими трудностями, они теряли в дороге своих оленей, так как приемщики ясака очень долго задерживали тунгусов при приеме последнего, тунгусы голодали и вынуждены были не только колотить своих оленей, но и покупать испорченное конское мясо у взимателей ясака за высокую цену.

Олени в этой местности большей частью серого цвета и меньше, чем у коряков. Олени питаются летом и зимой мохом, который растет в горах, но не тем, который растет на болотах. Мох на горах сладкий и называется *Lauckta*, а на болотах — *Nemoel*. Также кормятся олени грибами, листьями ив и берез. Они жадны до человеческой мочи и прибегают издалека, чтобы отведать ее. Олени уходят далеко от жилища, но бывает, что некоторые уходят далеко и дичают. Чтобы оленей можно было найти, им подвешивают на шею колокольчики, а иным кусок дерева, чтобы не убежали. Олени спариваются только осенью в месяц *Ugun* и телятся в месяцы *Schonckan* и *Tiglan*. Послед — *Anmatin* вешается на дерево, чтобы самка его не съела, в противном случае олененок будет диким оленем. Если родятся олени-близнецы, то это считается плохим предзнаменованием и означает, что их хозяин умрет, а чтобы избежать этого, самку и обоих детенышей душат. Кое-что жертвуется *Se-wuki*, а остальное тотчас съедается.

Различные наименования оленят: в 1-й год — *Ewkan*, или *Enchan*, во 2-й — *Naпое*, в 3-й — *Nioogka*, в 4-й — *Amarkan*, в 5-й — *Muttun*, или *Multun*, после этого самец получает имя *Giluka*, самка — *Niami*.

Детеныши диких оленей носят имя в 1-й год *Nergutschan*, во 2-й — *Tschiro*, в 3-й — *Siudiackan*, в 4-й — *Ganckatschan*, в 5-й — *Mottu*, в 6-й — *Aпam*, а после называются *Toki*. Оленьи рога — *Uk* увеличиваются с годами и покрываются шерстистой кожей — *Loemoet*, которую они в месяце *Igkin* сбрасывают. Тунгусы умеют использовать эту кожицу — они едят ее жареной. Олени живут 7—8 лет и часто погибают от болезни, которая называется *Butuka*. При этой болезни распухают ноги. Больного оленя уводят из стада, а остальных угоняют с того места. Вообще олени очень нежные животные, и простая случайность может вызвать их смерть. Каждая семья имеет своих оленей, которые употребляются для охоты и для перекочевков. Когда семья переезжает с места на место, то вперед идет олень, который указывает дорогу, за ним едут верхом девушки и дети, затем женщины со всем скарбом, а в конце ненагруженные олени, по сторонам которых идут мужчины. На этот счет тоже есть суеверие. Почему мужчины не едут впереди? Причина, которую тунгусы приводят, это то, что у мужчин от этого якобы распухают ноги (неясно. — *З. Т.*). Когда тунгусы придут к месту, где могут поставить чум, то дело мужчины рубить жерди и устанавливать остов, на который должна быть натянута замшевая покрывка. Женщины должны расседлать оленей и сделать другие дела. Если они на следующий день должны снова отправиться в путь, то мужчины рано утром собирают оленей,

что делается особым зовом, седлают тех, на которых едут верхом; остальных седлают женщины, они же разбирают чумы и навьючивают оленей. Тунгусы неохотно задерживаются долго на одном месте, по крайней мере не больше трех дней. Если есть корм для оленей и хорошая охота, то могут задержаться на большой срок.

Седла у тунгусов маленькие, продолговатой формы и хорошо обшиты оленьей шкурой. На оленях ездят без стремян, но используют длинную палку, с помощью которой садятся в седло. Садятся на оленя всегда с правой стороны. Узда — просто ремень, привязанный к рогам, и называется Niok. На оленя накладывают груз максимум два пуда, а чаще нагружают на него не больше 1½ пудов. Все вещи, предназначенные для перевозки, укладывают в кожаные сумы — Seuguk, или Sauguk.

Чтобы ездить на близкое расстояние, употребляют тунгусы нарты — Doigakü, которые сделаны по образцу ламутских. Их тащат сами тунгусы или впрягают одну или двух собак. Лыжи у них двоякого рода: Suksil и Kingla. Suksil¹⁴ — длинные и широкие, нижняя часть подбита камусом — Osal. Ими тунгусы пользуются при длительных путешествиях и на охоте. Kingla — лыжи-голицы без камусов и используются для хождения на близкое расстояние. Те и другие прикрепляются к ноге с помощью ремешков — Nogjimgu таким образом, что лыжи можно без труда надевать и сбрасывать.

Их лодки двоякого вида. Одни выдолблены из дерева наподобие русских лодок и называются Mong-o, другие — из бересты, как у якутов, называются Diöew. На первых тунгусы осенью промышляют тюленей, а на вторых ходят по рекам на небольшое расстояние.

Рыбу ловят сетями Alda, или Adal, подобно ламутам. Сети делают из крапивных ниток, длиной они бывают от 10—16 до 20 сажень. Рыбной ловлей занимаются как мужчины, так и женщины, которые не ходят на охоту. Те тунгусы, у которых нет оленей или их очень мало, держатся ближе к рекам и озерам. Те же, у которых вовсе нет оленей и которые перешли в сидячие, как их называют, не ходят на охоту, а питаются исключительно от рыбной ловли. Из рыбы, которая ловится в Уде, — кеты делается порса, юкола, качемаз, ее солят и сохраняют в лабазах — Delkap. Сушеную рыбу и жир продают ламутам, оленним тунгусам, когда они идут на охоту или с охоты. Связка в 40 штук юколы стоит 3 руб., или один соболь; пуд рыбьего жира за ту же цену. Женщины ходят на охоту со своими мужьями, так как последние не могут обойтись на охоте без жены, которая им во всем помогает. Если мужчина убьет животное, то жена помогает доставить его домой. Редко встретишь семью, чтобы в ней двое или больше не шли в одной группе. Это происходит оттого, что они боялись нападения со стороны китайских тунгусов и гяляков. Кто убьет дикого оленя, лося или медведя, будь он женатым или холостым, не имеет на свою добычу никакого права, а все распределяется между всеми. Тунгусы считают позором сохранять добытое на охоте, и так считают все, разве что кто живет со своей семьей совсем

обособленно и далеко от других имеет право сохранить (для себя) добытое на охоте. Только соболей, рысей, лисиц и других животных, которыми они платят ясак, каждый сохраняет себе, а также рыбу. После охоты устраивается по их обычаю обед охотнику и его жене. Кто из них лучше всех охотился, того считают ловким, храбрым человеком, и его все время восхваляют. У них нет другого разговора, как о том, что он убил столько-то медведей, оленей, лосей. Такие хвалебные речи чаще всего произносят лентяи, которые сами ничего не делают, но всегда имеют свою долю, а тот, кто прилагал усилия, часто пслучает самую малость из их рук.

При охоте на оленей и лосей их стараются загнать туда, где снег глубже, отчего животные вьзнут в снегу, и тогда их убивают стрелами. Медведя закалывают копьем. К кабарге подползают и стреляют из лука. Лисиц, соболей, рысей, волков, росомах ловят настороженными луками — *Bürkan*, западнями — *Liang* и кулемами¹⁵. Лисиц и соболей выгоняют из нор — *Aktunin* дымом и ловят сетями.

Оружие, которое имеют тунгусы, это луки, стрелы, копьа, охотничьи ножи, которые они покупают от якутов, копьа — от гиляков. Копье называется *Gida*, а охотничий нож — *Utkan*. Они имеют двух видов луки, наполовину из рога — *Büri* или целиком из дерева — *Niagdi*. Первые покупают от китайских тунгусов и гиляков, последние делают сами, и они сходны с луками якутов. Стрелы — *Niugge* с разного вида наконечниками, а именно: ромбовидные — *Tugapp*, вилкообразные — *Patscha*, зубилообразные — *Mopna*, шилообразные — *Circalima*, тупоконечные — *Lucku*.

Налучник — *Mosek* сделан из замши, а колчан для стрел — *Om*, или *Oem*, делается как у ламутов. Охотничий нож хранится в ножнах — *Oepnoeski*, украшенных маленькими стеклянными бусинами, и привязан с левой стороны под рукой.

Тупоконечными стрелами стреляют соболей; стрелы с вилкообразным наконечником используют для охоты на оленей, лосей и медведей.

Об их браках. В возрасте 5—8 лет оба пола бывают уже помолвлены, и богатые выплачивают калым — *Toggi* за невесту сразу. Кто же не имеет состояния, должен дольше ждать с браком, пока не выплатят калым. Калым — плата родителям и роду невесты, бывает различным. в зависимости от состояния жениха — богатого или малоимущего. Калым состоит из 10—15 оленей, шкурок соболей, лисиц, луков, стрел, охотничьих ножей и денег в размере от 80 до 100 руб., из которых отец невесты берет себе половину, а другую половину разделяют между членами рода. Если кто-либо не в состоянии тотчас уплатить калым, то он должен раз-другой кое-что принести, и ему дают время для приобретения состояния. Тем временем невеста находится у своих родителей, но жених вправе спать у своей невесты. Существует у тунгусов и другой обычай. Если кто надумал жениться или имеет другие намерения, он приходит к избраннице своего сердца и говорит: «Мне холодно», а это означает, что он хочет у нее спать, и он без опаски может к ней лечь,

но это ему разрешается не больше двух раз. Если он приходит в третий раз, то его спрашивают, каково его намерение, пришел ли он потому, что хочет жениться, тогда сразу же речь заходит о калыме и обе стороны договариваются. Если же он говорит, что пришел только погреться, то ему показывают на дверь и запрещают больше приходить. Если же он при этом ведет себя невежливо, то ему в награду пускают стрелу в бок.

Дочери не могут свободно выбирать себе мужей, а берут их часто против воли. Только отец назначает им мужей. Причем обращается внимание не столько на внешность, сколько на богатство жениха. Нередко бывает, что очень неказистые мужчины имеют лучших жен. Тунгусы берут столько жен, сколько у них хватит состояния, чтобы заплатить калым и содержать жен, и все жены у них в одинаковом почете. Даже если между женами ревность, они все же живут мирно вместе в одном жилище, но если у них нет согласия и дело доходит до драки, то муж вынужден для каждой построить жилище, чтобы удалить их друг от друга. Браки между родственниками у них возможны в той же степени, как и у ламутов.

Брачные церемонии. Кто решит жениться, посылает сватов к родителям своей избранницы. Здесь речь идет о взрослых и незнакомых: сваты — Mang-an идут к родителям невесты и предлагают им выдать дочь за такого-то. Если родители согласны и дают слово, то приходят от жениха старые женщины с калымом к невесте и отдают его тотчас родителям, которые для приема калыма приглашают родственников. Ради такого случая душат жирного оленя, специально приглашая на эту церемонию шамана. Последний, не ударяя в свой бубен, бросает кусочки мяса в огонь, а остальное мясо варится и жарится и при распределении калыма между родственниками — съедается. После этого невеста одевается в праздничное платье, лицо ее закрывают покрывалом и ее сажают на оленя. Старая женщина должна вести оленя к жилищу, где находится жених, обводит оленя три раза по солнцу вокруг жилища. Старая женщина при этом говорит следующее: Kutilka Bajap bikel inirki, bikel Bujoksieng-in Sewuki irgikel Öddin Kumnutschakel hutaja ajetsch irgikel Togo hululckan bigin. По-русски (здесь и дальше русский перевод сделан нами.— З. Т.) это имеет такое значение: «Будь счастлива, будь всегда молодой, жизнерадостной, пусть твои годы не имеют конца. Бог да сохранит тебя, возвысья в чести и богатстве, обними своего мужа, воспитай своих детей к добру, и любовь между вами пусть будет подобна огню». Когда старая женщина это проговорит, то снимает она невесту с оленя и ведет ее к жениху в жилище. Ее постель уже приготовлена, и невеста с женихом садятся на нее. Друзья и родственники с его стороны, как и у невесты, душат жирного оленя и приносят жертву огню, а мясо съедают. Когда все съедено, то друзья и родственники расходятся, а молодые укладываются спать.

С вдовой описанная церемония не соблюдается и калым берется в половинном размере по сравнению с девицей. Когда калым составляет 80 руб., то приданое со стороны отца невесты вполтину меньше. У них

большое внимание обращается на девственность. Если невеста пришла к жениху не девушкой, то он на другой день требует от тестя часть своего калыма назад. Тесть делает это охотно, чтобы не иметь скандала. К свекру и старшему брату мужа невестка испытывает почтение, и свекру и брату мужа предоставляется право наказывать ее за ненадлежащее поведение. Развод может быть из-за несогласия между мужем и женой или если муж разлюбил жену и не хочет ее больше держать у себя. При разводе муж теряет уплаченный калым. Если же жена уходит от мужа из строптивости, то ее родители обязаны вернуть мужу калым, то есть если отец ее берет к себе обратно, если же ее берет чужой, то он должен уплатить калым, причем большего размера. Дети при разводе остаются с отцом, но если он их выгоняет, то их берет к себе мать. При многих женах муж отдает предпочтение или самой работающей, или самой красивой, и у такой он обычно чаще бывает. Ей же приносит все добытое на охоте. Она же может по своему усмотрению уделывать кое-что другим женам. Иногда он и сам им кое-что приносит, но это бывает редко. Общаться со своими женами он может когда хочет, без особого порядка.

О беременных женщинах следует сказать, что они никогда не поднимают ничего тяжелого, не кладут ногу на ногу, не вытягиваются, остерегаются падать и переступать через какую-нибудь веревку или колышек. Когда наступает время родов, то строят отдельное жилище, зимой же женщина остается в обычном жилище, но во время родов все удаляются из него и остается с ней только повивальная бабка — *Anipodep*. Женщины все рожают стоя на коленях перед огнем. Повивальная бабка стоит сзади роженицы и держит ее вокруг туловища, чтобы помочь родам. Когда ребенок родился, то повивальная бабка отрезает с головы роженицы несколько волос и скручивает из них жгутик, которым перевязывает пуповину ребенку. Если ребенок мальчик, то пуповину отрезают кривым ножом, но не ножом, которым режут продукты. Делают это потому, что верят — ребенок вырастет разговорчивым и резвым, так как кривым ножом обычно режут и скоблят всякое дерево, последний же (нож) дает звон. Нож, которым режут продукты, не употребляют потому, что им отрезают куски и съедают, а это значит, что и смерть может сократить жизнь ребенка. Девочкам пуповину отрезают ножницами, чтобы они сделались разговорчивыми. После того как пуповина у ребенка отрезана, мать и дитя обмывают, после чего моется также повивальная бабка, а затем они все окуриваются дымом от багульника. Это повторяется дважды в течение двух недель (через 7 дней). Ребенка заворачивают в заячий мех, и никаких пеленок не имеется. После первого очищения роженице дают новые одежды и постель, при этом еще убивают оленя и лучшие куски варят для нее, причем часть жертвуют огню, созывают родственников и устраивают угощение. Роженица свыше месяца находится одна в своем жилище, потом она опять обмывается, окуривается и только после этого возвращается к мужу.

Послед — *Girkimtin* и вся одежда роженицы, которую она носила

при родах, ее постель, все сосуды и домашняя утварь, которые тогда употреблялись, укладываются после восхода солнца на специально для этого сделанный лабаз и плотно закрываются. Муж не ест с женой из одной посуды, пока ребенок не обнаружит некоторые признаки рассудка — начнет смеяться, хватать что-нибудь и так далее, то есть примерно полгода после рождения.

Имя ребенку дается не сразу после рождения, а когда он начнет уже ползать. Тогда может всякий, кто первый придет в жилище, за исключением отца и матери, дать ему имя. Но ребенок обязательно должен носить имя какого-нибудь умершего родственника, причем человека, который был у них в почете. Также бывает, что мать несет ребенка к другому человеку и сообщает, что ребенок еще не имеет имени, и тогда хозяин дома, куда она приходит, обязан дать ребенку маленький подарок и имя. Но это имя, когда ребенок подрастет, как у мальчиков, так и у девочек меняется. Обращают внимание на его характер, развитость и дают имя по стране, реке, холму, горе, солнцу, луне, животному, птице, рыбе. Оно остается за ним неизменно. Когда кого-нибудь спросят, как его звать, он не отвечает, а за него отвечает другой, так как у них считается позором сообщить свое имя, которое может быть очень славным или постыдным. Также никогда не называется имя умершего, а говорят — отец такого-то, мать такой-то. Делают это по той причине, что, по их представлению, умер только человек, а не его имя, поэтому это имя может опять получить другой человек. Если же назовут имя умершего, то это воспринимается как поругание, отчего может быть ссора. Дети в первые годы жизни питаются не только молоком матери, но и другими продуктами, которые тунгусы сами едят. Иногда мать кормит ребенка до пяти лет.

Еще надо упомянуть о посещениях родителей и замужних и женатых детей друг друга. Дочери, хотя они выданы замуж, посещают своих родителей и родственников ежедневно. Через год же они приходят к родителям и родственникам со своими мужьями и с подарками — такой подарок называется *Aniwun*. Делают они это в знак почтительности, но, кроме того, и сами хотят получить взамен подарок. Этот обычай практикуется и когда их собственные дети достигают одного года. Вдовцы и вдовы не могут следовать этому обычаю, потому что они раньше, в первом своем браке, получили *Aniwun*.

О болезнях и их лечении. Против бесплодия употребляют женщины червя — *Tschinna* с листовницы. Червей бывает два вида — белые длинные с черными головами и черные с белыми головами. Женщины обмазывают таких червей жиром и проглатывают живыми. Кто проглатывает черного червя, получает белого ребенка, а кто белого червя — черного ребенка. Все болезни, по их представлениям, получают они от дьявола. Поэтому при всех заболеваниях призывают шамана, но если он им помочь не может, значит, болезнь от бога или от очень могучего дьявола, с которым ничего не поделаешь, и тогда болезнь неизлечима. Оспы они до прихода русских не знали, но 70 лет назад она среди них стала

сильно распространяться, отчего от тунгусов не осталось и третьей части. Своих больных они никогда не оставляют и держат их у себя в жилищах, пока они не умрут, и, как бы омерзительна ни казалась им болезнь, они от нее не убегают. Болезни, которые у них встречаются, это: кашель — Simki, боли в сердце — Mewan-Budo, чесотка — Akta, головные боли — Delnaga, опухоли — Uksi, которые бывают очень большие. О скорбуте и сифилисе они ничего не знают. При всех указанных болезнях помощь оказывает шаман. Призванный шаман перед камланием приносит жертву Sewuki и Agincki или главному дьяволу. После этого начинается камлание. К шаману приходят дьяволы и говорят ему, что он должен делать дальше. Я сам видел, как к одному больному чесоткой — она была по всему телу, и человек не мог двигаться и поворачиваться — был приведен шаман, который над ним камлал. Шаман ворчал, как медведь, сосал пупок больного, выплевывал гной и свернувшуюся кровь из своего рта. Затем он повесил больному вокруг шеи амулет из камня и оленьего волоса, зашитые в маленький мешочек. Благодаря этому камланию больной выздоровел через четыре дня. Носить амулет — это универсальное лекарство от болей в суставах. От этого же они употребляют березовую губку (трут). Тунгусы называют его Ulla. Эта Ulla зажигается и кладется на больное место, отчего кожа прожигается. Затем на обожженное место кладут кусочек сырого заячьего меха, и так исцеляются. Старым людям, которые им в тягость и не могут за ними следовать, предлагают умереть, если же они не соглашаются, то их душат. Некоторые оставляют таких немощных стариков одних в жилище без пищи, и они умирают. Этот обычай распространен не у всех родов, а только у некоторых. Я знаю только два рода Odjan и Aigan, которые это делают.

Когда кому-нибудь в болезни помочь нельзя и он должен умереть, то после его смерти начинается сильный плач и причитания. Если умирает муж, то жена тотчас отрезает себе косу и кладет ее мужу на гроб. Когда же умирает жена, которая честно себя вела с мужем, то муж тоже отрезает от своих волос часть и сует их ей под левую руку, и это делается из любви к ней, потому что он надеется после смерти увидеть ее в другой жизни. Когда человек умер, душат оленя и его кровью обмазывают покойника, после чего на него надевают лучшую одежду и кладут его на шкуру оленя. Затем приходит вдова и приносит его лук, стрелы, копьё, охотничий нож, котел, огниво и все, что муж при жизни имел при себе, — все это кладут рядом с мертвецом. После этого труп выносят головой вперед из жилища и помещают на лабаз на такой срок, пока не подготовят все для его погребения. Мясо задушенного оленя поедают при плаче и причитаниях. Когда умирает женщина, с ней вместе кладут ее личные вещи, не оставляя никакого ее лоскутка. Детям, которые умирают одного года и старше, тоже кладут все вещи, а которые моложе и не имеют никакого имущества, тем после смерти ничего не дается.

Когда выстроен особый помост — Gegancki на четырех столбах на

одну сажень от земли, то покойника днем несут и укладывают на нем, а с ним и все его вещи. При этом существует обычай: если покойник мужчина, то его несут мужчины, если это женщина — несут женщины, если ребенок, то несет отец. Когда труп положен, то снова душат оленя и его кровью обмазываются столбы и сам помост несколько раз. Под помостом разводят огонь, на него наливают жир и сало, от которых помост и мертвец копятся, что является жертвой умершему. Затем наливают жир в маленький сосуд и ставят мертвецу сбоку. Мясо оленя варят и жарят, а потом поедают тут же, у места погребения. После угощения закрывают покойника шкурами оленей, а помост сверху забивают досками. Когда это сделано, то каждый идет домой. Всех, какой бы смертью они ни умирали, без исключения кладут на помост и никого не погребают в земле. У них нет специальных мест погребения, а в лесах или где им понравится тунгусы устанавливают помосты, но только они отыскивают такие места, где помост будет надежно защищен от огня и зверей. Особенно от последних, так как тунгусы утверждают, что если покойника сожрут или разорвут дикие животные, то все сопровождающие покойника умрут такой же смертью.

Через год устраивают поминки — *Aktiiganw*. Берут кусок гнилого дерева, потому что оно мягкое и его можно резать, и делают из него болвана, который должен изображать умершего. Его одевают и ставят на постель, где спит вдова или вдовец. После этого приходят соседи из других жилищ и приносят с собой самые лучшие кушанья. Тут же душат оленя, отваривают мясо и его со всеми прочими кушаньями предлагают болвану. После этого приходит шаман с бубном и начинает камлать. Он берет кусок от каждого кушанья и подносит болвану ко рту, потом опять отнимает и сам это съедает, курит трубку и дует дым на болвана. После этого все начинают есть и поедают все, что припасено. Поев, шаман опять начинает камлать, а по окончании ему приносят кишку¹⁶, через которую пролезают все присутствующие. После этого шаман перерезает ее со словами, обращенными к болвану: *Asillahujia-
tept Oeckelmuntschanpa, powirackel, oeckelnowira Mutschanadi, hutai-
ningira*. По-русски это означает: «Довольно смотреть друг на друга, довольно, не возвращайся, не порти нашу охоту и не делай никакого вреда своим детям». Когда шаман это проговорит, то с болвана срывают одежду, один берет его, выносит из жилища и вешает на дерево или бросает от себя, как ничего не стоящую вещь. После этого покойнику больше не устраивают поминального угощения. Скажем, почему они вообще устраивают покойнику такое поминальное угощение. Дело в том, что, по их мнению, после смерти мужчины и женщины причисляются к дьяволам и находятся среди них. Пока же душа с помощью такого поминального угощения шаманом не выгоняется в преисподнюю, она (душа) представляет собой привидение и имеет свойство приносить им зло, страдания, болезни, мешает их охоте и так далее. Поэтому, когда тунгусы приносят умершим жертву или устраивают поминки, они стараются этим навечно изгнать от себя души умерших. Все усилия шама-

на направлены у них на то, чтобы устроить как можно лучше поминки. Если умирает неженатый человек, то ему не устраивают поминок, потому что он не попадает к дьяволам, а его душа якобы потом возвращается и вселяется в новорожденных, как это считают и ламуты. Когда в семье кто-то умер, жилище строят заново и на другом месте, чтобы дьяволы не сократили и их жизнь, как этого умершего. Если даже они, как некоторые говорят, и не имеют этого страха, то они все же бегут себя от причины смерти, от которой умер человек. Если кто вел тихую и набожную жизнь, то они говорят — пришел его час умирать. Куда же поступает душа такого человека, которую они, так же как и тень человека, называют Аегігоер или Апіан, об этом тунгусы ничего не знают. После смерти душа злого человека идет в темное место, и из нее получается дьявол. Шаманы тоже сообщают тунгусам об этом, говоря, что умершие находятся в темном месте и соединяются там опять со своими женами и детьми, и, как на земле, у них там животные, птицы, рыбы и охота такая же, как на земле. Их траур состоит в том, что они не заплетают волосы, а оставляют свободными, одежду и постель покойника выбрасывают.

Тунгусы, при всем их трудном образе жизни, доживают до 70—80, а некоторые и до 100 лет. В 50—60 лет они седеют. Они много ходят и легки на подъем и перестают ходить только тогда, когда их оставляют силы или у них туманится рассудок.

Об их религиозных воззрениях. Бога они себе представляют как старого человека, который живет на небе, но знает все, что происходит на земле, и даже малейшие проступки человека от него нельзя скрыть. У себя в чумах тунгусы держат в честь его болвана, сделанного из дерева и одетого в меха с украшениями из ремешков. Бог всемогущ и может богатого сделать бедным и наоборот. Это они заключают из того, что, когда они его призывают, он помогает им во всех делах. С его согласия человека мучают болезни и дьявол; чтобы избежать этих мучений, они боятся бога и дьявола и тому и другому при всяких обстоятельствах приносят жертвы. Если же кто идет на охоту и ничего не приносит, то он молит бога о помощи, а те, кто возвращается с соболиной охоты без добычи, втыкают свои луки и стрелы в землю против солнца и произносят следующие слова: Sewuki Tegumar — и при этом наклоняют голову, Edbi Wojabitscham — во второй раз поклон, Tagumanendi — в третий раз поклон, Toega bogiri mindu buckel. По-русски это значит: «Мой бог и владыка, из-за кого я становлюсь человеком. Ты меня оставил, все ты делишь, то дай мне тоже». Если они после такой мольбы поймут соболя, то хватают его обеими руками за уши, держат его мордой к солнцу и говорят: Sewuki Tegumar. По-русски это значит: «Мой бог и властелин дал мне», и делают при этом поклон. Так они делают и в последующие разы при удачной охоте. Больше у них нет никаких молитвенных формул. Грехи они выражают словом Naluga (собственно страх), это воровство, обман, убийство. Все эти ужасные поступки наказываются богом, а человек, который их совершает, не может долго

прожить. Из ругательных слов употребляют следующие: *Kandiu inal-kin* — проклятая собака, *Elleskin Uckatschan* — распугник, сука.

О шаманах, шаманстве, традиции последних и об их происхождении. Шаманы, говорят тунгусы, были с начала мира, а шаманство унаследовали от своих родителей. Те, которые рождены в рубашке, становятся шаманами, причем те, кто полностью находился в рубашке, становятся большими шаманами, те же, которые не полностью, — совсем маленькими шаманами или шаманками. Если отец или мать шаман, то после их смерти шаманом становится сын или дочь или кто-нибудь из их рода, кого выберут духи. Мучения, которые выпадают на долю такому становящемуся шаману, ни на волос не лучше, чем у коряков и якутов. Каждый род имеет своего шамана и своего князца — *Diang-in*. Эту должность может занимать тот, кто может быть самым высшим, лучше проявлять свое достоинство среди других и пользоваться высокими преимуществами. Шаманы бывают различные, некоторые имеют дар предсказывать будущее, другие — помогать больным. Есть еще такие, которые портят людей. Но какие бы функции они ни выполняли, все сводится к тому, что они общаются с дьяволами, хотя сначала и призывают бога — *Sewuki*. Жертвы приносят им обоим.

Одежда шамана — *Samaseck* — это длинный кафтан со многими к нему подвешенными ремешками, железками, звоночками, бубенчиками и бисером, сделанный по образцу шаманской одежды якутов. К такой одежде каждый добавляет свое. Эта одежда всегда изготавливается женщинами и девушками. К одежде шамана принадлежит еще нагрудник — *Noeieken*, так же длинный и с ремешками. Шлем шамана — *Igoen* сделан из железа, с рогами, а под ним носят они получепчик — *Tschorat*, с которого свисают полоски из белых хвостов. Бубен — *Ungu* овально-круглый, как у ламутов, окрашен краской. К нему имеется чехол — *Ungtuwun*. Волшебный жезл — *Giosun*, или *Kolo*, такой же, как у якутов, коряков и ламутов.

Когда шаман одет в свою одежду, с жезлом и бубном, он садится против огня и несколько раз начинает что-то бормотать. Затем он очень слабо ударяет в бубен, через некоторое время начинает тихо петь, причем, когда поет, тихо ударяет в бубен, а когда наступает пауза в пении — в бубен бьет сильнее. Он поет: *Sewuki minniuw, Ungniw, Oewgicki, ninalde, ohil, auhtilre*; по-русски: «Бог, мой хозяин, приблизься ко мне, мой дьявол с твоим беседует, позови других дьяволов» — пауза; *Diangu, diuckamo, iweng-ung, ahiw Koltarkitschang, aumu, oewgiki, tutmalda hunticki, hongangdildum*; по-русски: «Вы, десять хижин, моя серебряная жена, моя мать, придите ко мне — я вам хочу жаловаться» — пауза; *Oedgi, ehdidacko, niamatschang, den-ing-o-o, Diangritschang, bujing-o, illangritschang, Utschickang-o, Oewgicki, niung, alore, ung, nihi, oehteran*; по-русски: «Я зову вас, вы, мои птицы, летите ко мне, мои десять животных гоните сюда, и мои три медведя приведите сюда, потому что хозяин велит их привести» — пауза; *Buga Ischan, Ammu, Oewgicki, oemli, oeddutauli, ullanggas, bodackun*: по-русски: «Мой лесной

отец, приди сюда и садись, мы принесем тебе жертву» — пауза; Majelbi, ung-ali, attudatel, mindu; по-русски: «И вели твоим дьяволам мне тоже служить». При этом шаман качает головой и кричит — Ogurli min-pu — «поднимите меня». Когда другие его поднимут, то говорит он дальше: Oeddi oewidacko Suda owilre; по-русски: «Я и вы хотим играть перед дьяволами»; Gognigite Urckar Eingtur egrickiuw Oeddu Omung-as urkudur taung-as; по-русски: «Слушайте все, дети, позовите сюда мать лягушки и посадите ее возле двери». После этого шаман начинает говорить с духами совсем другим языком и отсылает их, а когда они удалятся, то начинает он со всеми, кто находится в жилище, петь песнь Lasey, Lasey, на что другие отвечают ему Lasey на каждое слово три раза при последующем пении Dialriida Terra. Текст песни: Deidon Kadaratschan Oida-don ogirilil da Dolbutschandun. Iennemu, ihilra niangindur Ioltangdur. Amandur. Kujades tomtondur. Utudun Kujades. Ajit Kujali e min, diawodo ogirilil min, nu; по-русски: «Пойте вместе, поднимитесь ввысь, выше, чем все горы, смотрите днем и ночью, смотрите в воду и озера, на небо, на солнце, на многие звезды, смотрите точно, точно за мной, вы, мои олены, приходите и смотрите тоже». Когда шаман это с другими пропоет, то дьяволы якобы вновь в него возвращаются и он впадает в бешенство и падает в обморок. Другие тотчас приводят его в себя, после чего он говорит им, кто просил его камлать, что ему сообщили дьяволы.

О лечения больных с помощью шамана было сказано выше.

На этом я заканчиваю описание этого народа и прошу читателей принять во внимание, что у меня нередко не хватало времени, места и необходимых условий, простить недочеты и их исправить.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1955 г. Б. О. Долгих писал, что датой основания Удского острога можно считать 1679 г.— См.: Краткие сообщения Института этнографии, 1955, вып. 24, с. 34. Несколько позже В. А. Туголуков на основе архивных материалов установил, что в 1679 г. казаки только «проникли на нову Удь реку», а острожек был поставлен двумя годами позже.— См.: Туголуков В. А. Эвенки охотского побережья. Автореферат.— М., 1958, с. 7. В другом месте Туголуков прямо утверждает, что Удский острог был построен в 1682 г.— См.: Советская этнография, 1956, № 3, с. 142.

² Река Маймакан Якутской области; левый приток р. Ман.— См.: Атлас СССР, 1969.

³ Река Тугур Приморской области образуется от слияния двух быстрых горных потоков: Ассьен, вытекающего из Буреинского хребта, и Конут, берущего начало из Охотских прибрежных гор. Оба потока текут на юг и соединяются при урочище Бурукан.— См.: Семенов П. П. Географо-статистический словарь Российской империи.— СПб, 1885, т. 5, с. 235.

⁴ Здесь у Линденау наблюдается путаница событий, так как острог на р. Тугур был построен значительно позже похода Василия Пояркова. Г. Ф. Миллер сообщает, что в «1653 г. казаком Иваном Нагибой поставлено ясажное зимовье при устье р. Тугура».— См.: Миллер Г. Ф. История о странах, при р. Амуре лежащих.— Ежемесячные сочинения... 1757, июль, с. 5. Об этом же сообщает И. Э. Фишер в «Сибирской истории» (1774, с. 380).

⁵ Утверждение Линденау, что Удский острог был построен Василием Поярковым, источниками не подтверждается. Действительно в 1643 г. письменный голова Василий Поярков с командою в 130 человек, большей частью состоящей из промышленников, был послан по Алдану на Амур. Достигнув устья Алдана, Поярков плыл вверх по реке и в четыре недели дошел до устья р. Учур, плыл по ней десять дней, достиг другой реки — Гономы, на которой зимовал. Потом через волок перешел на р. Брянду, впадающую в Зею. Потом следовал вниз по Зее. В три недели пришел Поярков к устью р. Шингала, или Шунгала. В этом месте, по его утверждению, р. Шинка впадала в Шунгал, а этот в Амур. Зимовал Поярков в устье Амура среди гиляков. Отсюда прошел морем к устью р. Ульи, где уже в 1639 г. томскими казаками во главе с атаманом Дмитрием Копыловым, посланным из Томска на Алдан, было поставлено зимовье. Здесь Поярков провел третью зиму, оставил часть своей команды, а сам с другой частью возвратился в Якутск в 1646 г.— См.: Миллер Г. Ф. Указ. работа.— Там же, с. 7, 11; Фишер И. Э. Указ. работа, с. 572—574.

⁶ Приказ относился к обследованию Шантарских островов, так как правительство имело намерение завести торговлю с Японией.

Шантарские острова расположены при входе в Тугурский залив Охотского моря и были открыты в середине XVII в. Василием Поярковым, но правительство тогда не обратило на это внимания. В начале XVIII в., в 1712 г., из Удского острога был снаряжен отряд казаков для осмотра этих островов; казаки там зимовали, занимались пушным промыслом. После этого первого знакомства с островами туда неоднократно ходили партии охотников.

В 1718 г. на Шантарские острова был послан сын боярский Прокопий Филькеев с присланными к нему матросами. Филькеев, услышав на море от матросов, что они вопреки указу хотели зимовать на большом Шантаре и плыть до Курильской гряды, отказался от этого предложения и с двумя казаками сошел на берег у Тугура, а матросы исполнили свое намерение — поехали на о. Шантар, прожили там зиму, наловили соболей, но по неосторожности устроили пожар, истребивший на острове лес и зверей, подплыли к берегу между Тугуром и Амуром, и многие из них были убиты гиляками.— См.: Миллер Г. Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с Российской стороны учиненных.— Сочинения и переводы..., 1758, апрель, с. 330—331; Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири.— СПб., 1886, с. 242—243.

⁷ Мамга — бухта и гавань в Охотском море, на западной стороне Тугурского залива.— См.: Семенов И. И. Указ. работа, т. 3, с. 163.

⁸ В печатных источниках никаких сведений об этом нет.

⁹ Вероятно, оз. Эворон в бассейне нижнего Амура в Хабаровском крае.— См. Атлас СССР, 1969.

¹⁰ Саламат — мучная каша из пожиже размазни, ее варят из всякой муки, едят с солью и маслом.— См.: Даль В. И. Толковый словарь...— М., 1955, т. 4, с. 130.

¹¹ Вероятно, что китайскими тунгусами Линденау называет теперешних негидальцев. Это подтверждается его же сведениями, что удские тунгусы называли китайских тунгусов Nagidal, или «на низу», то есть живущие в стороне. По современным источникам известно, что амгунские негидальцы назывались низовскими.— См.: Народы Сибири.— М.—Л., 1956, с. 776.

¹² Река Тором впадает в Удскую губу.— См. Атлас СССР, 1969.

¹³ Качемаз — провесная или вяленая рыба осенней заготовки, не столь сухая, как кокола.— См.: Даль В. И. Указ. работа, т. 2, с. 99.

¹⁴ Тунгусские лыжи — суксилли с подклеенным камусом, применяются для глубокого снега. Они представляют собой тонкие, длинной в человеческий рост и шириной в две пяди еловые доски, выгнутые в верхней части, с острыми, загнутыми вверх концами. Место для ступней подклеено берестой и снабжено ремнем для ноги.— См.: Народы Сибири.— М.—Л., 1956, с. 709.

¹⁵ Кулема — ловушка на мелких зверьков. В Сибири это дворик из кольев, с воротцами, в которых насторожен журавец, очеп ставится slopeц, плошка, кляпцы.—См.: Даль В. И. Указ. работа, т. 2, с. 216.

¹⁶ Вероятно, имеется в виду кишка — лазейка, так называемый солипкан.—См.: Василевич Г. М. Эвенки.—Л., 1969, с. 247.

СЛОВА ТУНГУССКОГО ЯЗЫКА, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ТЕКСТЕ РУКОПИСИ Я. ЛИНДЕНАУ О ТУНГУСАХ УДСКОГО ОСТРОГА И В ПРИЛОЖЕННОМ К НЕЙ СЛОВАРЕ

Тунгусские слова записаны Линденау довольно точно, если сравнивать их с эвенкийско-русским словарем Г. М. Василевич. Правда, Линденау приводит много диалектизмов.

Звук «э» Линденау передает буквами «а», «о» и сочетанием букв «ое», «ае», «иц», «и».

Abdenra — лист
Abdu — скот
Adal — сеть
Aedi — мужчина
Aengenierun — пояс
Aenigamun — мачеха
Aerieroer — тень человека
Aetirkan — старик
Ahickta — ель
Ahillamatscha — свадьба
Ajan — залив
Ajauw — лоб
Akdi — гром
Akin — печень
Akta — чесотка
Akterehin — темный
Aktilirauw — поминки
Aktunin — нора
Albi — кровный родственник
Albin — далекий
Alda — сеть
Algan — ступня
Amaganmun — огчим
Amarkan — олененок в четыре года
Amga — рот
Ami — отец
Amin — губы
Amut — озеро
Anam — дикий олененок в шестой год
Anatschan — щеки
Angani — год
Angauw — кисть
Anian — душа
Aninoden — повивальная бабка
Aniwun — подарок
Anmatin — послед оленя
Anmunda — равнина
Antschan — щека
Araki — водка

Arrakukan — медленный
Asakki — крыло
Aseckam — дядя
Asilacktari — жених
Asiw — женщина
Atirkan — старуха
Atki — бабка
Atkiw — сторона
Auwla — Большая Медведица
Awa — работа
Awlan — поле
Awon — шалка
Ayea — лоб

Bagdarin — белый
Baijan — богатство
Baikun — игра в мяч
Bali — слепой
Bantilla — лен
Baran — ленивый
Bega — луна, месяц
Bi Djaltaп — я думаю
Bi Tumnam — я понял
Birra — река
Birtackan — ручей
Bobra — бобер
Boegga — лекарство
Boja — человек
Bojkdelagun — однодневный переход
Bojun — животное
Bokan — бедро
Bokta — град
Bolacha — блоха
Bolani — осень
Bo'gikta — кедр
Bonar — сестра жены
Bonarun — брат жены
Bongnokop — дикий баран
Bonngckenboga — ад

Budden — затмение
 Bueri — лук из рога
 Buerkan — настороженный лук
 Builasselti — враг
 Bullehelti — вражда
 Buni — смерть
 Bur — остров
 Burduk — муха
 Butscha — мертвец

Dagaskun — близкий
 Dalihin — сладкий
 Damga — табак
 Dawna — зять
 Delapan — нагрудник
 Delatscha — солнце
 Delawun — оценка
 Delew — голова
 Delkan — лабаз
 Delnaga — головная боль
 Derauw — лицо
 Derema — плечо
 Dewuksi — руда
 Diagetin — десятый
 Dian — десять
 Diangin — князец
 Diangnema — 1000
 Diarkitin — восьмой
 Diarkun — восемь
 Dielaki — горностай
 Digin — четыре
 Digin Diar — 40
 Digitin — четвертый
 Dilkan — муха
 Dioew — лодка из бересты
 Diogori — бедность
 Diolo — камень
 Diuarihin — кислый
 Diugani — лето
 Diugi — птица
 Diur — два
 Diurdiar — 20
 Djurdiardiur — 22
 Diurdiarumun — 21
 Diurdjuluk — 12
 Djackda — сосна
 Djahipla — похороны
 Djalikta — боярышник
 Djeg — второй
 Dju — юрта
 Djudonin — семья
 Djuk — выдра
 Doektela — перо
 Doett — торфяник
 Dolbani — ночь
 Dolgakue — нарты
 Dollanin — третья четверть луны

Druckman — дружба
 Dsielli — таймень (сиб. лосось)
 Dsioew — подбородок
 Dudi — нижняя одежда
 Dulgikta — ольха
 Dunda — земля
 Dusin — рукав реки
 Dutscha — смиренный

Eksan — иней
 Elaki — рябчик
 Elan — три
 Elan diar — 30
 Elben — замша
 Engen — колено
 Erki — штаны
 Erraki — лягушка
 Ewkan — олененок в один год

Gag — лебедь
 Ganckatschan — дикий олененок в четвертый год
 Gangdi — огниво
 Gangmakta — комар
 Garra — ветвь
 Gasha — аист
 Geden — горная цепь
 Gekin — ястреб
 Generice-Dawna — зять
 Geramcki — помост для погребения
 Gerkun — иду
 Gew — друг
 Gewan — утренняя заря
 Gid — глубина
 Gida — копьё
 Gildikan — кольцо
 Giluka — самец оленя
 Giosun — волшебный жезл
 Girawun — период охоты
 Girkiumpin — послед
 Girkiw — спутник
 Giuska — волк
 Gobdir — охота
 Gogda — высокий
 Goium — молодой
 Golarum — хочу
 Goluwun — очаг
 Gorod — город
 Gottihin — горький
 Guddi — желудок
 Gula — дом или комната
 Gurgakta — борода
 Gushika — орел

Hanoe — олененок в два года
 Heckta — древесная губка
 Hinki — куропатка

Hokolra — жара
 Hokto — дорога
 Hongol — мускусный мешок
 Huniadiu — дичь
 Huteranmun — пасынок, падчерица
 Hutttau — сын

Igoen — шлем шамана
 Ijijitin — девятый
 Ika — котел
 Ikan — горная цепь
 Ikeri — кость
 Ikta — зуб
 Ilick — мужской член
 Iiitin — третий
 Iikun — завязь ягод
 Ilaga — лето (месяц зелени)
 Ilau — тело
 Imakin — свежий
 Imanra — снег
 Imukta — красная смородина
 Inan — брат мужа
 Inangi — день
 Inehim — потребу
 Inen — живой
 Ingakta — ягоды крушины
 Inggamskur — крушина
 Ingi — язык
 Inginhin — холодный
 Ingma — игла
 Iniakta — волосы, шерсть у зверей
 Ining — холод
 Irakta — лиственница
 Irgeuw — мозг
 Irin — период созревания ягод
 Irkackin — новолуние
 Irkin — осень
 Irup — дикий олень
 Ishilla — ящерица
 Itsan — локоть
 Iultan — восход солнца

Jagin — девять
 Jak — сушеная рыба
 Jambu — слабый
 Jantacki — росомаха
 Juckta — маленький ручей

Kadar — скала
 Kalema — слуга, рабыня
 Kalim — кит
 Kalta — жилище на одном месте
 Kaltakan — полулуние
 Kamja — скамья
 Kandaka — лопатка
 Karauw — журавль
 Katscheckan — щенок

Kedak — анст
 Keraum — месть за убийство
 Kienger — корзина для рыбы
 Kiltarra — хлеб
 Kingis — звон
 Kingta — лыжи-голицы
 Kiptschi — ножницы
 Kircalima — шилообразный наконечник
 Kirikta — дятел
 Kirumcki — брови
 Koecku — кукушка
 Koewa — подбородок
 Kokolro — рукавицы
 Kolo — жезл шамана
 Konduka — женская верхняя одежда
 Kongnorin — черный
 Kotto — нож
 Kuiki — глухой
 Kukim — невестка
 Kullin — червь
 Kumaka — олень
 Kungaka — ребенок
 Kurat — север, полночь
 Kurati — верхняя шапка
 Kuti — медведь

Lam — море
 Lauckta — мох на горах
 Liang — западня
 Loemoet — кожа на рогах оленей
 Loewa — болото, трясина
 Lokkon — сабля
 Lucku — тупые наконечники

Maltar — белуха
 Manacka — оспа
 Mang-an — сваты
 Mangniotschitschap — Млечный Путь
 Maruckan — место спаривания тюленей
 Mektschap — сайга
 Mewan — сердце, холм
 Mewan-Budo — боли в сердце
 Miki — змея
 Miktschap — мускусный зверь
 Mir — плечо
 Mnikta — вена
 Mo — дерево
 Moltar — белуха
 Mongo — челн
 Mongon — горло
 Mongu — серебро
 Monpa — зубилообразный наконечник для стрел
 Mosek — налучник
 Mottu — дикий олененок в пятый год
 Mu — вода

Mukdickan — ствол
 Muntscha — гнилой
 Murin — лошадь
 Muritkan — жеребенок
 Muttun — олененок в пять лет

Nadan — семь
 Naditin — седьмой
 Nalura — страх
 Nanna — кожа
 Nawun — вдовец, вдова
 Nelkini — весна
 Nelluk — огорожка
 Nemoel — мох на болотах
 Nergutschap — дикий олененок в первый год

Neri — хариус
 Niaenka — земляной орех
 Niagdi — лук из дерева
 Niala — рука
 Niama — 100
 Niamahin — теплый
 Niami — самка оленя
 Niangna — небо
 Nickinma — шея
 Niecktaekun — низкий
 Niengkula — нижняя шапка
 Nigktow — корень
 Nihukhi — дубленая кожа
 Niki — утка
 Nimackit — сосед
 Ning — собака
 Niok — узда
 Niorka — олененок в три года
 Niour — первый
 Nitckuckan — маленький
 Niunga — господин
 Niungitin — шестой
 Niungun — шесть
 Niurikta — волосы
 Niurre — стрела
 Noeleken — нагрудник
 Nogjimgu — ремешки
 Nokli — липа
 Nokom — племянница
 Nong-an — длинный
 Nongan Girkuran — он идет
 Nongan-Golagen — он хочет
 Nongan Inihin — он смеется
 Nongan Mergir — он думает
 Nongan Saran — он понимает
 Nongan Songgoron — он плачет
 Nongan Uklarap — он лежит
 Nooka — кобель
 Norihin — светлый
 Nuingnaki — гусь
 Nulge — однодневный переход

Nungwa — прямой

Oeddin — ветер
 Oemcka — люлька
 Oemoegoen — седло
 Oengnikan — олененок
 Oenni — мать
 Oennoecki — ножны
 Oennuck — болезнь
 Oesal — глаза
 Oetki — тесть
 Oetta — жир, тюлень
 Og — яма
 Ogenga — дьявол
 Ogiktan — пушинка
 Ogolasna — запад, заход солнца
 Ohok — печь
 Okdar — лес
 Okding-a — большой
 Okontsch — окно
 Oktenkiga — весна
 Oldo — рыба
 Oigokip — пьяный
 Olli — ворон
 Olokul — вареное мясо
 Om — колчан
 Omtki — зима
 Ongjan — морской залив
 Ongneckap — теленок
 Onieg — песок
 Onokto — нос
 Oroki — глухарь
 Orokto — растение
 Oron — ручной олень
 Osal — камус
 Osauw — глаза
 Osekta — ноготь
 Osikta — звезда
 Otckiuw — дед
 Otromdo — вареная рыба
 Owta — легкое
 Owtila — ребро
 Owucka — тетя

Pappa — женский член
 Patscha — вилкообразный
 для стрел
 Pokteraaw — тростник

наконечник

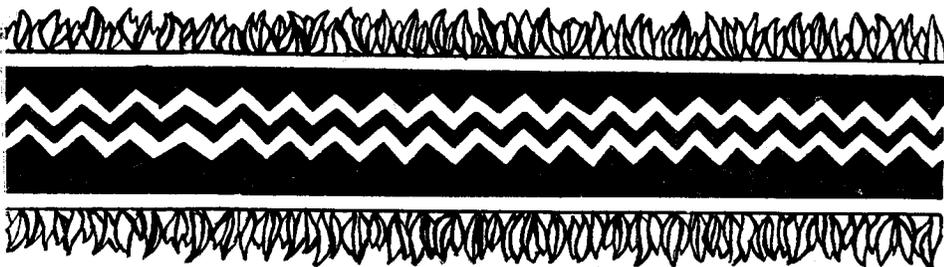
Sackdi — старый
 Sacksa — кровь
 Samaseck — одежда шамана
 Sangar — пещера
 Schipschickun — кузничек
 Schonckan — период отела
 Seckta — ива
 Seckaun — кровать

Secti — прилежание
 Segub — соболь
 Selli — панцирь
 Seradack — семизвездие
 Seruna — радуга
 Seruuk — приданое
 Seuruk — кожаная сума
 Sewuki — бог, идол
 Sewukidjon — церковь
 Sewukilkan — новокрещеный
 Siksani — вечер, сумерки
 Sillaksa — роса
 Silluckta — кишки
 Simki — кашель
 Sinam — сильный
 Sinin — желчь
 Sirikta — тополь
 Siru — жеребец
 Siudiackan — дикий олененок в третий год
 Sjeng — ухо
 Soella — железо
 Sokdono — спина
 Sol — соль
 Solikta — толченая рыба
 Solloki — лисица
 Solomohin — соленый
 Songgoron — плачет
 Songom — смеюсь
 Stol — стол
 Subgu — рыба кожа
 Sukka — топор
 Suksani — вечер
 Suksil — лыжи с подклеенным мехом
 Sumu — жила

 Talinuran — молния
 Tamnaksa — туман, воздух
 Tangan — число
 Tauksaki — заяц
 Taukse — облако
 Taukta — ягода
 Tergaksi — одежда
 Tewanil — племянник
 Tickda — дождь
 Tiddiaki — икра (ноги)
 Tigga — посуда
 Tiglan — май
 Tikin — сегодня
 Timatna — утро
 Timatno — завтра
 Ting-an — грудь
 Tinowo — вечер
 Tiran — полнолуние
 Tirgani — юг, полдень
 Tisha — рыба икра
 Toeggauw — пол

Toet — женская верхняя одежда
 Toetti — верхняя одежда
 Togat — народ
 Togo — огонь
 Toki — лось, дикий олень
 Toktschicka — кривой
 Tolgoki — нарты
 Tonga — пять
 Tongan Diar — 50
 Tongnitin — пятый
 Torri — калым
 Tschalba — липа
 Tschamack — кошка
 Tschauo — послезавтра
 Tschawodu — позавчера
 Tschikamat — земляника
 Tschinirkan — мышь
 Tschinna — червь
 Tschirikta — медь
 Tschiro — дикий олененок во второй год
 Tschitschi — мужской член
 Tschorat — получепчик, узкие ремешки
 Tschungugum — пунок
 Tschurin — синий
 Tschutschikta — латунь
 Tudja — олово, свинец
 Tugano — двоюродный брат, сестра со стороны отца
 Tugumu — зима
 Tukkala — тина, ил
 Tukkol — глина
 Tukkur — лилия
 Tumnen — понимаю
 Turaki — ворона
 Turan — прилет ворон
 Turann — ромбовидный, наконечник для стрел
 Turgajat — быстрый
 Tuwetsch — бекас

 Ucktschackan — сука
 Uckun — бык, корова
 Udik — пузырь
 Uek — рога
 Ugdarpu — месяц запястья
 Ugi — сестра мужа
 Ugun — «забереги»
 Uhakta — молоко
 Ukdakha — кора дерева
 Uki — ограждение для рыб
 Uklam — лежу
 Uksi — опухоль
 Ukun — груди
 Ukunju — молоко
 Ul — яшень
 Ulapckun — мокрый
 Ularin — красный

Ulikta — сушеное мясо
 Ulla — мясо, труп
 Ulluki — белка
 Ultan — восток
 Uman — мозг
 Umugun — трубка
 Umuksu — лед
 Umukta — яйцо
 Umun — один
 Umundjuluk — 11
 Unat — невеста
 Unatsch — девица
 Unga — буря
 Ungtuwun — чехол на бубен
 Uniumskun — легкий

Unti — сапоги
 Untu — бубен
 Ur — живот
 Urgahin — тяжелый
 Uracka — гора
 Urkan — юноша
 Urkaptun — дверь
 Urki — тетерев
 Urugun — палец
 Uramskun — короткий
 Utauw — зять
 Utkan — охотничий нож
 Utuuten — внук
 Welika — ласточка

Описание коряков, их нравов и обычаев
по личным наблюдениям автора
и по сведениям, полученным от других. 1743*

Слово «коряки», которым именуют этот народ, происходит, по-видимому, от слова Kogoenge¹, что означает «домашний олень», или же связано с названием горного хребта — Kogimki, который образует границу распространения коряков с севера, а в южном направлении хребет этот тянется вдоль реки Олы и затем соединяется с горным хребтом Nuktschan-Unip. Русские, первыми посетившие этих инородцев, дали им название коряки, потому что основные урочища коряков были расположены к востоку за горным хребтом Kogimki.

Хотя слово Kogim в Сибири означает одновременно одутловатый или такой, который рожден от язычницы и получил крещение, слово это имеет еще и другое значение, а именно: вздутый (раздутый). Орочны, или оленные тунгусы, и ламуты называют коряков Ojocköl, что по-русски значит быстрые, потому что они быстро бегают. Название это им было дано будто бы оттого, что они во время войны с орочонами и ламутами не могут оказывать никакого сопротивления и обращаются в бегство.

Коряки же, напротив, не желают признавать этих названий и называют сами себя по названиям рек и местностей, где проживают, как-то: таковые с Асиглана, Уякона, Ямы, Туманы и так далее, или же из собственного им высокомерия называют сами себя Mui Koe kolo, что значит: «Мы сами по себе»². Так как было невозможно более точно выяснить настоящее их название, кроме уже приведенного выше, то я пу-

* Lindenau J. Beschreibung der Koräcken, ihre Sitten und Gebräuchen, welche unter ihnen selbst gesehen und durch Nachrichten erfahren. 1743.—ЦГАДА, ф. 199, № 511, ч. 2, л. 1—37.

тем расспросов узнал, какие названия они дают соседним народам. Так, русских они называют Milegetang, то есть люди, ходящие с огнем или испускающие огонь³, потому что огонь на их языке Milega, или Milgan, следовательно, название это основано на отличительной особенности русских иметь при себе ружья, так как атаманы Федот, Морозко, Стадунин и Андрей Кутын, без сомнения, прибыли к ним с ружьями. Чукчей они называют Mainetang, или воинственные⁴, так как, по слухам, они нападают на оленных коряков и дерзко громят и грабят их, почему из Анадырского острога отряжена партия служивых, чтобы не допускать вторжения чукчей к корякам; эти служивые проживают большей частью на рр. Эгеска, Таловка и в Парапольском доле. Затем оленных тунгусов, или ороchonов, коряки называют Kojajoemte, то есть оленье люди, или такие, которые ходят с оленями; ламутов, или пеших тунгусов, называют Batschan, то есть бегуны, как бы в отместку за то, что ламуты считают бегунами их самих; камчадалов называют Kontschalal⁵, то есть люди, которые живут на конце, а саму Камчатку называют Kontschanut: якутов они называют Jokalan, то есть далекие люди, а оленных коряков — Tschautschewa, то есть проворные, ловкие или резвые люди⁶; юкагиров называют Aetoel — пегая орда, потому что они имеют пятнистых оленей и одежды шьют из шкур этих оленей. Кажется, что как будто это те инородцы, каких считают живущими на р. Чулым, на самом же деле они живут на Колыме и в местностях, прилегающих к Анадырю⁷.

Указав вкратце, как коряки именуют себя и соседние народы, я хочу теперь назвать места их расселения. Урочища их находятся на рр.: Асиглан, впадающей в губу Янгвийочун, где живут средние коряки; Яма, Тахтаян, Тумана, Вилига, Таватома, Наяхона, Тойносова, Ишига (Гижига), на мысе Тайгонос живут собственно те, которые до сих пор не платят полного ясака. Пешие и оленные коряки живут по рр.: Парен, Егача, Аклан, Пенжина, Таловка, Голая, Мамеча, Неқан, Пустая и Подкагирная, то есть на западном берегу Камчатки, а на восточном побережье Камчатки вдоль залива Карагина, по рр. Панкара, Карага, Тумлата, Илпинская, Говенка, Олутора, Апука (Опука)⁸.

Оленные и пешие коряки должны рассматриваться как одна народность, которая имеет сходство с оленными тунгусами и ламутами, ибо нынешние пешие коряки тоже имели в прежние времена оленей, как и прочие, а затем были оттеснены сюда в результате войн, которые раньше вел каждый род⁹. Их первый вождь Gitoepitschan¹⁰, родоначальник мятежника Ietitka, после бегства поселился на р. Яма, и под его властью оказались те, которые жили от Асиглана до Гижиги. Свое название они также получили от рек и местностей, где селились и разделялись на обособленные роды. Они жили некоторое время свободно и вели войну с оленными тунгусами и ламутами, а когда оленных коряков почти всех обложили ясаком, то многие из тех коряков убежали и присоединились к здешним, и таким образом число их, не считая женщин и детей, оказалось свыше 3000 душ. По рассказам ламутов, коряки на

следующий год после сожжения Ямского зимовья отплыли с маленькой флотилией в 80 байдар к острову Беринга¹¹(?), а оттуда в губу Омохтон, чтобы совершить нападение на ламутов. Однако они встретили энергичный отпор со стороны ламутского Njung Djemdiekan'a у Тонгорского мыса, так что бегством спаслось только 6 байдар. Неизвестно, как велик был этот отряд, однако достоверно, что у коряков на одной байдаре бывает 9 человек гребцов, так что, бесспорно, число гребцов на каждой байдаре в этом случае следует удвоить. Вследствие такого поражения воинственный дух коряков был подавлен, а спустя некоторое время и оленные тунгусы также перестали на них нападать, так что коряки отныне беспрепятственно ходят в землю оленных тунгусов и там охотятся¹².

Подобно тому, как вообще сталкиваешься с неосведомленностью многих сибирских народов относительно их происхождения, а в записках и книгах невозможно найти правды, так и коряки, будучи народом не просвещенным, в этом отношении не лучше других. На вопрос об их происхождении нельзя получить сколько-нибудь ясного ответа — все это выдумки, похожие на сказку. Так, коряки, которых я видел, утверждают, что они происходят от Kutkinachu, или Aziz, так же, как и камчадалы или ительмены, произошли будто бы от Kutchа. Об этом Kutkinachu они рассказывают, что он и его жена Miti родились в очень жаркой стране и что там все люди ходят голыми. Далее рассказывают, что там якобы растет такая высокая трава, что на один стебель можно повесить нарту и трава не качнется. Из этой страны Kutkinachu приехал со своей женой Miti на Uluter. Там якобы все было пустынно и не было никаких людей; там Miti родила сына — Amoemkut'a и дочь — Giniöeng-a'y, а после нее опять сына — Kadiganöech'a и так дальше, сыновей и дочерей, которые все были бессмертны. Братья брали своих сестер в жены и только Amoemkut не женился, а жил с женами своих братьев. Когда братья об этом узнали, это их сильно рассердило, и они решили промеж собой убить своего брата, а должно было произойти это, когда отца и матери не будет дома. И вот однажды, когда отец и мать уехали, схватили братья Amoemkut'a и привязали его к киту; а как раз после этого началась сильная буря, и Amoemkut с китом был выброшен на берег. Отец, который должен был проезжать мимо этого места, нашел своего сына привязанным к киту. Он очень удивился, подошел к нему, освободил его и спросил, как это случилось, на что Amoemkut рассказал отцу все, как было. Вследствие этого отец очень рассердился, пошел к остальным (сыновьям) и допросил их. Когда он увидел, что виноваты обе стороны, то он огорчился этой ссорой и не нашел никакого другого средства с ней покончить, как тотчас приказал развести большой огонь, а когда это было исполнено, то он преподал сыновьям несколько правил, которыми они должны были руководствоваться в жизни, взял жену Miti за руку, сел с ней в огонь и улетел прочь. После этого потомки их стали смертны. Правила, которые Kutkinachu завещал сыновьям, я сообщу позже.

Далее я могу сказать, что, по моим предположениям, коряки образовались от смешения чукчей, шелагов, моноков и камчадалов¹³ в результате междоусобных войн, в которых слабейшие должны были отступить перед сильнейшими и уходили в какое-нибудь другое место ради своей безопасности. Если верить сообщениям, то даже часть шелагов не так давно можно было встретить на Енисее. Также и обычаи коряков очень сходны с обычаями вышеназванных народов. Так, чукчи точно так же сжигают своих покойников¹⁴, едят мухомор и пьют испускаемую после его употребления мочу, ради невесты они работают и живут с нею до свадьбы. При этом и их жилища того же образца. Может быть, следовало бы поставить вопрос, откуда же произошли чукчи? Правда, моя речь не о них. Однако я нисколько не сомневаюсь, когда говорю, что произошли они от американских народов¹⁵, так как пролив Фриза¹⁶, который отделяет северную часть Америки от так называемой Чукотской земли, совсем не широк. Но, может быть, люди отсюда первыми перешли сначала в Америку? Это предположение тоже может иметь свое основание, однако в настоящее время я разбираю вопрос не о чукчах, а о коряках.

Коряки имели до прихода русских, а также еще и в настоящее время имеют для каждого рода своего *Gitoepitschan*'а и называют его князем. Если такой *Gitoepitschan* умирает, то его место занимает сын, если же род его вымрет, то они выбирают другого из своего рода, который пользуется теми же преимуществами, как и прежние. Эти *Gitoepitschan*'ы в старину были начальниками на войне, и никто, кроме них, ничего не смел предпринимать, а над ними самими не было никакого главы или старшего. Только те роды, которые могли выставить больше воинов, всегда пользовались преимуществом перед другими, так как если созывался совет или сильнейший из *Gitoepitschan*'ов задумывал совершить нападение, то более слабые должны были действовать заодно с ним, если не хотели сами подвергнуться нападению с его стороны. Коряки занимались большей частью грабежом и вели войну с оленными тунгусами, ламутами и чукчами. Если они захватывали какую-нибудь добычу, то *Gitoepitschan* брал лучшую часть себе, а остальное делилось между простыми воинами. При таком дележе часто дело доходило до кровопролития. Также если кто-нибудь шел на охоту, то он должен был из своей добычи уделять *Gitoepitschan*'у известную часть, которую называют *Inidda*, или дань¹⁷.

Так как путешественнику прежде всего бросается в глаза рост и телосложение представителей народа, то мне следовало бы с самого начала сказать об этом. Но ввиду того, что народ состоит не из двух или трех человек, я отложил это описание до того времени, когда увижу их в большем количестве. Во время моего пребывания среди коряков я установил, что большинство мужчин, так же как и остяки, малорослы и приземисты, имеют круглое и полное лицо, большие и круглые глаза с желтоватыми белками. Глаза бывают карие или серые. Брови широкие, очень темные и почти сросшиеся у переносицы. Нос короткий,

а у глаз несколько вдавленный, кончик широкий, а ноздри большие. Скулы несколько выдаются; рот средних размеров, губы толстые и красные; зубы мелкие, белые и чистые, плотно прилегающие друг к другу; подбородок короткий и заостренный; уши маленькие и плотно прилегают к голове. Волосы на голове почти черные, жесткие и густые. Их коряки зачесывают, как барабинские татары, к ушам и заплетают. Это делают только старики, а молодежь не делает. Коряки же, живущие на рр. Пустой и Подкагирной, имеют обычаем подобно чукчам брить голову наголо. Многие не имеют бороды, у тех же немногих, у которых есть, она жидкая, острая и темная; такие же бывают у них усы, появляющиеся на 30—40-м году; их они никогда не стригут. С растительностью на других частях тела обстоит дело так же, как у ламутов; единственная разница в том, что у корякских женщин волосы под мышками не растут.

Описав мужчин, перехожу к описанию женщин. Однако прежде всего я должен сказать, что ничто не доставило мне таких трудностей, как это дело. А это все потому, как я думаю, что никакой народ на всем земном шаре так не страдает ревностью, притом оба пола, как коряки. Даже самый простой взгляд или приветливая речь может вызвать у них подозрение, и как раз по этой причине многие, которые позволяли себе некоторую вольность в обращении с ними, платились своей жизнью. Примером могут послужить атаманы Федот и Морозко, которые первыми посетили Камчатку, и многие другие. Я хочу упомянуть об одном событии, имевшем место уже в нынешнее время. Толмач по имени Иван Лукин хотел жениться на дочери князца Lengus'a. Отец дал согласие, а дочь собралась креститься. Жених, будучи простаком, идет после этого к другому коряку и расхваливает там свою невесту, как она хороша собой, да вдобавок еще повсюду разукрасилась бисером. Эти речи доводят до сведения отца невесты, он принимает их за оскорбление, отправляется к архимятежнику Jetitk'e и докладывает ему об этом деле, а тот сразу же принимает решение и подбивает еще других разорить Ямской острог и убить тамошних служивых. Об этом намерении их стало известно уже после того, как все это дело было расследовано в Охотской канцелярии, и в 1742 г. их казнили, как бунтовщиков. Вот и все об этом¹⁸.

Женщины у коряков телосложением и чертами лица несколько отличаются от мужчин. Они меньше ростом и полнее телом, имеют маленькое круглое лицо, но попадаются и с продолговатыми лицами; брови тонкие черные, нос маленький и очень пропорциональный; рот небольшой; губы тонкие и красные; лицом смугловаты и румяны. Кожа на теле нежная и коричневая; шея короткая; груди маленькие и круглые; руки маленькие и ноги небольшие. Среди них имеются некоторые, которых можно было бы даже назвать красивыми. Однако речь идет о незамужних, так как, лишь только они выходят замуж, они быстро дурнеют и после первых родов становятся бледными и худыми, а причина этого заключается в том, что после родов у них бывают очень обильные ме-

сячные очищения, которые они называют Mullum и от которых они сильно страдают по сравнению с другими сибирскими женщинами. В результате этого они утрачивают свою красоту настолько, что даже и следа от нее не остается. Затем, как у мужчин, так и у женщин нет больших животов, но пупок выпяченный. У детей тоже нет больших животов. Все имеют прямые ноги, икры тонкие и ступни маленькие, в чем они тоже отличаются от прочих сибирских языческих народов.

Подобно тунгусам на р. Лене, они украшают свое лицо возле ушей и кисти рук всевозможными фигурами и делают эти рисунки таким же способом, как ламуты; обычай этот распространен и среди чукчей¹⁹.

По утрам женщины моют руки и лицо собственной мочой, отчего они становятся мягче; мужчины умываются водой, но редко, а тело совсем не моют, и грязь так сильно въедается в тело, что ее нелегко удалить. О купании им ничего не известно; они только редко моют голову и причесывают ее, но и то лишь замужние. Если же девушка моет голову или причесывает ее, то это признак, что она распутного поведения, и отец, не желающий быть опозоренным, вправе ее тотчас же убить. Как поступают у коряков с распутными женщинами, я сообщу в соответствующем месте, но если девушка становится невестой, то ей распутничать дозволяется.

Теперь следует сказать об одежде, какую носят мужчины. Верхняя шапка — Рапска сделана из беличьего меха, сверху на темени украшена рядом больших цветных бус, а спереди у оторочки — двумя рядами таких же бус, как это встречается на шапках тунгусов. Нижняя шапка — Рапскапи сделана из ровдуги, спереди сверху имеет два ряда бисера, а кругом вышита; отделка эта называется Ipanutschenit. Поверх вышивки прикреплены также два ряда бус, а по низу идет бахрома из узеньких ремешков, длиной в один палец. Также носят они серьги — Коетое длиной в палец, состоящие из нанизанного на нитку бисера, а снизу каждая подвеска заканчивается крупной бусиной. Воротник — Еппаскюи-а сделан из беличьих хвостов, такой же, как носят тунгусы. Далее, шуба из оленьих шкур вроде рубахи, которую русские называют парка, коряки же Iddi, доходит только до колен, мехом внутрь, внизу отделана кусочками кожи — Goniwon, по-русски — подзоры²⁰, а ниже по подолу пришита оторочка из собачьего меха. Верхняя шуба — Iddjoep, по-русски кухлянка, или камлейка, такого же типа, как у самоедов, делается из меха горного барана или оленя; она очень широкая и длинная; оторочка внизу по подолу спереди, на рукавах и на капюшоне из собачьего меха. Такие верхние шубы окрашиваются в красновато-коричневый цвет. Штаны — Кујет, по-русски — огуши, как у тунгусов, короткие, из ровдуги. К ним прикреплены сутуры²¹ — Koneite. Меховые чулки — Komejoet, по-русски — чижы²², короткие и сделаны из собачьего меха. Сапоги — Ploeko, по-русски аларчики²³, коряки называют их тоже Ploeloeskit, того же типа, что у камчадалов. С правой стороны к штанам — Кујет привязан нож — Mellegu-al в футляре, а с левой стороны — огниво. Далее следует описание одежды женщин и девушек с головы до пят.

Повязка с наушниками из беличьих хвостов — Aloelu подобно Tschermi ламутских женщин. Из под нее возле ушей коса волос — Toe-loeunta. В ушах длинные серьги из бисера, как у мужчин, но внизу вместо бусины висит маленький колокольчик или серебряная пластинка, сделанная из полтинника. Шуба, или парка, — Niewigijen сзади с хвостом, на спине и рукавах — бахрома из узких и длинных коричневых ремешков, кругом обшита оторочкой из белого собачьего меха. Штаны — Nauke такие же, как носят мужчины, но ходят они в них только дома, а на работу надевают длинные и широкие, вроде матросских. Сапоги того же вида, как у мужчин алатчики, но называются Nebutschoek. Браслеты — Minneaska — круглые и плоские, шириной в палец, из железа, вроде кольца, на которое надевают ключи.

Дети, пока они еще не могут ходить, носят рубашку — Kalnoeka, подобную той, в какую камчадалы одевают своих детей. Эта рубашка цельная, из одного куска, с чулками и четырьмя рукавами, завязывается сзади. Настоящие рукава называются Wojengilplan, а фальшивые, которые отходят от плеча, называются Tschuplan, сзади на спине пришиты узкие ремни. Если матери нужно куда-нибудь идти, она берет ребенка за фальшивые рукава, прилаживает его спиной к своей спине и таким образом его несет. Пока ребенку не исполнилось $\frac{1}{4}$ года, мать его держит голым под паркой, когда же он начинает сидеть или стоять, мать привязывает его ремнем к своей шее снизу; чтобы ребенок меньше пачкал одежду, ему подкладывают между ног мох, который часто меняют. Никаких колыбелей у них нет, только таз, и то не у всех. Если ребенок начинает кричать, мать его успокаивает, урча по-медвежьи, или скрипучими возгласами Нок-Ное.

Как я вкратце коснулся их одежды, так же я хочу кое-что сказать об их жилищах, причем затрону и отмирающие обычаи этого народа.

Их жилища двух родов — летние и зимние, которые у пеших коряков одинаковые. Оленные же коряки придерживаются обычая всех лесных народов, при перекочевках перевозить с собой и свои жилища, постоянными у них остаются только летние жилища, которые они сами называют Nejoeng-a, а русские — острогами. Они расположены в таких местах, где летом коряки собирают запасы на зиму, большей частью в устьях рек, у заливов, или по-русски култуков²⁴, а также там, где они могут в изобилии промыслять китов, тюленей и рыб, а где и в каких местах, об этом у меня раньше сказано. Такой острог снаружи напоминает просто груды камней; на самом же деле это маленькое круглое деревянное строение, от четырех до пяти сажений в окружности и в одну сажень высотой, всюду снизу доверху обложенное камнями в защиту от диких зверей. Вверху имеется дымовое отверстие — Ginnogeng. Вход — Jurilpanг сбоку с южной стороны, как жупан в зимних жилищах длиной в сажень и высотой в $1\frac{1}{2}$ аршина, очень узкий. Вход завешен куском тюленьей шкуры. Каждая семья имеет для себя свое жилище. Те же, которые не женаты, живут со своими родными и помогают им в работе. Внутренний вид такого жилья очень примитивен — четыре столба

для опоры, очаг в середине. При каждом жилье имеются особые балаганы²⁵ — Mōlskamoei, которые стоят на столбах такого же вида, как у остяков. Зимние жилища самими коряками называются Lackalanjoe, а русскими — юрты. Они имеют в окружности 8, 10 или 15 сажень и 1½ сажени высоты, частично углублены под землю, а частично выступают на поверхность земли. С южной стороны находится Joeekan, который русские называют жупан²⁶, одинаковой формы с Lackalanjoe, только несколько меньше. Между юртой и жупаном имеется узкий проход — Tillatan; доступ к обоим сверху, через четырехугольный лаз — Gippogeng. Снаружи юрта и жупан завалены землей. Внутреннее устройство такой юрты следующее: из отверстия вверху внутрь спускается лестница — Gigigi, имеющая 10 ступеней. Эта лестница сделана из наполовину выдолбленного деревянного ствола. На первой ступени внизу вырезана маленькая человеческая фигурка, которая олицетворяет жену Kutkinachu Miti; за ней — на второй ступени следует фигурка самого Kutkinachu, на третьей — фигурка кита, на четвертой — орла, на пятой — изображение луны, на седьмой — солнца, на десятой — вырезано лицо, которое коряки называют Aenigo, или Kamackoeliu, то есть бог. Между лестницей и проходом в юрте имеется очаг, а кругом него расположены каморки, или спальные помещения, — Jojoang, причем каждый женатый человек имеет свою особую каморку. Вверху над этими спальными помещениями-гнездами кругом на высоте двух аршин от земли положены доски-нары, на которых спят неженатые. Отец семейства или старший имеет свое спальное помещение против лестницы — Gigigi. Возле каждого спального помещения стоят корыта для воды и для варки пищи. Амбары — Mōlskamoei (рис. 5) установлены все на столбах возле юрт и имеют такой же вид, как у остяков. Рядом с амбарами имеются собачьи землянки, которые не хуже их собственного жилья; передняя часть их сделана из ветвей, за нею имеется яма, накрытая ветвями и землей. Такие конуры называют коряки Atta-jejang.

Описав жилища, скажу об их самодельной домашней утвари. Корыто (лохань) для воды — Topска имеет два аршина в длину, а корыто для приготовления пищи — тоже Topска — один аршин длины. Корыто для воды стоит на ножках, а второе ставится под ним, и каждая семья имеет отдельное корыто для пищи и для воды. Ведро из дерева тополя — Kaltan, в котором носят воду. Котел — Kukjang стал у них известен с недавних пор. Блюдо деревянное, вроде лотка или русской селницы²⁷, называется у них Kamoenг. Чашка для питья — Rajutscha, по-русски чашка — из дерева, как у крестьян, а также имеется еще сплетенная из травы и называется у них Tinjærkolu. Ложка — Goina или Udina из рога, продолговатая с коротким черенком. Черпак — Koing-ang из рога и сделан как русский ковшик. Кочерга из дерева — Kepung-a, ею вытаскивают они из огня камни. Маленький деревянный совок — Gbakmoetoe — им переносят раскаленные камни в корыто для еды²⁸. Ножей два вида: из камня — называется Owala, или Oala, и железный, который стал недавно им известен от русских, называют его

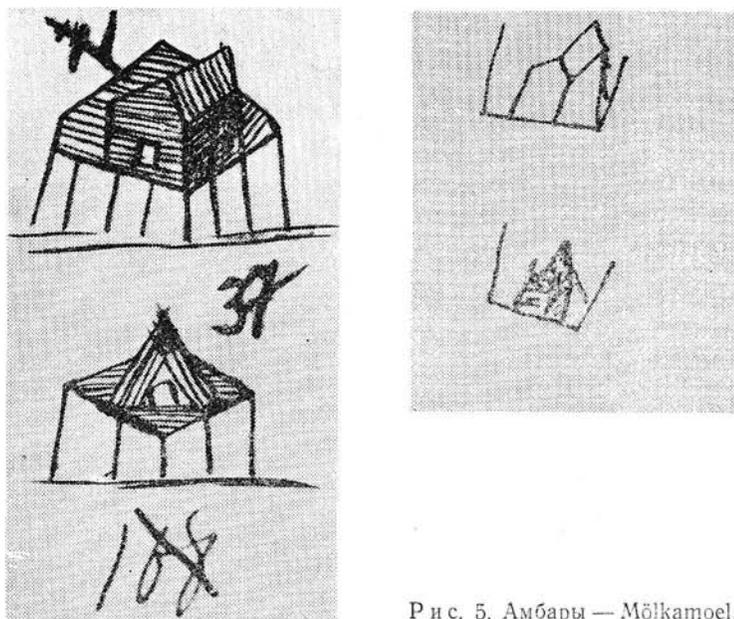

Рис. 5. Амбары — Mölkamoel.

Melleg-owal, или Mellegu-al. Каменные топоры — Paltan, или Platan, из черного и твердого точильного камня, остро отточенные и насаженные на деревянную рукоятку. Русские называют их секирой. Другая разновидность топоров — Gatthe, по-русски — тесло²⁹, раньше было тоже из камня, а теперь вместо таких употребляют железные, которые называют Ae-al, или A-al. Gimallun, по-русски — чесалка³⁰, которой они скребут свое тело, когда оно чешется, сделана из дерева и имеет такой вид, как у монахов в монастырях.

О домашней работе мужчин и женщин и их занятиях. В домашней работе особенно деятельны женщины, а мужчинам не остается ничего другого делать, как только принести дров и воды, изготовить нужную в доме утварь или сходить на промысел. Все, что мужчины добывают на охоте и рыбной ловле, отдают своим женам, и без ведома жены муж не может отдать из дома ничего такого, на что женам предоставлено преимущественное право пользования.

Gitoepitschan'ы и их жены никакой черной работы не выполняют, разве только они сами захотят поработать, но все остальные обязаны выполнять всю домашнюю работу, которая между ними правильно распределена. Утром, когда встают, сначала кто-нибудь из них разводит огонь, а женщины идут сквозь дым к выходу; пробыв некоторое время снаружи, возвращаются в Tillatan и моются там сначала водой, потом берут щепотку моха, мочатся на нее или макают мох в перестоявшую ночь мочу и протирают ею лицо; затем берут вторую щепотку моха и засовывают промеж ног так же, как это делают остякские и тунгусские женщины, у которых эти моховые тамгоны называются Urup

и Njoetasck; коряки называют их Mulluтоен; они меняют их и сжигают каждое утро, а во время месячных — днем еще два или три раза. Когда же, как сказано выше, огонь разожен, то каждый бросает в него свои камни, и опять мужья и жены выходят наружу, стоят некоторое время, смотря на солнце, потом возвращаются в юрту, и женщины садятся около корыта для приготовления еды, сначала наливают в них немного чистой воды, затем кладут китовый жир, сушеное тюленьё мясо и сушеную рыбу, после этого каждая берет свою кочергу и ею вытаскивает из огня раскаленные камни, приносит их на совке к корыту и опускает туда, после чего корыто накрывают и дают постоять четверть часа. Приготовленное кушанье называется Godjan. Когда кушанье готово, женщины подходят, как и раньше, к своим корытам, засучивают рукава, опускают руки в корыто, вытаскивая лучшие куски, и кладут на блюдо. Каждая семья ест отдельно, сидя на своих постелях, подогнув крестообразно ноги под себя, как тагары. Когда они поели, то бросают оставшиеся куски назад в корыто, а после кормят ими собак. Еще есть другие кушанья, которые они едят, а именно порса³¹ — Porsa-gigu, качемаз³² — Коерое, мерзлая рыба — Kaiton, толкуша, или сыроежка³³, — Tschelaju. Последняя готовится из порсы, брусники или морошки с китовым или тюленьим жиром. Берут порсу, бруснику и жир, толкут все в деревянной ступке, пока не образуется густая масса, и употребляют ее вместо хлеба. Вяленое тюленьё мясо — Pokajoeta, или Gaddjo-djo, приготавливают из следующих трех разновидностей тюленей: из аки-

Wittuwit, ларги — Kelila и нерпы — Моемоел. Киты тоже трех видов: самый крупный — Iungi, среднего размера — Koklatschan и самый маленький — Pigultun. Еще едят одно морское животное — Digin, по-русски белугу³⁵. Из рыб едят: кету — Katakak, маленькую корюшку — Atschuwash, по-русски — окуры, мальму — Witiwit, ломки — Tschumom, нерку — Udjug, кунжу³⁶ — Netschekatsch, раковины — Ge-oet, морских раков, или ромухэл, — по-корякски — Askagan и улиток — Doede ang. Из животных: медведей, волков, горных баранов, лисиц, зайцев, росомах, песцов, собак. Из паразитов: мышей, вшей, блох. О последних коряки говорят, что если бы они не ели вшей и блох, то за короткое время потеряли бы всю свою кровь, а оттого, что они их раскусывают зубами, они возвращают назад с лихвой свою кровь. Из птиц: куропаток, тетеревов, глухарей; из водяных птиц: лебедей, гусей, гагар, уток и турпанов³⁷. Из растений и кореньев: листья дикой моркови — Geju, щавель — Nidigan, дягиль³⁸ — Tintin, его они едят сырым. Из щавеля варят кашу. Едят корни сараны или синих лилий, которые растут на низких местах, по-корякски называются Au-ek, кислицу — Ampschiginmin (Singat Apoet) и Kitschuo — похожий на татарский Kandik, который растет возле Томска.

Из четвероногих, птиц, рыб и растений не едят: горностаю, орла, ворону, горец-рыбу, — разновидность миноги, которую местные русские называют вьюном, по-корякски — Wojemuwolaigul, корни лютика и самое растение. Все вышеперечисленное они варят или употребляют в сы-

ром виде. Самыми лакомыми блюдами считают внутренности и содержимое желудка всех мелких животных и птиц. Все внутренности они накальвают на маленькие палочки и жарят. Помет оленя и горного барана смешивают с ворванью и его едят в сыром виде. Березовая кора — Lugu, скобленный тальник — Djagu, или по-ламутски — Sigiri, смешивают с рыбьей икрой и ворванью, бруснику и шикшу, которую в Березове называют водяницей, смешивают с ворванью и так поедают. После еды пьют холодную воду. Напротив того, Gitapitschan'ы пьют сок брусники или морошки. Они давят эти ягоды, заливают водой и дают им настояться. Таким напитком они угощают и гостей.

Далее скажу о прочих занятиях женщин после еды. Когда они поели, то бросают, как сказано выше, оставшиеся куски в корыто, и каждый садится на свое место за работу. Шкуры диких баранов обрабатывают следующим образом: берут сырые шкуры — Nellega (и другие шкуры или кожи так называются), натягивают их и оставляют сохнуть. Когда шкуры просохнут, их смачивают водой до тех пор, пока они не размякнут. Затем берут олений помет — Koleioele-oel и натирают им внутреннюю мездровую сторону шкуры, после чего ее сворачивают и оставляют лежать сутки. На следующий день шкуры разворачивают и прокатывают специально для этого приспособленным катком-палкой с вделанным в середину ее острым круглым камнем (скребком для выделки шкур. — З. Т.). Называется этот каток Innoennewinnang. Когда это сделано, берут березовый гриб, по-ламутски — Ulla, а по-корякски — Kesuköw, кедровую хвою — Tomtom и толкут все это с водой в кашу, которой намазывают шкуры и опять оставляют их лежать еще сутки. Опять прокатывают шкуры тем же катком, пока от катания они не просохнут. Когда шкуры пообсохнут, берут сушеную рыбу икру и размачивают ее в воде, полученную массу — Nalgan намазывают на обработанные шкуры и оставляют их лежать еще одни сутки. После этого их еще прокатывают в последний раз досуха, а потом трут и мнут руками, топчут ногами, растягивают, пока они не станут совсем мягкими. Тогда шкуры считаются обработанными.

Если же захотят их окрасить, то поступают следующим образом: берут ольховую кору — Tschewa и кладут в мочу, оставляют постоять несколько дней в теплом месте, пока не закиснет, после этого краска считается готовой, и ею покрывают шкуры, следя за тем, чтобы они хорошо пропитались краской. После этого дают шкурам хорошо просохнуть, а под конец сильно трут и разминают руками, растягивают, добиваясь, чтобы они получили прежнюю мягкость (как до окраски). Из таких шкур шьют парки, кухлянки. Камлей³⁹ же у оленных коряков не окрашивают, а смачиваются мочой и копятся, после чего они хорошо переносят сырость, не пропускают воду, лучше, чем крашенные. Кусочки кожи, которыми они украшают свою одежду, называются Wopüwa, или Gopüwop, по-русски — подзоры. Это узкие ремешки, которые делают из Nuluta, по-корякски — Nigitscheaut. Их корьки пробирают специально для этого сделанным стерженьком — Enjeddjackon,

а через полученные дырки протягивают маленькие ремешки, вырезанные из горла ларги, по-корякски — Pillegan. Однако на такие подзоры лучше смотреть, чем их описывать, так как описать их очень трудно. Кожи молодых тюленей, окрашенные в коричнево-красный цвет, называются коряками Wojemka и изготавливаются так же, как у ламутов Упуска.

Nuluta, по-корякски — Nigitscheaut, изготавливается так же, как у ламутов, с той лишь разницей, что те для обработки употребляют воду, коряки же пользуются мочой. Однако ламутские по их блеску и цвету лучше корякских, потому что коряки не умеют надлежащим образом готовить краску. Трава, которая у них растет, очень крепкая и напоминает лен, называется Mitschiwei. Из этой травы плетут посуду для питья — Tinjoerkolu, коврики — Nellagajun и мешки — Weitschewitschugat. Для этой работы коряки не употребляют никакого инструмента, а все плетут руками.

Сети для ловли рыбы — Inigi, или Geginni, изготавливаются из крапивных волокон, называемых I-au. Крапиву выдергивают осенью и сушат, а стебли расщепляют ножом, после чего счищают кострику⁴⁰ и скручивают руками на колене в нитки.

Так же сушат и китовые жилы — Gibatsch, после чего их расщепляют и затем скручивают в нитки, подобно тому, как ламуты делают нитки из оленьих жил для шитья одежды и плетения сетей.

Вообще женщины выполняют в доме всю легкую работу, которая и заслуживает быть упомянутой. Когда все до вечера просидят за своей работой, хозяин или старший в доме кричит: Ojoetchik-tok, то есть «живо, дети!» Женщины тогда встают и идут каждая к своему корыту (для приготовления пищи. — З. Т.), из которого берут оставшуюся пищу, складывают в лукошко — Kaitan, и мужчины выносят это и кормят собак. После этого спускают сверху в юрту на мауте большие куски льда, глыбы снега⁴¹ и сбрасывают дрова. Снег и лед женщины распределяют между собой, и каждая несет кусок в свое корыто. Наконец, когда наступает полная тьма, снова разводят огонь и бросают в него камни, с помощью которых опять так же, как утром, варят себе пищу. Что у них самое плохое, так это то, что во время топки юрты все — мужчины, женщины, дети постоянно то входят, то выходят из юрты, отчего дым непрерывно приходит в движение, не говоря уже о том, что зловоние от ворвани, сала, жира и мочи неопишимо. Если кто захотел бы себе представить адские муки, то их действительно можно найти в подземных жилищах этого народа. Однако они веселы и довольны, как будто бы от природы дано им что-то такое, благодаря чему они к этим неприятностям совершенно нечувствительны.

Во время ужина зажигают светильник. Он представляет собой кусок сухого дерева, который опускают в ворвань и зажигают. Когда такой светильник тухнет или собирается потухнуть, они его снова обмакивают в ворвань. Каждая семья имеет свой особый светильник⁴².

Если у них в юрте окажется приезжий, то мужчины и мальчики ут-

ром и вечером обступают его со своими трубками и не отходят, пока не получат табаку. У них такой обычай, что если дали одному, то необходимо дать всем. Табак, по-корякски — Тоепак, стал им известен с недавних пор. Трубки, из которых они курят, сделаны из дерева подобно якутским и называются Gansa⁴³. Дым они втягивают через воду, которую держат во рту, проглатывают его и через некоторое время выпускают. Многие при этом докуриваются до дурноты, падают в обморок и испытывают сильную дрожь в теле, которая, впрочем, скоро проходит. Женщины же до сих пор еще не переняли этой привычки.

В настоящее время зимой коряки ездят на собаках — способ передвижения, который они переняли у ламутов 50 лет назад. В то время они покупали собак у ламутов, и цена за собаку была от трех до четырех лисьих шкур. мех белой собаки, которым они оторачивают свою одежду, был не в меньшей цене. В древности они тащили свои сани сами или впрягали в них оленей⁴⁴. Сани, которые они когда-то имели, называют они gipnoetlk. Они состоят из семи березовых копыльев, изогнутых наподобие камчадалских, только потоньше, и все прикреплены к полозьям наклонно; сзади имеется сиденье или корзинка, полозья широкие, толстые и спереди сильно выгнуты вверх. Такие сани имеются еще и сейчас у оленных коряков и чукчей.

Нарты они называют Somali, и они похожи на ламутские Torki, только покороче. Баран⁴⁵ они называют Lautanckeng, копылья — Pajar, вардину⁴⁶ — Gidiwoldiu, кинеры⁴⁷ — Pojaaizing, вязки⁴⁸ — Unuutschiwotkilkitsche, потяг⁴⁹ — Atoeilgan и алык⁵⁰ — Tajoejik. В такую нарту запрягают трех-четыре собак и кладут на нее не больше трех пудов, считая и корм для собак. При таких нартах идет один человек на лыжах и помогает собакам тянуть кладь.

Лыжи у коряков двух видов: Tigat, которые похожи на ламутские Vagingta, только несколько короче, и Wolwojoeg, по-русски — буслики⁵¹. Последние сделаны из березового дерева и имеют $\frac{5}{4}$ аршина в длину и $\frac{1}{4}$ аршина в ширину, в середине они выдолблены, а спереди заплетены крест-накрест узкими ремешками; в середине же на них имеются две короткие деревянные поперечины, к которым прикреплены Tigi-hiln-at, или юкцы⁵², а под поперечинами — два костяных гвоздя. На таких лыжах — Wolwojoeg — они взбираются на высокие горы. Коряки измеряют расстояние не милями, а днями пути, и при хорошей погоде они легко проезжают на нартах 30—40 верст, а на лыжах проходят 60—70, а то и 80 верст в день.

О луках и стрелах и их видах. Лук — Agitt делается наполовину из дерева лиственницы, наполовину из березового дерева. Сначала они берут дерево лиственницы и высушивают его, потом обрезают по такому размеру, каким должен быть лук, и, размягчив над огнем, изгибают нужным образом. Вторую половину заготавливают из березы и наклеивают на первую. Потом весь лук обтягивают березовой корой, а чтобы он был крепче и не ломался, обматывают его тонкими нитками, сделанными из китовых жил, и на концах их заплетают. Такой лук имеет

в длину одну сажень. Тетива у лука — *Wojadiwat* — представляет собой тонкий ремешок, вырезанный из тюленьей шкуры, который, прежде чем натянуть на лук, размачивают в воде до мягкости, а затем изо всех сил крутят, вытягивают и дают так высохнуть, чтобы тетива ослабела при натягивании лука. Стрелы у них следующие: костянки — *Junjuttuam*, которые имеют заостренные наконечники из китовой или другой кости, такие же, как *Deegan* у ламутов; вилкообразные — *Gikkiema*, по-русски — оргиски, с железными наконечниками; ромбовидные — *Poimack*, с крючком; еще имеются стрелы, которые они называют *Kawalikmack*. Налучник называется у них *Gaddjetschan*, по-русски — тул⁵³, и сделан так, как у ламутов. Все стрелы сделаны из березового дерева, несколько короче, чем у ламутов, но потолще и оперены орлиными перьями. Коряки вообще отличаются ловкостью в стрельбе из лука и могут стрелять одновременно из двух натянутых луков.

Клей — *Eng-ge-eng* готовят они, как и ламуты; из рыбьей кожи, с той только разницей, что ламуты варят кожу в воде с березовой корой, а коряки этого не делают.

Коряки имеют два вида лодок, а именно: *Attewaak*, по-русски — байдары, и *Moetu*, по-русски — ивлеч (челнок); первые делаются из дерева тополя, у вторых же обтяжка из тюленьих шкур. Некоторые также имеют кожаные байдары, но только у них остов (каркас) деревянный. Байдары, которые сделаны целиком из дерева, состоят из трех частей, а именно: передней, средней и задней, и все эти части плотно сшиваются китовым усом. Снизу прикрепляется киль — *Kitschak*, который заходит немного дальше половины длины байдары. Передняя, носовая, часть заострена, на ней имеется доска — *Tschiwazin* в одну сажень длиной и в $\frac{1}{2}$ аршина шириной, с нее они прыгают на берег. С этой же доски свисают два конца — *Bilulu-gat*, вроде тех, что у оленных тунгусов спускаются сзади у верхней шубы. Дальше идут беседы⁵⁴ — *Bakangalwo*, места для сиденья, к которым прикреплены и весла. Весла длиной в $1\frac{1}{2}$ сажени, полулопастные. В байдаре их всего полагается десять: два сзади, которыми гребет один человек, а с каждой стороны байдары — по четыре, при каждом стоит один человек, лицом к носу; во время гребли они толкают весла от себя. Весло называется у них *Toewoel*. Справа от носа приделан деревянный крюк — *Oiwalga*, с которого они при ловле китов спускают линь — *Mawot*, к которому прикреплен гарпун: об этом я скажу подробнее в другом месте. Наряду с байдарой они тянут с собой ивлеч — *Moetu* — челнок, который, как выше упомянуто, обтянут тюленьей кожей, в каких плавают лопари. Этот челнок имеет в длину одну сажень и $\frac{5}{4}$ аршина в ширину и при нем два маленьких весла — *Asinpan*, длиной в один аршин, которые привязаны ремнями, и пользуются ими при охоте на тюленей. Есть еще у них весло — *Tewoepa*⁵⁵. Гарпуны — *Aufackla* каменные, с древком из ольхи. Они имеют одну сажень в длину, и ими бьют китов. Еще есть гарпуны, сделанные из камня — *Jejowu*, по-русски — носки⁵⁶, всажены в кость, в один вершок длиною, закрепленные смолой. Эта кость привязана ремнем к па-

лочке — Tnatae; сзади имеется ременная петля — Gigiln, в нее пропущен и закреплен линь — Omillagang. Палочку вставляют в древко — Ingara длиною в полторы сажени. Другой вид носка (носика), которым они ловят тюленей, называется Gigi; здесь кость снабжена бородкой и острым железным наконечником, такие же имеются и у ламутов.

Об их охоте зимой можно сказать немного. Охотятся они лишь столько, чтобы хватило на уплату ясака, так как не все платят ясак лисьими шкурами, но также и китовым усом и Mawot'ом. Те же, которые ходят на охоту, ловят лисиц с помощью установленных луков — Itigi и клепцов⁵⁷ или их ловят теми же способами, какие распространены у других сибирских народов. В этом заключаются зимние занятия мужчин.

Прежде чем я буду говорить об их летних и иных занятиях, я хочу сказать о тех правилах, какие будто бы им завещал Kutkinachu перед своим огненным отлетом, так как эти правила являются главной основой их жизни и без их соблюдения ничего нельзя начинать и совершать.

Каждый может иметь столько жен, сколько захочет и сколько он может содержать. Но, прежде чем взять себе жену, он должен некоторое время за нее служить и работать; когда же ему покажется, что он достаточно за нее отработал, ему дозволяется ее взять. Если же он захочет взять себе еще вторую жену или больше, он обязан получить на это согласие от своей первой жены и точно так же отработать за нее. Причем работа его считается платой за воспитание девушки и заменяет калым.

Надо приносить жертвы из добытого на охоте солнцу, луне, огню, а воде приносить жертвы в виде куска ольхового дерева.

Не разрешается ничего отрубать от своих жилищ и лестниц, ни колотить по ним, а если же кто посторонний, а именно чужестранец, по ним ударит, то все должны плясать вокруг огня и приготовить толкушу.

Нарушение супружеской верности и распутство карается смертью, и кто это делает, предается позорной казни. Если же оба провинившихся оказываются свободны, то они должны пожениться, если только родители дадут на это согласие.

Если кто умрет, то прорубают в юрте отверстие в том месте, где лежит покойник, и через это отверстие вытаскивают его головой вперед со всей его одеждой, луком и стрелами и сжигают... Мертворожденных детей погребают, а если умирает беременная женщина, то ей разрезают живот, вынимают ребенка и обоих затем сжигают.

Если кто тонет, то его не разрешается спасать, а ему дают утонуть; если же труп его после находят, то тоже сжигают.

Если кто-нибудь повесится или кончает жизнь каким-либо иным способом, то тело его тоже сжигают.

Медведь у них пользуется величайшим почтением. Но если медведя убьют, кости его приносят в жертву кумирной дощечке(?) Kalita, или Toelitoe, яичник (testicula — лат.) — воде, голову же вешают на дерево — как жертву солнцу.

Перед всякими занятиями — охотой, ловлей китов — в месяцы Tud-

djan и Leirajoel следует трещать кумирной дощечкой — Toelitoe над огнем.

Следует воздерживаться от половых сношений с роженицей в течение месяца после родов, а равным образом с женщиной во время месячных очищений.

Таковы правила, которые завещаны Kutkinachu'ом. Но после него от своих шаманов коряки получили еще другие правила, о которых я буду упоминать при описании каждого их занятия.

О языке их следует сказать, что он, как и у камчадалов и тунгусов, не везде одинаков, а почти каждый острог имеет свой особый язык⁵⁸, или если даже слова и одинаковы, то всегда есть отличие в произношении, притом же они обычно проглатывают первый или последний слог⁵⁹, так что их очень трудно понимать. Правильно же транскрибировать европейскими буквами — к тому же слова многосложные, как это можно видеть в записках, — совсем невозможно.

Они не имеют никакого правосудия, и им неизвестны никакие преступления, кроме приведенных выше, за которые полагается наказание, а живут они в своей первобытной свободе, причем они послушны только своим Gitoepitschan'ам. Те же, которые обложены ясаком, обращаются со своими жалобами к сборщику ясака, который выносит решения по своему усмотрению. В результате грабежи и убийства поныне не удается прекратить, и они считают эти преступления просто детской забавой.

Никаких договоров они между собой не заключают; если же у кого-нибудь что-либо занимают, то возвращают долг неохотно, а если же платят, то с большим промедлением, не без неприятностей.

Чужим они подарков не делают, сами же охотно принимают подарки, но если им что дают, то они это не ценят, а рассматривают как некую обязанность, при этом исподтишка дарителя высмеивают, полагая, что все имеющееся у чужого принадлежит им, да еще ищут повода его убить и завладеть его имуществом.

Пороки и недостатки, к которым особенно предрасположен этот народ, — это грабить, воровать и убивать. Занимается тайно развратом и порчей мальчиков (мужеложеством); в старину, но и теперь еще имеются Gitoepitschan'ы, которые держат при себе мальчиков — Kju, или Kaju; они упрямы, своенравны, фальшивы, вспыльчивы и злопаметны, подозрительны и жадны. К их добродетелям относится то, что они смелы, не боязливы, перенимают всякую чужую работу (собственно, подражают, обезьянничают) и умелые плотники. Перед чужими, если они их попросят что-нибудь сделать, притворяются стыдливыми или делают вид, что они ничего не понимают.

Зиму и лето коряки считают за два года, а месяцы они считают по сменам луны. Летний год называется у них Giwi, месяцы они называют так: Kojajil — то же, что у нас апрель, далее Elluajil, Tuddjan, Owipojoenajil, Anutschetschaneja, Zeirajoel. Зимний год делится на месяцы: Emuadojel, Kediwatschil, Djonmalgan, Lautejel, Omoejelplan, Omiacki-

diwatschil, Amuagajella. Их они считают, как ламуты, по суставам (в переводе — по сочленениям рук).

Оба года вместе они делят на четыре времени года: весна — Kitkit-tack состоит из месяцев Kojajil, Elluajil, лето — Aeloeck с месяцами: Tuddjan, Owinojoenajil, Anutschetschaneja, осень — Tuidjatschik имеет месяцы: Zeirajoel, Emuadojel, зима — Lokalang, на нее падают остальные месяцы.

Плеяды они называют Kodjametschinka, Млечный Путь — Jeauje-wa, Большую Медведицу — Elluwauing, утреннюю и вечернюю звезду — Adjaning, утро — Injini, полдень — Lingnataliait, вечер — Kujel-kail, полночь — Kajoetsching.

Вычислять фазы луны — новолуние, полнолуние — они не умеют, но говорят про молодой месяц, что он показывается на третий день, и называют его Ellegai. Относительно солнечного и лунного затмений — Gowijoelin они утверждают, что оба эти светила умирают, а когда затмение кончается, то говорят, что они опять ожили; другие же говорят, что затмение навлекает на человека всякие беды.

Для грома — Kigijala и молнии — Kumilajela они не находят объяснений, а утверждают, что гром убивает кита, но в этой местности грозы бывают редко или их вообще не бывает.

О происхождении мира и о Страшном суде они ничего не знают, точно так же они ничего не знают о счастливых и несчастливых приметах, кроме того только, что им говорят шаманы. Что касается состояния души — Uiji, то ее местопребывание оказывается повсюду, и определенно-го места они указать не могут, и только умершие шаманы переселяются к дьяволам или превращаются в них.

Бога и ангелов они знают, но бога они называют Kamakaliu, также Aenigo. Дьявола называют Manachteik; верят, что их много, они имеют жен и размножаются, — так говорят им шаманы.

Шаман, или жрец, называется у них Ingöllening, и шаманство у них наследственное, однако каждый шаман имеет свою особую область: среди них имеются такие, которые предсказывают будущие события, такие, которые исцеляют раны и всякие болезни, укрощают бури и думают, что могут их вызывать, заговаривают китов и напускают на людей сон, причем в последних трех делах они как будто особенно искусны. Наряду с шаманами существуют у них повивальные бабки — Amma, которые выступают как незаурядные колдуньи. Коряки представления не имеют о том, чтобы здороваться или прощаться друг с другом, но если кто когда-нибудь заходит, то хозяин говорит гостю: Jetin ennokklak, что значит: друг пришел, на что гость отвечает: Tijoetok — я пришел.

Голову они не обнажают, а при чихании не желают здравствовать, самое чихание называется у них Antschikla.

Когда они ругаются, то главное слово у них Gewianging inajewi, что значит: ты скоро подохнешь. Бранное слово Joenitatschan значит то же, что у ламутов Mogdakas или Nowatoing (то есть в переводе Линденау — сука; хотя Zuske никогда не значит «сука», если только Линденау не

исковеркал русское слово.— З. Т.). Дети не имеют особого почтения к родителям, а те их не наказывают, потому что, поскольку они сами грубы и дики, таково же у них и воспитание детей; но если наказывают, то ограничиваются шлепками. Мальчики обучаются стрельбе из лука, а девочки шитью и другим домашним работам.

Они ведут торговлю с соседними народами, а именно с ламутами, тунгусами, оленными коряками и тоже с русскими. У ламутов и русских покупают котлы, ножи, швейные иглы — Tittiga и другие железные изделия. Четырехфунтовый медный котел ценою в 8 руб. выменивается на 8 парок, или 8 кухлянок, или на 16 ремней, потому что они не знают денег, вернее, познакомились с ними только при моем появлении среди них; они называют их, как все сделанные из серебра вещи, Zilewa. Я удивился тому, что люди не знают денег. Ведь мне известно было, что раньше командированным из Охотска выдавались полагающиеся прогонные деньги, которые, видимо, этим людям не выплачивались. Поэтому я их спросил, неужели они никогда не получали прогонных денег? На что они мне ответили, что еще никогда не видели таких маленьких и изящных вещей и что раньше за прогонные им давали лишь немного табаку, а иногда и вообще ничего не давали. Сначала они и от меня не хотели принимать денег, говоря, что сейчас у них нет ничего такого, что они могли бы дать за такие красивые вещи. Когда же я обстоятельно разъяснил им про деньги, они схватили их, убежали от меня, пробили в копейках дырки и привязали на нитки, а потом, держа их над огнем, плясали несколько раз вокруг огня — это они делали в знак благодарности. А на следующее утро я увидел, что они привесили копейки к своим амулетам, которые носят на шее.

Далее об их торговле можно еще сказать, что нож у них идет за один рубль или парку, две маленькие швейные иглы — за пару алатчиков, фунт китайского табаку — за 8 или 12 руб. (не на деньги, а как было сказано), причем эти иноземные товары стали известны только тридцать лет тому назад. При такой торговле расплачиваются не сразу, а через год. Если же должник и тогда не платит, то сумма удваивается — причем тут имеет место хитрость с обеих сторон, потому что должник думает, что кредитор тем временем умрет, а долг пропадет, а кредитор, что если он останется в живых, то получит долг с большой для себя прибылью.

У оленных тунгусов выменивают камусы, недорости⁶⁰, постели⁶¹ и пыжики на рыбий жир, китовые ласты и ворвань, тюленья мясо и тому подобное. За четыре оленьих камуса дают столько ластов, сколько может увести один олень, за недорость — сколько могут увести два оленя, за постель и за пыжик — сколько могут увести три оленя, или приблизительно 12 пудов. Так как в настоящее время они своей охотой не добывают столько пушнины, чтобы можно было уплатить ясак, то они выменивают ее у оленных коряков, которым они привозят котлы, ножи, луки, стрелы, швейные иголки и большие готовые сани, потому что у тех не растет такого дерева, из которого они могли бы делать себе сани.

За сани они берут четыре лисьи шкуры, за четырехфунтовый котел — восемь, за лук и три стрелы — две, а за нож — одну лисью шкуру.

Об их браках и как они совершаются. Если кто-нибудь задумает жениться, то он приходит к родителям невесты со словами: я пришел у вас поработать; нравится им это или нет, они не могут отказать ему и обязаны согласиться. Он же должен с этого времени работать не только на будущих тестя и тещу, но и на всех живущих в той юрте. Работа, которую он при этом выполняет, состоит в том, чтобы возить дрова, носить воду, разводить огонь, ходить куда пошлют, беспрекословно и с готовностью исполнять все, что прикажут, — вставать раньше других, ложиться позже других. Так как у них имеется правило, по которому никогда нельзя выдавать среднюю или младшую дочь раньше старшей, то всем известно, за кого он сватается, и ту девушку удаляют из дома, и она ходит при этом в поясе, к которому прикреплены ремнями повязка, закрывающая наглухо нижнюю часть живота из опасения, как бы жених не напал на нее и не овладел ею еще до настоящей заявки; кроме того, она никогда не ходит одна, а имеет всегда провожатых. Когда жених проработает полгода, то он заявляет родителям публично, что он желает жениться на их дочери, на что те, по принятому у них обычаю, отвечают отказом. Но он этим не смущается, а ищет случая овладеть девушкой. При этом собираются остальные женщины и следят, когда он попытается на нее напасть. Когда же он это совершает, то все на него набрасываются, тащат за волосы, бьют его, а невеста прячется за других, он же непрерывно на нее нападает, пока наконец ее не схватит и не свалит на землю, другие же все время тянут его и бьют, пока он своим пальцем не дотронется до ее потайного места, после чего она кричит: «Он попал». Когда она это произнесет, все отбегают от нее и он, как жених, перерезает на ее повязке ремни и сейчас же ведет ее в полог. Если же ему не удастся дотронуться до нее пальцем и женщины его одолевают, он должен уйти, и свадьба расстраивается. Если стороны в добром согласии, ему не надо ждать никаких затруднений.

Спят они голыми и покрываются паркой, что у них является обычаем. В качестве подушки служит им кусок тюленьей шкуры, а полог — Inigi из «гармена» (? — З. Т.). Пока молодые спят, варится пища, а шаман сидит и бьет в бубен. Когда же они встанут, то кушанье расставляют кругом огня, шаман садится спиной к лестнице — Gigigi, камлает и от всех кушаний жертвует огню; после этого молодые садятся спиной к Жакап'у⁶², остальные тоже усаживаются. Когда все наедятся, то остатки пищи бросают в огонь. Эта церемония в такой же мере повторяется и при вступлении в брак вдовцов и вдов.

Не разрешаются браки между родными, а также между двоюродными братьями и сестрами; брат обязан взять себе в жены вдову брата без церемонии захвата, разве что он сам ее пожелает.

Муж может, если захочет, оставить жену и жениться на другой, но дети от первой жены остаются при ней, а не у мужа. Женятся они в 12, 14, но чаще, однако, в 16 или 20 лет.

Если мужчина имеет много жен, то они живут не все вместе, а каждая остается в той юрте, где он ею завладел; спит он с ними поочередно, а добытое на охоте должен отдавать той, с которой он перед этим провел ночь, но если добыча большая, то она поровну делится между всеми женами. Жены покорны своим мужьям, а к свекру и свекрови, а также к старшему брату мужа они относятся с большим почтением, чем к своим собственным родителям.

Женщины рожают в сидячем положении, причем повивальная бабка колдует, пока длятся роды, а когда ребенок родится, то она перевязывает пупок тонким ремнем, а пуповину отрезает ножом, затем ребенка отдают матери, которая, не обмыв его, тотчас сует его под свою парку.

Послед — Inukgii кладут в мешочек, сплетенный из травы, с ним кладут туда маленький лук и стрелу и все это вешают на дерево перед восходом солнца, как жертву солнцу, чтобы ребенок остался жив.

О церемонии при выборе имен. Через три дня после рождения ребенка приходит к роженице шаман со своим бубном и камлает, а тем временем готовится толкуша и другие кушанья. Когда кушанье готово, шаман берет на ложку каждого кушанья и бросает сначала в огонь, в сторону Жакап'а и в другие места юрты, а лестницу — Gigigi обмазывает снизу доверху рыбьим жиром, затем частицу от всех кушаний несут к амбарам (балаганам) и собачьим землянкам, причем шаман идет в сопровождении других с бубном впереди, откуда он опять возвращается в юрту и снова бросает с ложки в огонь понемногу от всех кушаний, а остальные все пляшут вокруг огня. После этого шаман снова садится со своим бубном около роженицы, некоторое время камлает, а затем дает ребенку имя. Но есть некоторые, которые дают ребенку имя еще до рождения, и делают это нередко те, у кого из родни незадолго до этого кто-нибудь умер и чтобы в воспоминание о покойном имя его оставалось на свете. Если же в семье все живы, то имя новорожденному придумывает шаман, причем большей частью выбирает он имена по названиям больших гор, рек, созвездий и так далее; этот обычай существует и у ламутов. За этот труд дают шаману парку и называют это подарком, или платой, — Inumtschuwel. После того как имя ребенку дано, шаман еще некоторое время камлает, а затем все садятся за еду. После еды шаман камлает в последний раз, и на этом церемония заканчивается.

Роды болезненны, и многие женщины от них умирают. Женщины рожают 7—8, максимум 9 детей и в 40 лет перестают беременеть. После родов они воздерживаются от половых сношений в течение месяца или больше, смотря по тому, как себя чувствует роженица или как это ей угодно, а муж не может ее к этому принудить.

О сжигании мертвецов и что при этом происходит. Если кто-нибудь заболит, то посылают за шаманом или шаманкой — Амте, которые тотчас приходят к больному — шаман со своим бубном, шаманка — с колдовским камнем — Gitkamkau. Сначала я должен сообщить об этом камне и его свойствах. В месяцы Lautejel и Djonmalgan берут

шаманки плоский круглый камень любой породы и весом приблизительно в полпуда и называют его до обработки — Guckgun. Прежде чем этот камень будет годен к употреблению, шаманка колдует над ним с новолунья упомянутых месяцев до конца месяца; когда он готов, а они не хотят его употреблять, то его держат в лесу под особой покрывкой. Никто, кроме шаманки, не смеет подходить к этому камню. При вылечивании больных камень прикрепляют между концами двух палок, а к ремню, которым он закреплен, подвешивают еще пучок травы — Lautejel и ставят палки в наклонном положении у изголовья больного. Палки называются Ozjmgat и имеют в длину 1½ аршина. Когда шаманка установила неподвижно свой колдовской камень, она садится на пол к нему лицом и колдует. Если камень в это время качнется, то это признак, что больной выживет. Если же камень остается неподвижным, то на выздоровление нечего надеяться. Этот камень употребляют также и для других дел, но ставится он точно таким же образом. Например, собирается кто-нибудь в дальний путь или на охоту, шаманка должна предсказать, удачно или неудачно будет путешествие или охота.

Пока шаманка колдует у больного, шаман также занят своим камланием. Это продолжается до тех пор, пока больной выздоровеет или умрет.

Если же кто умрет, то сперва у того места, где он лежит, прорубается в стене дыра и через нее тотчас вытаскивают покойника со всей его одеждой, луком, стрелами и всем, что он еще имел на себе или при себе в жизни. После чего пролом быстро снова заделывают, потому что они боятся, что покойник или болезнь снова могут к ним возвратиться. После этого выходят родственники и все остальные из юрты, садятся вокруг покойника, воют и плачут о нем, пока через некоторое время к этому месту не доставят кучу дров, тогда сейчас же складывают костер и покойника переносят к нему; шаман с бубном идет впереди, все другие следуют за ним. Затем покойника кладут на кучу дров, на спину, головой на восток, а его вещи укладывают около него. Наконец, костер поджигают со всех сторон, а шаман принимается скакать вокруг огня, ударяя в бубен, остальные же подносят сухое дерево и бросают его на покойника, другие же подталкивают палками и самого покойника, чтобы он скорее сгорел, и когда все превратилось в золу, то они все, стоя, глядят на небо и кричат: Капа Коelin. После этого шаман убивает любимую собаку покойного, сдирает шкуру и вешает ее (шкуру) на шест, воткнутый возле выгоревшего костра. Потом все идут назад в юрту в том же порядке. Самоубийц, а также таких, которые, захватив с собой кусок рыбы, уходя в лес, чтобы там умереть, не сжигают, а оставляют там, где их найдут; желающим покончить с собой препятствовать не полагается.

По покойникам они не скорбят, овдовевшие могут, при желании, тотчас опять вступить в брак.

Если женщина умирает во время беременности, то шаманка вырезает из нее плод, после чего мать и утробного младенца сжигают.

Мертворожденных детей погребают в землю, потому что, по их словам, рожденный неживым для сожжения негоден.

Коряки, живущие в безлесных местностях, относят своих покойников в горы и бросают их там в пещеры. Но если умирает богатый — Gitoeritschan, то нужное для сожжения трупя дерево подвозят издалека. Такие безлесные места встречаются по Наяхану, Тайносиу, Гижиге и дальше — там юрты отапливаются ивовым кустарником и ворванью, которыми также пользуются и для приготовления пищи.

Болезни, которые смертельны у этого народа и не поддаются лечению шаманов, следующие: колотье — Gejoel, головные боли — Lautegil, сердечные спазмы — Lingeling. Раньше болели оспой и многие от нее умирали, но теперь ею не болеют, так же, как французской болезнью, горячкой и перемежающейся лихорадкой. Все носят на шее два амулета из агата или кремня, которые, по их уверению, предохраняют от всех внутренних болезней. При болях в суставах нагревают камень, берут горсть вышеупомянутой травы — Lautejel как универсальное лекарственное средство от всех болезней, скатав ее, прижимают к накаленному камню и прикладывают затем к больному месту такой горячей, насколько больная может вытерпеть; лечение это проделывают шаманы и при этом камлают.

На опухоли и нарывы прикладывают сырые заячьи шкурки и часто их меняют. Этот способ лечения имеют также тунгусы и ламуты.

О шаманах, их действиях и традициях. Если отец шаман, а мать — повивальная бабка и колдунья, то дети наследуют их чудесные свойства. Прежде чем стать шаманом или колдуньей, человек должен сначала научиться искусству бить в волшебный бубен, упражнение их в этом происходит ночью без огня и света. Они утверждают, что тогда через вход в юрту к ним приходят маленькие человечки, среди которых находятся также духи умерших родителей. Я имел случай видеть такого вновь формирующегося шамана как у ламутов, так и у коряков. Можно сказать одним словом, что смотреть на это страшно. Я не знаю, возможно ли притворство при выполнении столь мучительных приемов, потому что при этом человек распухает, бьет руками и ногами, закатывает глаза, изо рта брызжет кровь, а крики, при этом издаваемые, невыносимы. Впечатление ужаснее, чем от припадков эпилептика. Конечно, можно было бы удивляться, если бы все эти действия продолжались полчаса или час и тут можно было бы предполагать притворство, но такое неистовство продолжается свыше трех часов, а то и четыре часа, причем ежедневно; когда оно прекращается, то бесноватый после этого поет и приобретает свой естественный вид и не имеет никаких ощущений, как будто бы ничего и не было.

Будучи свидетелем такого беснования, я спрашивал этих будущих шаманов, почему они так беснуются, не болит ли у них после стольких ударов тело? На это я получил ответ, что сами не знают, что бесновались, а только беседовали со своими родителями и с маленькими человечками. Пожилые шаманы утверждают, что их часто мучают дьяволы;

происходит это тогда, когда они своим волшебным бубном скликают к себе дьяволов, но не оказывают им должного уважения или недостаточно усердно приносят им жертвы. Другие же говорят, что дьяволы ведут между собой войну и если на войне их прогоняют, а их собственный шаман в это время их призывает, то они с досады дают его идушат. Затем дьяволы якобы покидают иногда своего шамана и переходят к другому, а бывшего своего хозяина мучают, пока он не умрет; сильные шаманы насылают на других людей муки, и между ними царит постоянная зависть, так что если сойдутся два шамана, то более слабый никогда не осмелится камлатъ в присутствии более сильного.

Волшебный бубен — Joejoe похож на ламутский бубен; он овально-круглый, обтяжка — Joejoeipalgu сделана из китовой перепонки — понты (из оболочки печени кита). Через края крест-накрест протянут ремень, называемый Joejoeiln, за него шаман держит бубен. На внутренней стороне вверху имеются два железных полукольца, на них висят мелкие бляшки, кости, железные побрякушки, так что, когда шаман бьет в бубен, они двигаются и ударяются о бубен; называются они Ka-a-atscho, тут же привязан и пучок травы Lautejel. На наружной стороне обтяжки изображены: солнце с рогами, руками и ногами, орел, луна, кит на лине, байдара, в которой стоят два коряка, один сзади на руле с веслом, а другой спереди с гарпуном — Autakla. Это все намалявано красной краской (рис. 6).

Волшебная колотушка для бубна сделана из китового уса в $\frac{1}{2}$ аршина длины и обтянута собачьим мехом; называют ее Joeikkurplan; камлают корякские шаманы все сидя, большей частью обнаженные, у лестницы — Gigigi.

Еще имеют они кумирную дощечку — Kalita, или Tölitö, но само слово значит — праздничная доска, или доска радости; она имеет $\frac{1}{2}$ аршина в длину, $\frac{1}{4}$ аршина в ширину и два дюйма толщины; в середине имеется четырехугольное отверстие, через которое вдвойне пропущен ремень и закреплен клином: на ремне подвешены их идолы: Itschuwut — в образе женщины и Kamakil — в образе мужчины. Оба сделаны из дерева; женщина с рогами, а мужчина в образе обыкновенного человека, оба окрашены в красный цвет, кроме этих двух тут же подвешен вырезанный из дерева медведь с длинным свинцовым хвостом, перекинутым через спину. Такого медведя они называют Kien-e-Kamakil. Далее на кумирной дощечке висит немного травы Lautejel, ее будто бы оставил им. Kutkinashi. Этой дощечкой они в новолуние месяцев Tuddjoen и Zeirajoel трещат над огнем перед отправлением на промысел. Эти два праздничных дня называются Ielkattaul.

Некоторые шаманы, наевшись мухомора — Warasch, начинают предсказывать будущее. Другие же едят его потому, что они от этого пьянеют.

Мухомор у коряков — угощение богачей, бедные же довольствуются мочой последних; когда такой опьяневший от мухомора мочится, то к нему сбегаются многие и, выпив его мочи, пьянеют еще больше, чем

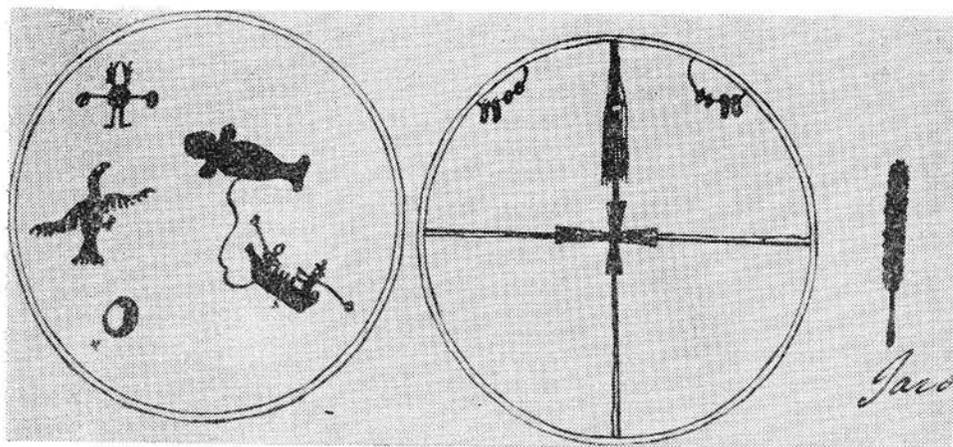

Рис. 6. Изображения на наружной стороне обтяжки волшебного бубна.

сам наевшийся мухоморов. Эти грибы собирают летом и сушат; перед едой гриб свертывают, макают в жир и проглатывают целиком. Но каждый гриб полагается заесть полной ложкой порсы. Зараз можно съесть 5—7, даже 9 грибов, но непременно натошак. Наевшемуся мухоморов связывают руки и ноги, чтобы он не бесновался. На следующий день, когда он проспится, его развязывают. Связывают также и тех, кто после него напились мочи. Когда Gitoepitschan'ы посещают друг друга, то они обычно угощаются сами и угощают своих гостей мухомором.

О китовом промысле коряков и как он производится. В месяцы Tuddjan и Zeirajoel в день Jelkattaul собираются все у Gitoepitschan'a в юрте под вечер, разводится большой огонь, над которым трещат кумирной дощечкой. Во время этой церемонии шаман подходит первым к дощечке, держит над нею руку и поет; за ним то же проделывает Gitoepitschan и потом по очереди остальные. После этого шаман с бубном, приплясывая, обходит трижды вокруг огня, затем бросает в огонь жир—это жертва Kutkinachu. После этого они все садятся за еду, а наевшись, расходятся по домам. На следующий день, когда должна произойти охота, собираются все снова у Gitoepitschan'a, оттуда шаман с бубном идет впереди, бьет в бубен и поет Kõtupe je ellan. За шаманом следуют мужчины, назначенные для охоты, а за ними остальные мужчины, женщины, мальчики и девочки и поют первый куплет. За ними идут сзади двое и поют второй куплет, размахивая при этом руками и делая всякие движения. Третий куплет поют, поводя плечами и жестулируя (рис. 7).

Когда они подошли к берегу, то те, кто назначен на охоту, садятся в байдару и берут с собой шамана, который должен заговорить кита. После этого байдара отчаливает, а другие остаются на берегу. Прежде чем приблизиться к киту, подвязывают по бортам байдары 8 пузырей,

а когда им покажется, что они подошли достаточно близко к киту, то один из охотников становится с гарпуном — Jejoewи спереди и бросает гарпун в кита; остальные же гробут так быстро, как только могут, и быстро спускают ремень, к которому привязан гарпун, чтобы кит не утянул их за собой под воду. Когда они таким образом поймают кита, они возвращаются с ним к берегу, где их встречают с ликованием. Но нередко случается, что кит утаскивает их за собой в море и они погибают. В таких случаях никто не приходит им на помощь, а только говорят, что не следует отнимать у воды то, чего она требует, потому что Kutkinasчi запретил им так поступать. Все ложатся на землю и ползут или же мотают вверх и вниз головой, подобно киту, издавая при этом резкий возглас — Нок-Нок и тихий — Phui, чем они якобы переразвивают кита. Если же лов кончается удачно, то морю приносится в жертву кусок ольхового дерева.

В месяцы Emuadojel и Kedwatschil ловят диких баранов сетями из ремней, которые имеют 8 сажень в длину и свыше одной сажени в ширину, или животных ловят в настороженные петли. На эту охоту берут и женщин. Наловив достаточное количество, производят дележ добычи, и каждый приносит жертву солнцу, луне и огню; в сторону солнца и луны бросают кровь и кусочек мяса; огонь тоже получает свою долю; сверх того, когда они возвращаются домой, то каждый убивает собаку и насаживает ее на шест. Такие же знаки почтения они оказывают и мысу или той полоске земли, на которой охотятся.

Шкуры горных баранов употребляют на одежду, а из их рогов делают ложки и черпаки.

Перед отправлением в дальний путь советуются с шаманом. Если тот разрешит, то никакой жертвы при этом не приносят, но только отъезжающий обязан при отъезде и по возвращении заколоть собаку, какую прикажет шаман, и принести ее в жертву кумирной дощечке и солнцу.

О войнах, которые они ведут, ничего особенного сказать нельзя, так как воюют они не открыто. Но когда они отправляются в поход, то предводитель их надевает на себя костяную броню, которую они называют Gиппотидига, другие же берут с собой луки и стрелы, что делается для того, чтобы они могли выволиться из беды и защищаться, если при тайном нападении они наткнутся на противника.

Если к ним приходит чужой и постучит в лестницу Gigigi, то все сбегаются, готовят толкушу и пляшут, что, как рассказывают, делают и камчадалы.

О снах — Kojoetai некоторые вообще не знают, но говорят, что они спят совсем как мертвые, удивляются тем, которые рассказывают свои сны, высмеивают их и говорят, что, наверно, у такого человека блохи в голове скачут или что он собирается их ловить. Наоборот, у тех, кто признает сны, они большей частью не представляют ничего особенного. Если кому приснится, что у него выпали все волосы, это значит, что он скоро умрет. Видеть во сне выброшенный на берег лед означает иметь

Jungi je ellangi Kamilet je ellang
 Купуворин зрфор фибор зинриг мид / мигр мид фф
 Kaktika Ki Ki Ka Kaktika Kiktika
 По вавриг мид дин Лемдин ффрандин мид мид
 полли зфр Гобавид мид зр лалз алс ди врич.
 Кр Клаге мигр зрфор мид дин аффол мид
 el el el la Hak-Ka Hak-Ka

Рис. 7. Песня коряков в день охоты на кита.

богатую добычу при ловле китов. Натягивать лук так, что он ломается, означает поймать горного барана, лисицу и так далее. Если на кого во сне нападет медведь — это значит иметь убыток в своем имуществе. Больше мне ничего не удалось узнать об их сновидениях.

Имел я также возможность наблюдать, как коряки укрощают бурю. Выходит вечером шаман из юрты, держа в руке пузырь, раскрытый навстречу ветру; начинает камлать и произносит при этом следующее заклинание: Tenentum Olajulgat, ninoeikimukan Kojaple atschetsch Katei. Katei, Kalatscheki. Ojola Joakmit Katei. Katei. Iemoela Mølgepjan gan-pjanto Конро Jemala Jewalnoto Iewalnoe Konpun Joakmat Jeteikil. Он дует в пузырь и крепко его завязывает. Затем он кладет надутый таким образом пузырь в надежное место и оставляет его там лежать одну неделю. По истечении недели вытаскивает он снова пузырь и постепенно выпускает воздух в огонь, после чего, по их мнению, должен опять подняться сильный ветер.

В заключение можно сказать, что коряки вообще очень склонны к колдовству, почитают дьявола, поклоняются солнцу и луне, но формулу их молитвы мне получить не удалось. Почитают также огонь, воду и своего Kutklnachu. Образ жизни у них свинский, они фальшивы, обманщики, и никогда на них нельзя положиться. Это то, что я хотел сообщить благосклонному читателю, и на этом заканчивается мое описание.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Не только Я. Линденау, но и другие исследователи XVIII в. полагали, что название «коряк» произошло от слова коран'а — домашний олень. Так, С. П. Крашенинников, говоря о происхождении названий народностей, населявших полуостров Камчатку, отмечал, что «о происхождении коряцкого имени хотя неизвестно заодно, однако Стеллерово о том примечание, что слово «коряка» происходит от хора, оленя, весьма вероятно: ибо казаки по приходе к сему народу, может быть, часто слыша слово хора или видя, что благополучие помянутых иноверцев состоит в оленных табунах, прозвали их коряками, то есть оленным — народом» (Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки.— Л., 1949, с. 360). Ни это предположение Линденау, ни тем более его другое предположение о том, что название «коряки» происходит от названия горного хребта «Коримки», нельзя считать пригодным для решения вопроса о происхождении названия «коряк».

Первые русские землепроходцы узнавали названия тех или иных народностей от их соседей. Так, например, Ю. Селиверстов, еще не будучи на Анадыре, уже получил от юкагиров сведения о населении этого района. В 1649 г. в челобитной якутскому воеводе Д. Францбекову Ю. Селиверстов писал, что «люди по тем рекам (Нанандыра да Чондон) живут многие, а языки разные — чухчи, ходынцы, коряки, няняулы и иные роды есть» (Оглоблин Н. Н. Восточно-Сибирские полярные мореходы XVII в.— ЖМНП, 1903, май, с. 61). Когда писалась эта челобитная, на Анадыре не бывал еще никто из русских; от С. Дежнева известий еще не было, тем не менее Ю. Селиверстов правильно называет народности и племена, обитавшие в этом районе, а свои сведения он получил от колымских юкагиров, которые называли чукчей «ч'а́кч'а», а коряков «ка́ра́к» (Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском остроге.— СПб., 1900, ч. I, с. 125, 210 и др.). Таким образом, эти названия были заимствованы русскими из юкагирского языка и не являются русским произношением слов «чукча» от «чавчу» — «оленовод» и «коряк» от к'ойан'а — «олень», как пытались объяснить происхождение этих названий Я. Линденау, С. П. Крашенинников и другие исследователи. Необходимо указать также и на следующую деталь. Ближайшими соседями коряков Охотского побережья были эвены, которые называют оседлых коряков хээк (см.: Русско-эвенский словарь.— М., 1952), не исключена возможность, что это название было заимствовано русскими с некоторыми фонетическими изменениями (хээк — коряк).

² Единого самоназвания коряки не имели; сами себя называли по месту жительства, по названию населенного пункта, которое часто совпадало с названием реки. Такие названия по месту жительства были распространены лишь среди оседлых коряков, тогда как кочующие, то есть оленные коряки имели общее самоназвание чавчува, что значит «имеющий много оленей» (такова корякская народная этимология этого слова), и в то же время отдельные группы этих коряков именовались по имени главы стойбища. Самоназвания оседлых коряков по месту жительства сохраняются среди них до настоящего времени.

³ Более точный перевод этого слова значит «огненный иноплеменник».

⁴ Mainetang — это слово скорее может быть истолковано как «большой, крупный иноплеменник». Это название чукчей, видимо, было распространено среди коряков Охотского побережья. Коряки полуострова Камчатки называли чукчей — танн'ув'в'и — «иноплеменник». Очевидно, Я. Линденау не всегда точно транскрибировал корякские слова. Однако вносить какие-либо исправления в его транскрипцию как этого, так и всех других слов, мы не считаем возможным, потому что в его записях могут скрываться диалектные особенности корякского языка Охотского побережья. К сожалению, проверить эти особенности в настоящее время не представляется возможным, так как коряки этого района давно утратили свой родной язык и говорят по-русски. Никаких записей слов языка коряков Охотского побережья, кроме записей Я. Линденау, нам неизвестно.

⁵ Нет никаких оснований полагать, что корякское название камчадалов — Kontschalal якобы значит «живущие на конце». Нам представляется более правиль-

ным объяснение происхождения этого названия, которое дает С. П. Крашенинников (ср.: Указ. соч., с 361—362). Он полагает, что название *Kontschalal* «есть испорченное слово из коочь-ай, что значит жителя по реке Еловке, которая течет в Камчатку и Коочь называется».

⁶ *Tschautschewa* (чавчува) — слово, семасиология которого не очень ясна, во всяком случае это слово никак не может быть истолковано в смысле «проворные», «ловкие». В современном корякском языке, во всех его диалектах и в чукотском языке это слово значит «имеющий много оленей, олений». В языковом отношении чавчуваны составляли особую группу, говорившую на одном диалекте, отличном от диалектов оседлых коряков (ср.: Стебницкий С. Н. Основные фонетические различия диалектов нымыланского (корякского) языка.— В кн.: Памяти В. Г. Богораза.— М.—Л., 1937, с. 285—307. (АН СССР).

⁷ Корякское название юкагиров — *Aetoe* (этэлыд Гаин), вероятно, происходит от самоназвания «одул», видоизмененного применительно к фонетическим особенностям корякского языка, не имеющего звонкого варианта переднеязычного смычного звука «d», который заменяется глухим «t».

⁸ Давая в основном правильную картину расселения оседлых коряков, Я. Линденау почему-то не упоминает коряков, живших по рекам западного побережья Камчатского полуострова южнее р. Подкагирной, а именно на рр. Лесной, Кинкиль, Палана, Кахтана и Воямполка (ср.: Крашенинников С. П. Указ. соч., с. 148). Не упоминает он также ряда важных пунктов обитания оседлых коряков и по восточному побережью Камчатского полуострова, таких, как Ука, Халюля, Русаково, Панкара, и многих других, последовательно упоминающихся и довольно подробно описанных в «Описании земли Камчатки С. П. Крашенинникова» (с. 130—139).

⁹ Межплеменные войны коряков могли, конечно, способствовать утрате оленей и последующему оседанию на берегу моря отдельных групп коряков, но не это обстоятельство явилось основной причиной разделения коряков на оседлых и кочевых, как полагает Я. Линденау. Пастушеское оленеводство и связанный с ним кочевой образ жизни, с одной стороны, рыболовство, морской зверобойный промысел и сухопутная охота при оседлом образе жизни — с другой, — все это возникло в результате постепенного перехода бродячих охотников за диким оленем на оседлость, а также в связи с приручением дикого оленя, а затем и размножением его — к пастушескому оленеводству. Сложение двух отраслей хозяйства, тесно связанных одна с другой, экономически дополняющих друг друга путем обмена продуктов оленеводства на продукты морского зверобойного промысла и рыболовства, явилось следствием естественного разделения труда внутри корякского общества.

¹⁰ *Gitoepitschan* (гынтапычын, гыртапычын) на современном корякском языке означает «старшина», глава патриархальной группы; мудрый, опытный в хозяйственных и общественных делах человек. В качестве имени собственного использование этого слова не встречается, по всей вероятности, здесь идет речь именно о главе патриархальной группы коряков.

¹¹ Трудно поверить в правильность сообщения Линденау. Возможно, имелся в виду мыс Беринга в Тауйской губе.— См.: Морской атлас.— М., 1952, т. 1, л. 62.

¹² Описанный со слов эвенов эпизод борьбы между коряками, с одной стороны, и эвенами и эвенками — с другой, вероятно, соответствует действительности. Постепенное просачивание эвенов и эвенков на территории, ранее занятые только коряками, происходило с давних пор. Этот процесс начался задолго до прихода русских на Охотское побережье. Как видно из этого рассказа, коряки вели упорную борьбу с пришельцами, но вынуждены были покориться превосходящим силам эвенов и эвенков. Необходимо отметить, что приход русских на Охотское побережье немало способствовал умиротворению взаимоотношений между коряками и эвенами. Это обстоятельство привело к тому, что проникновение эвенов на территории, ранее занятые коряками, усилилось. В первой половине XIX в. значительные группы эвенов проник-

ли на территорию Камчатки, где они обосновались на р. Быстрой и в ее окрестностях, на территорию Пенжинского и Анадырского районов.

¹³ Это предположение Я. Линденау, не подкрепленное никакими доказательствами, неубедительно. Более верны и убедительны высказывания по этому вопросу С. П. Крашенинникова, который на основе сопоставления (хотя и не очень подробного) языка, культуры в целом коряков и чукчей приходит к заключению, что «чукотский язык происходит от коряцкого, а разнится от него токма в диалекте» (Указ. соч., с. 179 «...и должно по самой справедливости, ибо и чукчи сущие коряки...» (Указ. соч., с. 449). Этот вывод С. П. Крашенинникова нашел подкрепление в ряде работ исследователей XIX—XX вв. (ср.: Дитмар К. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах.— Вестник Русского геогр. об-ва, 1855, кн. VI, с. 52—56; 1956, кн. I, с. 22—35; подробно и обстоятельно обосновано генетическое родство чукчей и коряков в работе: Bogoras W. G. Chukchee. Handbook of American Indian languages. P. 2. Washington, 1922, с. 631—903).

¹⁴ Это утверждение Я. Линденау не совсем верно, так как на территории, занимаемой чукчами, они сжигали покойников только в тех местах, где имелся лес. На крайнем севере и северо-востоке нет топлива, и поэтому здесь чукчи оставляли покойников на возвышенных местах непогребенными.

¹⁵ Здесь Я. Линденау имеет в виду, очевидно, не всех чукчей вообще, а только так называемых «пеших», под которыми вплоть до XIX в. подразумевались и азиатские эскимосы. Интересно, что в начале XVIII столетия русскими учеными был поставлен вопрос о происхождении человека в Америке. Уже тогда, как можно судить об этом по замечанию Я. Линденау, предлагалось два решения этого вопроса, а именно: заселение Америки с Азиатского материка и заселение северо-восточных окраин Азии аборигенами Америки. Так, пользуясь наблюдениями Г. В. Стеллера, полученными им во время Второй Камчатской экспедиции В. Беринга, участником которой он был, С. П. Крашенинников приходит к твердому убеждению, что «в рассуждении близости обеих частей света в севере никто не скажет, что из Азии нельзя было переселиться жителям в Америку» (Указ. соч., с. 179). В связи с решением этой общей проблемы в середине XIX века начинает подробно изучаться вопрос о происхождении эскимосов. Л. Г. Морган в своей книге «Древнее общество» приходит к выводу, что водворение эскимосов на Американский континент произошло лишь недавно или в новейшее время (Указ. соч., с. 104). Этот взгляд Морган разделял и К. Маркс, который отмечал, что «все многочисленные туземные американские племена (за исключением эскимосов, которые не являются туземцами) произошли от одного первоначального корня» (Архив Маркса и Энгельса, т. IX, с. 78). Новейшие археологические исследования американских и советских археологов с неоспоримой убедительностью доказывают азиатское происхождение эскимосов Америки.

¹⁶ Фриз (Vries) — голландский мореплаватель первой половины XVII столетия, именем которого в первой половине XVIII в. назывался пролив, отделяющий Азиатский материк от Американского.

¹⁷ Нет никаких оснований сблизать значение коряцкого слова Inidda (иничил, чук. инэтрл — пай, доля, взнос) со словами «ясак», «дань». Во всех диалектах коряцкого языка — ясак, дань переводится словом «тақанан», которое происходит от основы со значением кланяться. Это слово, видимо, возникло только с появлением ясака. Нет также никаких оснований утверждать, как это делает Я. Линденау, что часть добычи (вообще, а значит — и морского и сухопутного зверя), отдававшаяся охотником Gitapitschan'y (старшине), называлась ясаком, или данью. Ни в одном документе, ни в одной работе о коряках не говорится о том, чтобы охотники давали часть своей добычи в виде ясака или дани старшинам.

¹⁸ Причины восстания коряков Охотского побережья кроются, конечно, не в этом.

¹⁹ Видимо, здесь речь идет о татуировке.

²⁰ Подзор — подвесная кайма, украшение, опушка одежды.— См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка.— М., 1955, т. 3, с. 174—175.

²¹ Сутуры — шаровары кожаные, меховые, тюленьи или из выделанной рыбьей кожи.— Там же, т. 4, с. 365.

²² Чиж и — чулки из пыхика, шерстью внутрь.— Там же, т. 4, с. 604.

²³ Алатчики — аларчики — коты, или кенги, и якутские башмаки к оленьим голенищам; также торбаса с длинными голенищами выше колен.

²⁴ Култук — *сиб.* балка, овраг тупиком; *касп., аральск., байкальск.* маленький морской залив.— Там же, т. 2, с. 216.

²⁵ Балаган — амбар на столбах.

²⁶ Жупан — кмч. подземная труба для впуска воздуха в юрту во время топки.— См.: Даль В. И. Указ. работа, т. 1, с. 547.

²⁷ Сельница — неглубокое, тонко отделанное корытце, лоток, в который сеют муку.

²⁸ Судя по описанию Я. Линденау, приготовление горячей пищи у коряков осуществлялось таким же способом, как и у ительменов Камчатки, которые с помощью раскаленных камней варили пищу в деревянной посуде.— См.: Крашенинников С. П. Указ. работа, с. 380.

²⁹ Тесло — орудие, у которого железо поставлено не вдоль топорнища, как у топора, а поперек.— См.: Даль В. И. Указ. работа, т. 4, с. 403. В современном корякском языке имеются оба термина: и *Gatthe* и *A-al*. Первым называют тесло, а вторым — обычный топор.

³⁰ Чесалка — род лопаточки, длинной щетки, которой сами себе чешут спину.— См.: Даль В. И. Указ. работа, т. 4, с. 598.

³¹ Порса — рыба мука.

³² Качемаз — провесная или вяленая рыба осенней заготовки, не столь сухая, как юкола, идет на корм собакам.— См.: Даль В. И. Указ. работа, т. 2, с. 99.

³³ Сыроежка — смесь всячины.

³⁴ Акип, акипка — тюлений щенок.— Даль В. И. Указ. работа, т. 1, с. 8.

³⁵ Белуга — так ошибочно называют белуху — морское животное, его промышленно для ворвани, как кита.— Там же, т. 1, с. 155.

³⁶ Кумжа, кунжа — лососная форель, крошица.— Там же, т. 2, с. 217.

³⁷ Турпан — ошибочно вместо тупан — морская утка.— Там же, т. 4, с. 443.

³⁸ Дягиль — травянистое медоносное растение, сем. зонтичных.

³⁹ Камлейка — верхняя глухая одежда, предохраняющая меховую одежду от сырости (дождя, снега), шьется из оленьей замши или плотного материала. Во времена Линденау — из оленьей замши (ровдуги).

⁴⁰ Кострика, кострá — внутренняя одревесневшая часть стебля волокнистых растений, раздробляемая и отделяемая от волокна при трепании.

⁴¹ В зимнее время коряки заготавливали воду для питья и приготовления пищи из льда или снега, так как достать воду из сильно промерзавших речек и озер было делом очень трудным.

⁴² Обычно принято было считать, что все народы Северо-Востока Азии, в том числе и коряки, освещались в прошлом при помощи плоских, в которых горел жир.

Я. Линдену сообщает о другом способе освещения жилища коряков, неизвестном корякам Камчатки.

⁴³ Gansa (канча) — курительная трубка; слово, заимствованное коряками от своих тунгусо-маньчжурских соседей (эвенов, эвенков), которые, в свою очередь, видимо, позаимствовали это слово вместе с самим предметом у маньчжуров.

⁴⁴ По имеющимся в настоящее время историко-этнографическим сведениям, коряки были более древними обитателями Охотского побережья, нежели эвены. Последние появились здесь задолго до прихода русских. На Охотском побережье они застали оседлых коряков и оленеводов. В связи с этим трудно согласиться с утверждением Я. Линдену, будто коряки позаимствовали у эвенов езду на собаках. Вряд ли таежные охотники, какими были эвены, могли передвигаться по тайге на собаках. Вероятнее всего передвижение на собаках, особенно упряжка их цугом в длинные нарты, было занесено на Охотское побережье русскими промышленниками, от которых и позаимствовали эвены и коряки этот способ передвижения на собаках. Очень верно последнее замечание Я. Линдену о том, что в старину они везли свои сани сами или же впрягали в них оленей.

⁴⁵ Баран — передний верхний вязок у нарты, привязываемый (прикрепляемый) за головяшки полозьев, на нем держится потяжной ремень упряжки собак.— См.: Даль В. И. Указ. работа, т. 1, с. 47.

⁴⁶ Вардина, вардень — верхний, прикрепленный вдоль дощатого настила брусок (круглый); прикрепленный на верхние концы копыльев нарты.— См.: Богораз В. Г. Областной словарь Колымского русского наречия.— СПб., 1901, с. 29.

⁴⁷ Кинера — ремень, с помощью которого привязывается нижний конец копыла к полозу нарты.— Там же, с. 66.

⁴⁸ Веска, вязок — перекладина, соединяющая копылья нарты; на эти перекладыны укрепляется дощатый настил нарты.— Там же, с. 37.

⁴⁹ Потяг — длинный ремень, одним концом прикрепленный к барану нарты; к этому ремню пристегивают попарно собак в алыках.— Там же, т. 3, с. 361.

⁵⁰ Алык, или алак. — собачья и оленья ляпка, шлейка, хомутник, часть упряжки, надеваемая на плечи оленя или собаки. От алыка идет постромка к потягу.— Там же, т. 1, с. 10.

⁵¹ Буслики — Wolwojoeg буквально «вороньи лапы», «лыжи-ракетки» (ступательные).

⁵² Юкса, юкша — стремянка в лыже, мочка для ноги.— См.: Даль В. И. Указ. работа, т. 4, с. 667.

⁵³ Тул — колчан, закрываемая от непогоды трубка для хранения стрел.— Там же, т. 4, с. 441.

⁵⁴ Беседа — место под навесом на лодках.— Там же, т. 1, с. 85.

⁵⁵ Тогоена — на аляutorском диалекте это двухлопастное весло.

⁵⁶ Носок — гарпун, бросковое копье, острога с одним зубцом для охоты на кита.— См.: Даль В. И. Указ. работа, т. 2, с. 556.

⁵⁷ Клепцы — небольшой капкан на куницу, лису, зайца.— Там же, т. II, с. 117.

⁵⁸ То же отмечает и С. П. Крашенинников, когда говорит, что «сумневаться почти не можно, что у них (коряков. — *З. Т.*) по разным острогам не было в языке по крайней мере такой же отмены, какова у камчадалов южных и у сидячих коряк по разным острогам примечается» (Указ. соч., с. 360—361). Говорить о том, что каждый корякский острог имеет свой особый язык, не приходится. Я. Линдену, очевидно, имеет в виду диалектные и говорные отличия, что подтверждается его нижеследующим пояс-

нением: «если даже слова и одинаковы, то всегда есть отличие в произношении». Грамматического строя языка он не принимает во внимание совершенно.

⁵⁹ Это чисто субъективное восприятие автора, никакого «проглатывания» первых и последних слогов нет в корякском языке. Такое замечание Я. Линденау тем более несправедливо потому, что тональное ударение падает обычно на первый слог.

⁶⁰ Недорость — шкура оленьего теленка или шкура взрослого оленя, на которой шерсть, вылиняв, не совсем еще подросла.

⁶¹ Постель — шкура зимнего убоя оленя, использовалась для подстилки.

⁶² Жакап — стена юрты, противоположная входу.

СЛОВА КОРЯКСКОГО ЯЗЫКА, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ТЕКСТЕ РУКОПИСИ Я. ЛИНДЕНАУ О КОРЯКАХ

A-al — железный топор	Gaddjetschan — налучник
Askagan — морской рак	Gaddjodjo — вяленое тюленьё мясо
Aeloek — лето	Gansa — трубка
Aenigo — бог	Gatthe — тесло
Aetoe — название юкагиров	Gbakmoetoe — совок
Agitt — лук	Geginni — сеть
Aloelu — псвязка с наушниками из беличьих хвостов	Gejoel — колоть
Amma — повивальная бабка	Geju — лист дикой моркови
Amme — шаманка	Ge-oet — раковина
Ampschiginmin — кислица	Gibatsch — китовые жилы
Amuagajella — апрель	Gidiwoldiu — варднна у нарт
Antschikla — чихание	Gigi — гарпун для ловли тюленей
Anutschetschaneja — август	Gigigi — лестница
Asinnap — маленькое весло	Gigiln — петля ременная
Atoeilgan — потяг у нарт	Gigiunoetik — сани
Atschuwash — маленькая корюшка	Gikkijema — вилкообразные стрелы с железным наконечником
Atta-jejang — собачья конура	Gimallun — чесалка
Attewaат — байдара	Ginnogeng — дымовое отверстие
Au-ek — синяя лилия	Ginnomuediga — костяная броня
Autackla — гарпун	Gitkamkau — колдовской камень
Bakangalwo — места для сидения в байдаре	Gitoepitschan — князец, старшина
Batschan — название пеших тунгусов	Giwi — летний год
Bilulu-gat — концы, свисающие с байдары	Godjan — кушанье
Digin — белуга	Goina — ложка
Djagu — тальник	Goniwon — подзоры
Djonmalgan — декабрь	Gowijoelin — солнечное затмение
Doede-ang — улитка	Guckgun — колдовской камень до обработки
Elluajil — май	I-au — крапивные волокна
Elluwauing — Большая Медведица	Iddi — парка
Emuadojel — октябрь	Iddjoen — кухлянка
Eng-ge-eng — клей	Inanutschenit — отделка из бисера и вышивки
Enjeddjackon — стержень	Irgapa — древко
Enpackiju-a — боа из беличьих хвостов	Ingoellening — шаман
	Inidda — дань
	Inigi — полор, сеть
	Injini — утро

Innoennewinnang — каток
 Inukgui — послед
 Inumtschuwel — плата шаману
 Itigi — настороженный лук
 Lungi — крупный кит

 Jeaujewa — Млечный Путь
 Jejoewu — гарпун из камня
 Joeckan — жупан
 Joeikkuplan — колотушка для бубна
 Joejoe — бубен
 Joejoeiln — ремень в бубне
 Joejoeinalgu — обтяжка бубна
 Jojo-ang — спальные помещения
 Jokalan — название якутов
 Junjuttuam — стрелы с костяным наконечником
 Jupilnang — вход

 Ka-a-atscho — разные побрякушки в бубне
 Kaiton — мерзлая рыба
 Kajoetsching — полночь
 Kalita — кумирная (праздничная) дощечка
 Kalnoeka — детская рубашка
 Kaltan — ведро для воды
 Kamakaliu — бог
 Kamoeng — деревянное блюдо
 Katakak — кета
 Kawalik-mack — стрелы
 Kediwatschil — ноябрь
 Kelila — ларга
 Kenunga — кочерга
 Kesukoew — березовый гриб
 Kien-e-Kamakil — вырезанный из дерева медведь
 Kigijala — гром
 Kitkittack — весна
 Kitschak — киль
 Kodjametschinka — Плеяды
 Коемое — серьги
 Коерое — качемаз
 Koing-ang — черпак
 Kojajil — апрель
 Kojajoemte — название оленных тунгусов
 Kojoetal — сон
 Koklatschan — кит среднего размера
 Kolei-oele-oele — помёт
 Komejoet — меховые чулки
 Koneite — сутуры
 Kontschalae — название камчадалов
 Kujelkail — вечер
 Kujem — штаны
 Kumilajela — молния
 Kukjang — котел

Lackalanjoe — юрта
 Lautanckeng — «баран» у нарт
 Lautegil — головная боль
 Lautejel — январь, пучок травы
 Lingeling — сердечные спазмы
 Lingnatallait — полдень
 Lokalang — зима
 Lugu — березовая кора

 Mainetang — название чукчей
 Manachteik — дьявол
 Mawot — аркан, которым ловят оленей
 Melleg-owal — железный нож
 Mellegu-al — железный нож
 Milegetang — название русских
 Minneacksa — браслеты
 Mitschiwei — трава, напоминающая лен
 Moelckamoel — балаган
 Moemoel — нерпа
 Moetu — челнок
 Mullumoen — моховые тампоны

 Nalgan — масса из сушеной рыбьей икры с водой
 Nauke — женские штаны
 Nebutschoek — женские сапоги
 Nejoeng-a — летнее жилище
 Nellagajun — коврик
 Nellega — сырая шкура
 Netschekatsch — кунжа
 Nidigan — щавель
 Niewigijen — женская парка сзади с хвостом
 Nigitscheaut — узкие ремешки

 Oala — каменный нож
 Oiwalga — деревянный крюк на байдаре
 Ojoekoel — название коряков тунгусами
 Omjakkidiwatschil — март
 Omillagang — лить
 Omoejelplan — февраль
 Owala — каменный нож
 Owinojoenajil — июль
 Ozjungat — палки для колдовского камня

 Rajar — копылья у нарт
 Rajutscha — чашка для питья
 Paltan — каменный топор
 Pancka — верхняя шапка
 Panckapi — нижняя шапка
 Pigultun — маленький кит
 Pillegan — ремешки из горла ларги
 Platan — каменный топор
 Ploeko — сапоги
 Ploeloeckit — сапоги, как у камчадалов
 Poimack — ромбовидные стрелы с крючком

Pojaazing — кинеры у нарт
 Pokajoeta — вяленое мясо
 Porsa-gigu — порса

Somali — нарты

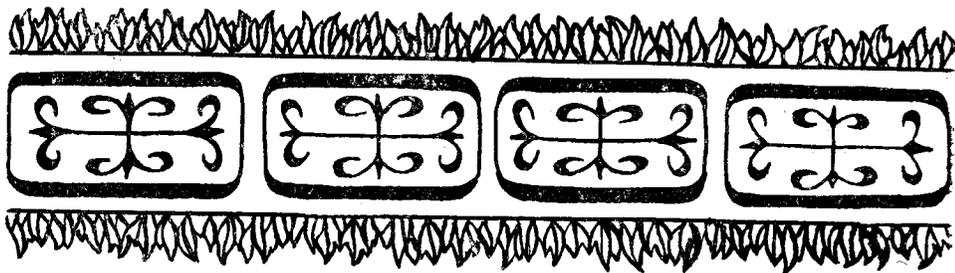
Tajoejik — алык (часть нарт)
 Thatoe — маленький стержень
 Tigat — лыжи, подбитые камусом
 Tillatan — узкий проход
 Tinjoepkolu — чашка из травы
 Tintin — дягиль
 Tittiga — игла
 Tnatoe — палочка
 Toelitoe — кумирная дощечка
 Toeloenta — коса
 Toewoel — весло
 Tomtom — кедровая хвоя
 Toncka — лохань для воды
 Tschautschewa — название оленных ко-
 ряков
 Tschelaju — толкуша
 Tschewa — ольховая кора
 Tschiwazin — доска на байдаре
 Tschumom — ломки

Tschuplan — фальшивые рукава
 Tuddjoen — июнь
 Tuidjatschik — осень

Udina — ложка из рога
 Udjug — нерка
 Uji — душа
 Unuutschiwuotkilkitsche — вязки у нарт

Wapach — мухомор
 Weitschewitschugat — мешок
 Witiwit — мальма
 Wittuwit — тюлений щенок
 Wojadiwat — тетива
 Wojemka — кожи молодых тюленей, ок-
 рашенные в коричнево-красный цвет
 Wojemuwolaigul — вьюн
 Wojengilplan — настоящие рукава
 Wolwojoeg — лыжи из березового дере-
 ва
 Woniwa — кусочки кожи для украшения
 одежды

Zeipajoel — сентябрь
 Zilewa — вещь из серебра

Описание бурят, или так называемых братских,
которое собрано в 1745 г. в путешествии от Качуга
к Байкалу, а также о кыштымских
и барабинских татарах*

Находясь некоторое время среди бурят в селе Качег¹ и во время путешествия на Далай, который обычно называют Байкал, я имел случай составить краткое описание этого народа. Правда, оно не так подробно, как требовалось по инструкции, но виной этому различные обстоятельства.

То, что можно сообщить об этом народе, дано в нескольких главах.

Глава 1. О происхождении бурят

Буряты, как бы они сами себя ни называли, происходят от монгол, о чем свидетельствует их язык и все стороны жизни. Однако можно предполагать, что среди бурят имеются выходцы из других народов, которые со временем смешались с бурятами, приняли их обычаи и считаются бурятами. Правда, некоторые утверждают, что буряты составляют один народ с якутами, но для этого нет никаких оснований. Сами буряты считают, что якуты особый народ и владели этой землей, на которой живут буряты, еще до прихода последних. Однако у бурят, как и у якутов, существует предание, что произошли они от *Omogon'a*, которого потом киргизы или, как некоторые утверждают, монголы прогнали с Далая. Мне известны только два монгольских рода — хоринцы

* Lindenau J. Beschreibung von den Buräten oder so genannte Bratzki, welche A° 1745 auf der Reise von Katschega nach dem Baikal gesammelt, nebst von dener Kischtimischen und Barabinischen Tataren.—ЦГАДА, ф. 199, № 511, ч. 1, д. 6, л. 1—22.

и атаганы, которые живут в Селенгинской области. Остальные находятся в Монголии.

Буряты, которые живут в Иркутской губернии, утверждали, что имели раньше только двух родоначальников по имени Ikirit и Buluga².

Ikirit имел восемь сыновей: Tscheno, Bisigin tscheno, Bura, Abadsai, Bisigin abadsai, Olson, Bajindai, Hengeldur.

Buluga имел шесть сыновей: Wojin, Babai, Choromtschin, Atschebagas, Abanagas и Chaganus. От них потом произошли различные роды бурят, которые существуют и до настоящего времени и имеют над собой двух тайшей.

Ikirit и Buluga были братьями-близнецами. Они пришли через киргизскую степь и осели сначала на р. Куда³ и около горы Байтог⁴.

Так как Илимском, городом на р. Илеме, владели русские, то оттуда пришли 30 человек служилых, или промышленников, которые имели начальника по имени Федор Белый, его буряты называют Zagan Tschoder. Русские пришли к реке Тутура⁵, а оттуда вверх по Лене к устью р. Анга⁶. Здесь находился бурятский род Tschenogusk. Русские вступили с ним в бой, тайша Kugghum был убит, а его внук по имени Kudukin — ребенок семи лет — взят в плен и уведен в Илимск. Другие были обложены ясаком. В это же время, как говорят, был выстроен старый Верхоленский острог⁷.

Глава 2. Как буряты называют себя и других

Буряты называют русских Mangut, китайцев — Ketoet, монголов — Mongol, тунгусов — Kalgikschin и Chamnagan, якутов — Jachot, калмыков — Oelöt.

Тунгусы на р. Лене называют бурят Dagur, а тех, которые живут на Киренге⁸, — Danga. Тунгусы, которые живут от Нерчинска по берегам Амура, называются тоже Dagur, а русскими — Daurzi, а местность — Dauria.

Глава 3. Под чьей властью они раньше были и об их начальниках

Буряты издавна, как начали кочевать, не были ни под чьей властью, пока не пришли русские. Имели они над собой тайшу, за которым следовали зайсаны, или зайхуны, шуленги и бошки⁹. Назначать на эти должности и снимать с них имел право тайша. Зайхун — это судья или управляющий. Он решал дела небольшой важности. Шуленги — это подчиненные судьи, имеются в каждом роде. Бошки назначаются шуленгами, и, если нет никаких судебных дел, они используются как посыльные. Бошки обо всем докладывают шуленгам, эти в свою очередь докладывают зайхуну, а последний — тайше. Когда имеется важное

дело, то все должны собраться у тайши. Приглашают также некоторых старых людей в качестве посредников (лат. *Modiatores*). Их называют *Dsorgu*. Они на собраниях считаются выше шуленг и бошек.

Глава 4. О шаманских и фигурных камнях

Шаманских камней у бурят имеется четыре: один ниже села Качег, называется *Ajeghu-Tscholon*, или *Nojun-Tscholon*; второй — выше р. Тутуры на р. Лене называется *Adsiarai*, или *Adscharai*; третий поблизости от острова Ольхон, а четвертый у верхнего истока р. Ангары, где она вытекает из Далая. Оба эти камня называются *Nojun Tscholon*.

У этих камней две спорящие стороны приносят клятву — *Amo-dotschuk*. Тот, который должен принести клятву, раздевается догола и говорит следующие слова: *Chuludschüdei Ugei hi nugulini Kudular guddscherhen Kundu Kurgochara Sagagini Ilgadschi bai b*, а в переводе Линденау: «не крадивал, не едал, а быть на том греху, кто на меня напрасно клепал, а кто из нас виноват, то ты разбери».

Когда он это произнесет, его обвязывали веревкой вокруг туловища и спускали с вершины камня вниз. Когда он достигал половины камня, он должен был 13 раз обнять камень. После того, как он это сделает, его поднимают наверх и спорящие расходятся. Согласно обычаю, после возвращения от камня приносят в жертву овцу, а шкуру ее развешивают на березе, головой кверху. При этом надо отметить, что каждый камень получает овцу особой масти. Камень *Ajechu Tscholon* — белую; камень *Adsiarai* — черную, тот, который находится на Ольхоне, — коричнево-пеструю, а тот, который у истока Ангары, — черно-пеструю овцу или жеребенка.

Кроме жертвоприношений при клятвах у них еще бывают жертвоприношения осенью и весной. Происходит это на особых равнинах или на горе. При таком жертвоприношении они произносят слова: *Tailga ogulaneng bidda*, а в переводе Линденау: «в честь тебя приносим».

Камни, на которых высечены фигуры (писанцы. — *З. Т.*), можно встретить от села Качег до р. Тутуры. Эти фигуры изображают только лошадей, людей, луки и т. д. Можно предположить, что они не что иное, как прежние символы якутов, так как никакой другой народ, который жил в этих местах до бурят, не имел другого скота, кроме овец.

Я сам во время моего дальнейшего путешествия видел, что у якутов еще сохранился этот обычай. Так, если какая-нибудь группа якутов разделится и разоидется в разные стороны, а потом часть ее снова вернется назад, то вернувшиеся имеют обыкновение вырезать на деревьях столько фигур, сколько вернулось людей, причем все фигуры стоят вертикально, а если из вернувшейся группы кто-либо умер, то его вырезают в лежащем положении.

Якутский взвоз — это проложенная дорога, которую сделали якуты до того времени, пока они не были отсюда изгнаны. Взвоз называют они *Köböliur*¹⁰.

Глава 5. Об их жилищах и прочих постройках

Буряты имеют как зимние, так и летние жилища, которые они не меняют. Называют они их Нöгү, или *Volgahan*. Жилища эти восьмиугольные, как у ламутов, делаются из коротких балок в $\frac{1}{2}$ сажени длины. Крыша делается из плах, засыпается землей и навозом. В середине наверху имеется отверстие для выхода дыма. Внутри жилища имеется очаг. Дверь выходит на восток. Внутри кроме очага, по-бурятски — *Galgalumtin*, стоят четыре столба, врытых в землю, на них опирается крыша. Внутри с правой стороны от входа имеется отгороженное место — *Regina*, а над ним сделан дощатый навес, как в птичнике. В этом закутке содержатся телята и ягнята. Напротив входа стоит кровать хозяина, которую буряты называют *Gender*.

У бурят имеются еще другие жилища из войлока — *Ihigei*, их можно встретить на Далае.

Глава 6. Об одежде, которую носят мужчины, женщины и девушки

Одежда мужчин — это длинный меховой халат — *Digil*, сверху покрытый китайкой — *But*, или *Goli Torgon*. Халат застегивается с правой стороны на пуговицы под мышкой¹¹. По борту он украшен бобровой оторочкой, а дальше за ней имеется красная полоска из ткани в два пальца шириной. Такой же *Digil* носят и женщины. Для охоты, которая начинается осенью, когда выпадает первый снег, мужчины надевают вместо *Digil*'а короткую шубу — *Gorelku*. Она походит на якутский *Sangijak*¹² и сделана из волчьих шкур, а перед из черного козьего меха. Поверх надевают буряты *Belaptschi*¹³, как якуты. Затем носят пояс — *Bighoe*, сделанный из многих посеребренных пластинок. На таком поясе с левой стороны висит кисет — *Kaptagai* и огниво — *Kata*.

Еще имеется у бурят длинная, спускающаяся ниже колен зимняя шуба — *Dachu*, сделанная из шкур диких коз — *Iman'ov*. У них шерсть напоминает светлую волчью шкуру. Такая *Dachu* имеет широкие рукава, и носят ее поверх другой верхней одежды, подобно кухлянке, которую носят самоеды, коряки, чукчи и камчадалы.

На голове буряты мужчины носят круглую шапку — *Malagai*; сзади с нее свешивается кисточка в три пальца ширины.

Женщины носят большие круглые шапки, отороченные лисьим мехом.

Мужчины стригут волосы наверху, а сзади оставляют висеть косу.

Женщины носят две большие косы — *Tuibi*, которые почти достигают колен. Чтобы косы были толще, женщины вплетают в них на уровне ушей волосы из конского хвоста и скрепляют их со своими волосами широкими серебряными или медными кольцами. Девушки заплетают вокруг всей головы до 50 тоненьких косичек. Спереди на волосах они

обычно укрепляют маленькие красные бисерины, которые они любят больше всяких других. Часто на голове носят особую головную ленту — Malarsch, или Malabs, концы которой свисают на грудь. Концы этой головной ленты украшены всякого рода медными побрякушками и монетами.

В ушах носят большие серьги — Nilsko, или Niech, на концах которых висят крупные бусины. Оба конца серег соединяются лентой, украшенной монетами, которая лежит на груди.

Детям до одного года на шею подвешивают маленькую серебряную пластинку, размером в полтинник. Такую пластинку надевает ребенку дедушка или бабушка. Мальчики ее носят до 10 лет, а девочки — пока не выйдут замуж.

Глава 7. Об их пище и обычаях

Весной и в течение всего лета буряты собирают сливки — Dsokoi. Зимой их смешивают с мукой и называют это блюдо Zegan-Dsokoi. Летом собирают черемшу — Mangelin и варят ее с рыбой, а у кого есть мясо, кладут туда и мясо. Это блюдо называется Mangelin Tschepashin. Летом черемшу заготавливают на зиму, для чего ее разрезают, сушат и прячут. Употребляют буряты в пищу и молочное блюдо, называемое Тагак. Оно готовится следующим образом: берут свежее молоко — Hupk, кипятят его, затем несколько охлаждают и добавляют в него сметану. Так получают сусло — Тагак, которое едят только летом.

Употребляют в пищу также мясное блюдо — Tatatschi, сделанное из кишок и крови, которые варятся до тех пор, пока не получится кашеобразная масса. Вообще буряты употребляют в пищу мясо разных животных — лошадей, коров, быков, овец и так далее, гусей, уток; едят рыбу и все то, что посылает им природа. Из птиц они не употребляют в пищу орла, так как испытывают к нему особое уважение. Не едят и мясо некоторых животных, как-то: хорька, горностая, евражки, находя, что их мясо имеет дурной запах. Во все свои блюда буряты добавляют черемшу, корень кровохлебки — Huden, змеин-корень — Makahin, которые добывают из мышиных нор. Пьют водку — Агака, сделанную из доведенного до брожения кобыльего и коровьего молока. Ее буряты готовят следующим образом: берут молоко, наливают в длинную деревянную или кожаную, специально для этого сделанную посудину — Togcho (рис. 8а). В ней молоко взбивают до тех пор, пока на поверхности не образуется пена, после чего сосуд закрывают и оставляют молоко закисать. Закисшее молоко — Kigungu выливают в хорошо очищенную чашку — Tschirimtogan (рис. 8б). Она сделана из железа с деревянной крышкой, состоящей из двух частей. Крышка называется Tiptür (рис. 8в). На крышку крепко посаживают изогнутую деревянную трубку — Zorgo (рис. 8г), которая в месте соединения с крышкой

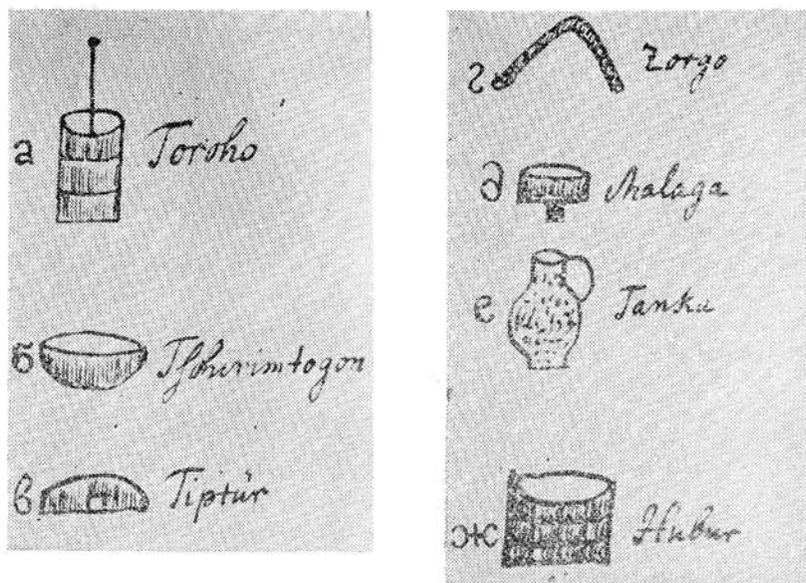

Рис. 8. Посуда для приготовления водки — Арака из кобыльего и коровьего молока.

обмазывается кругом смесью глины с навозом. Другой конец трубки вставляется в Malaga (рис. 8д) и закрепляется той же смесью. Malaga вставлена и закреплена в железный кувшин — Tanku (рис. 8е), а этот в свою очередь находится в лохани — Нүбүр (рис. 8ж), куда непрерывно подливается холодная вода.

Когда же водка вытекла, то вынимают гущу — Bodso, выкладывают в мешок, а сыворотку отжимают. Оставшуюся творожную массу — Agze вынимают и варят с черемшой и мукой. Это их ежедневная зимняя пища.

Глава 8. О скотоводстве и об уходе за лошадьми

У бурят есть лошади, быки, коровы, овцы и козы, которых они называют Тешап. Скот, который буряты используют зимой, они кормят сеном, тот же, который они не используют в хозяйстве, ходит по степи, как у якутов. Их табуны — Adung такие же, как у якутов. Кобылы ходят со своими жеребцами, мерины, которые называются Ongо, ходят отдельно. Жеребца кастрируют в пять лет. Буряты сваливают жеребца Adsarga на землю, разрезают мошонку и выдавливают семенной канатик, проталкивают под него палку, одной рукой подхватывают семенной канатик и придавливают вену большим пальцем, а другой рукой отрывают канатик от вены. Потом они отпускают животное. Быков кастрируют таким же образом.

Глава 9. Об их оружии, которое они раньше употребляли на войне, а теперь на охоте

Лук буряты называют *Нотип*, как ламуты, тетиву — *Kuptschi*. Налучник — *Нотпуга* сделан из кожи, как у ламутов; колчан для стрел — *Nadik* сделан из кожи и всегда обит железом, которое еще украшено серебром. Стрелы вставляют в особые петли, обитые красной материей. Стрела кроме имени собственного называется *Goduli*. Стрелы имеют $1\frac{1}{4}$ аршина¹⁴ длины и украшены у основания четырьмя рядами перьев. У бурят имеется еще большой колчан для стрел — *Köhenik*, который никогда с собой не берут, а держат только дома. Когда они возвращаются домой, то вынимают стрелы из *Nadik'a*, приводят в порядок их оперение и помещают затем в *Köhenik*, чтобы перья не портились (рис. 9). Охотничий нож — *Hölma*, напоминает русскую пальму¹⁵.

Глава 10. Об их средствах передвижения

Для езды мужчины и женщины употребляют седло — *Oemal*, которое сделано как у якутов. Разница между мужским и женским седлом в том, что у женского седла передняя лука¹⁶ широкая, со срезанными углами, у мужского — узкая и сверху заостренная. Обтяжка на седле — *Dibbehe* из кожи и украшена кусками меди. Поверх обтяжки имеется железная пластинка или лента — *Tatur* в один палец ширины. На женском седле с обеих сторон висят 100 штук кожаных ремешков в $1\frac{1}{4}$ аршина длины, которые называются *Gansugu*, а на хвостовом ремне — *Kuthurgu* еще 20 ремешков. Стремена — *Dögöh* из железа, как у татар, и сидят буряты на лошади подобно татарам. Узда — *Goddsar* делается из кожи.

Повозки — *Tirgin* устроены как телеги. Колеса большие, высокие и отстоят друг от друга на одну сажень. Оси — *Thaeli* длинные. К передку повозка уже, а по обеим ее сторонам установлена решетка — *Kartugin*.

Сани — *Tscharga* большие и напоминают русские дровни. Хомут и ярмо называют *Vulga*. У бурят во всех случаях тягловой силой служат быки. Быков они также употребляют и для верховой езды и в этом случае седлают их как лошадей.

Глава 11. О свадьбах и свадебных обрядах

Брак — *Hudaogodushi* такой же, как у якутов. Детей буряты сватают с раннего возраста, а уже в 12 лет бывает свадьба. Плата за невесту — *Adubarashi* производится скотом или путем обмена девочки на девочку. Приданое невесты — *Indsche* переправляется в дом жениха еще до свадьбы — *Hurem*.

Обычно свадьбы устраиваются осенью. Когда назначен день свадьбы, то сначала оповещают родственников, чтобы они явились на свадь-

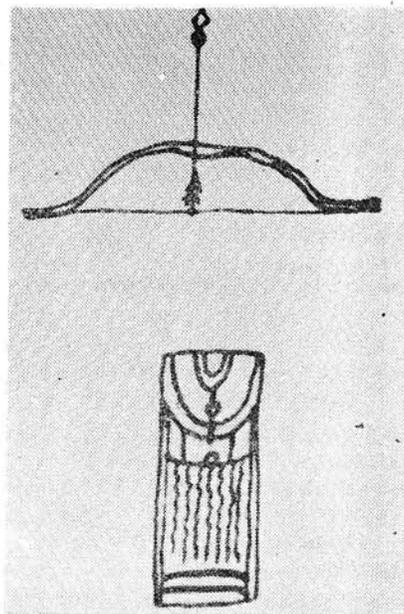
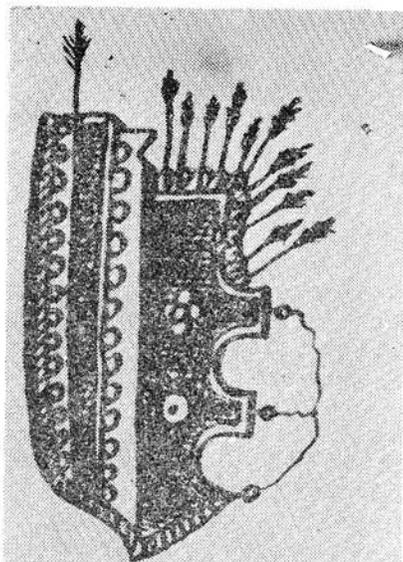

Рис. 9. Колчан для стрел — Köhenik.

бу с подарками, причем родственники со стороны невесты должны дарить скот. У буряг существует обычай, по которому жених приезжает за три-четыре дня до свадьбы и вместе со своими родственниками следит за тем, чтобы невеста не сбежала. Невеста же ищет удобного случая, чтобы сбежать; тогда ее схватывают и помещают в особую юрту в обществе нескольких девушек и тщательно охраняют. Когда наступает день свадьбы, невесту выводят из этой юрты и силой сажают на лошадь, причем девушки пытаются этого не допустить, но в конце концов смиряются с этим. Когда невеста проедет верхом небольшое расстояние, то ее снимают с лошади, надевают на нее свадебную одежду и опять сажают на лошадь, и все едут очень медленно к жениху, так как невеста должна приехать туда обязательно ночью. По приезде в деревню жениха невеста со своими провожатыми идет в специально для нее поставленную женихом юрту — Нögü, которая всегда устанавливается дверью на север¹⁷, а делается это для того, чтобы свекор не заглядывался на сноху. Перед восходом солнца невеста одевается, и ее помещают за занавеску — Kutschugi в той же юрте, а ее отец, приехавший с ней, обязан варить мясо от задней части овцы. Затем приходит в эту юрту мать жениха и с нею две старые женщины. Они садятся против очага спиной к невесте. Затем отец невесты кладет сваренное и мелко нарезанное мясо Salkimdschin на лоток¹⁸, который называется Kidaga, перед пришедшими, и каждый хватает очень быстро сколько сможет. Такое хватание называется Vulachun.

После этого приходят три женщины из-за занавески и стараются незаметным образом пришить матери жениха и двум находящимся с нею женщинам сзади на шапки три маленьких кусочка — Goli. Этот обряд называется Sala. Когда это сделано, мать жениха и две старые женщины встают и, не попрощавшись, уходят.

Когда мать жениха возвращается домой, то расстилает снаружи направо от двери войлок и укладывает на него принесенных божков — Ongö Böh'a.

В это время от невесты присылают кусок китайки — Uрга и кусок из волчьей шкуры — Sanaјach с пришитым сзади кусочком — Goli. Китайку укрепляют на палке в виде знамени, а палку прикрепляют к стене над Ongö, Sanaјach помещают над знаменем.

После этого родители жениха и пришедшие родственники рассказываются и ждут прихода невесты. Она прибывает, окруженная плотным кольцом своих провожатых, с закрытым тряпочкой лицом. Затем приходит жених, встает в это кольцо с правой стороны от невесты и берет ее за руку. Потом делают еще шаг вперед, кланяются трижды и произносят: Tingri Sajan, родители и родственники отвечают: Urukun bulla, затем все делают еще шаг и говорят, как раньше, Tingri Sajan, на это следует ответ: Juri Murin bullu, затем все делают еще шаг и три раза кланяются, произнося при этом те же слова: Tingri Sajan, на что они получают в ответ: Galduchai — и кричат затем это все вместе. После этого встают те, которые сидели на войлоке или возле него, и идут в юрту. Там садятся отец, мать и старший брат жениха на почетное место, а другие садятся возле. Вокруг огня втыкают четыре ивовых прута — Bugudacha. Когда это сделано, входит невеста со своей свитой и падает на колени перед свекром и свекровью и кланяется им три раза. Отец жениха дает ей шесть кусков вареного бараньего жира, из них два она отдает жениху, два куска тем, кто стоит возле нее, а два куска оставляет себе. Все это они бросают в огонь и произносят при этом: Galdu Kaiba. После этого отец жениха дает ей еще шесть кусков жира, которые она распределяет, как и предыдущие. Эти куски все одновременно бросают отцу жениха и говорят при этом: babai bukaiba. Причем куски бросают ему через огонь, он ловит их в край развернутого войлока, а что падает рядом, схватывают другие. Потом еще дают невесте двенадцать кусков жира; шесть она бросает в подол матери жениха со словами: Ischida-Kaiba, а шесть — старшему брату мужа, если таковой имеется. Когда эта часть обряда заканчивается, невеста кланяется три раза и со всей своей свитой возвращается в свою юрту. Когда она туда входит, она сбрасывает с лица покрывало. Следом за ней входит свекор и предлагает (божкам) вареную лошадиную голову, отрезает от нее три куска и зарывает это мясо там, где находится очаг; затем срезает с лошадиной головы остальное мясо и распределяет его между присутствующими.

После этого все едят и пьют. Пока длится свадьба, жених обязан за всеми ухаживать, а когда она кончается, то он идет к своей невесте.

Глава 12. О временах года, месяцах и днях

Год буряты называют Dschil. Солнечный год имеет 12 месяцев, а лунный — 13 месяцев, но живут они по первому, то есть солнечному году. Подобно тому, как месяцы имеют свои особые названия, так и каждый год имеет особое наименование.

Новый год начинается с месяца Ку, который соответствует сентябрю. Именно к этому времени буряты имеют изобилие пищи и переезжают в свои зимние жилища. За месяцем Ку следуют: Ulara, Uri, Gorang, Bogo, Husa, Ulandsudu, Jekche-Burgan, Besegin-Burgan, Hobe, Oltscha, Hodschor. Год у них разделяется на четыре части, как-то: осень — Namur, на нее приходится месяцы — Ku, Ulara и Uri; зима — Obuel, на нее приходится месяцы — Gorang, Bogo и Husa; весна — Habur с месяцами Ulandsudu, Jekche-Burgan, Besegin-Burgan и лето — Nadschir с месяцами — Hobe, Oltscha и Hodschor.

Годы имеют свое отдельное обозначение, а именно: первый год называется Huluguna (или перед «Н» есть еще «К» — мышинный год, Ukir — год скота, Bar — год тигров, Tolai, или Zindagan, — заячий год, Honing — овечий год, Murgu — лошадиный год, Mogoï — зменный год, Mischin — звездный год, Takja — куриный год, Noihoi — собачий год, Gachai — свиной год, Loth Dschil — беличий год, который является последним годом, а когда он проходит, то начинается снова год Huluguna.

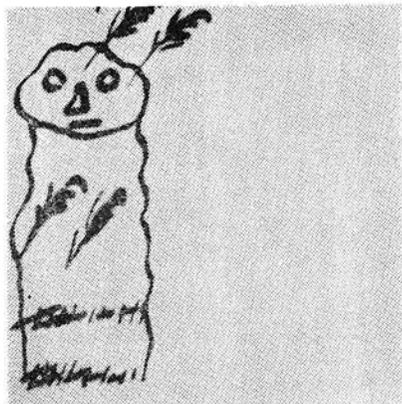
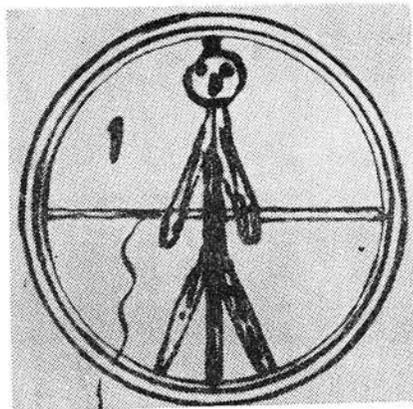
Глава 13. О погребении умерших

Когда умирает богатый бурят, то его везут в лес со всем его личным имуществом — лошадью, оружием, седлом и так далее и там сжигают по обычаю калмыков. Только некоторые из бурят, которые живут вокруг Удинского острога, кладут своих покойников со всем имуществом на помосты, как это делают тунгусы, а некоторые покойников зарывают в землю.

Так как среди бурят свирепствует оспа, то они уходят в лес или на отдаленные горы. Если тайша, зайхун, шуленга или бошка заболевает оспой, то, оставляя при нем одного, уже перенесшего эту болезнь, все остальные уходят. Если же кто умирает от оспы, то ждут окончания эпидемии и тогда покойника сжигают со всем его имуществом и жилищем.

Глава 14. Об их праздниках, или Iekadur

Буряты имеют три праздника, первый — осенью, когда они почитают своих умерших родителей (в новолуние месяца Ку). Во время этого праздника закалывают овцу или несколько овец, шкуру сдирают и со скелетом вешают возле юрты на березовых кольях. Морда овцы при этом должна быть обращена на юг. Мясо варят и кусочек бросают в огонь, при этом все кричат Zök, Zök, Zök, Chaira, Cham bogdo. Также

Р и с. 10. Бурятские божки *Оngo* (слева — «отец», справа — «мать»).

берут немного *Агаки* и брызжут три раза на юг. После этого все садятся, едят и пьют что имеют.

Второй праздник, который буряты справляют, бывает весной, как *Isösch* у якутов, когда из кобыльего молока готовят *Агаки*.

Zök готовится обычно у тайши, куда все находящиеся поблизости привозят свой первый *Агаки*. Если кто находится в отдалении, то вся процедура происходит у шуленгов. Когда же *Zök* начинает бродить, то присутствуют только мужчины. Причем если народу много, то вся процедура происходит на воздухе, где раскладывают особый огонь; если народу мало, то все происходит в юрте. Каждый присутствующий берет в руку чашку *Takschi* и ею черпает *Агаки*, после чего все становятся вокруг огня и льют в него немного *Агаки*. Старейший и присутствующие поворачиваются лицом на восток и кричат вместе: *Tingiri Sijatschi Zök Zök Zök Aduja Otkoh, Albutoja Otkoh, Urija Otkoh, Chani Alboto olom bolgo*. Макают пучок сена в *Агаки* и брызгают вверх — это повторяется 13 раз. Что остается в чашке, выпивается. По-русски (в переводе Я. Линдепау) это означает: «Ты, небесный бог, принимай, табун плодись, ясашные плодитесь, дети плодитесь, чтоб государства ясашны людно было».

Наконец все поворачиваются по солнцу кругом и бросают свои чашки от себя на юг, берут с земли траву, сено или что достанут и суют за пояс с правой стороны. После этого каждый снова берет свою чашку и все садятся пить *Агаки*, пока она есть.

Затем следует третий праздник при жертвоприношениях осенью и весной, когда буряты произносят слова «в честь тебя приносим» (см. гл. 4-ю).

Некоторые при таких праздниках любят увеселять себя музыкой. Они играют на инструменте — *Кох*, или *Нуог*, похожем на русскую балалайку, с двумя струнами из конского волоса.

Глава 15. Об их божках

Буряты имеют двух божков, которых они называют *Ongu*. Один из них отец, а второй — мать (рис. 10). Это изображение первых людей или с обеих сторон умерших родителей (со стороны мужа и жены). Отец в обруче — *Ваги* окружностью в один аршин. Изображение сделано из дерева, и через него пропущен тонкий железный стержень — *Toli*. На нем висит много погремушек. Мать — это белка, к ней пришиты *Goli* и воткнуты перья ушастой совы, которую русские называют филином. Этих божков держат (в мешке из войлока) в юртах с южной стороны. Им приносят жертвы в месяце *Ulaga*, и их приносит шаман на свадьбу.

Глава 16. О боге и его названиях

Бога и небо буряты называют просто *Tingiri* — небесный бог. *Burchan* у них владыка над всем, но они его не знают. Кроме небесного бога буряты в Удинском остроге почитают лебедя, орла и горностая.

Удинские буряты имеют волшебный бубен — *Köse* и шаманскую одежду *Ongu*. Одежда обвешена железными украшениями. К ней принадлежат сапоги и шапка, спереди украшенная пучком орлиных перьев.

О татарах, которые живут между Июсом и Томском

Татары между Томском и Красноярском называются киргизскими кыштымами, потому что они были данниками киргизов раньше, чем стали под властью русских. Они имеют много одинаковых обычаев с якутами. Их язык сходен с языком якутов, барабинцев, чувашей, как это видно из словаря.

Если верить их сообщениям, то происходят они от барабинцев. Прежде чем кыштымы попали под власть России, платили они дань киргизам, как еще в настоящее время барабинцы платят ее калмыкам. Сами себя называют по родам или просто кыштымы. Русских они называют *Urus*, калмыков — *Uirat*, тунгусов — *Tangoscha*, остяков — *Oschtoek*. У них нет ни письма, ни книг, и 27 лет назад они были язычниками. Поклонялись солнцу, луне, известным горам, рекам, озерам. В христианскую веру они были приведены митрополитом Антонием. У них была распространена полигамия — каждый имел столько жен, сколько мог заплагить калыма.

Покойников хоронили в специально для этого сделанных курганах — *Seku*. Вместе с умершим клали все его личные вещи. Закалывали лошадь или другое животное и зарывали вместе с покойником. Каждый род имел свой особый *Seku*. В противоположность кыштымам киргизы сжигают своих покойников.

В Абаканской степи мы увидели большое количество каменных столбов, изображающих божков. По утверждению кыштымов, раньше

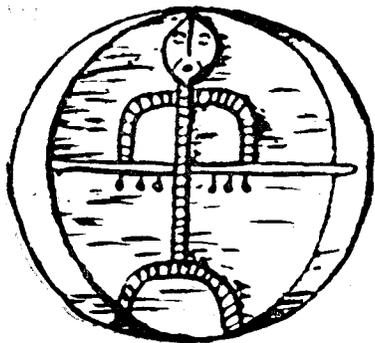

Рис. 11. Изображение идола — Joese в середине волшебного бубна.

здесь жил какой-то народ под названием Tschi, или Tschutki, который впоследствии ушел из этой степи.

Кыштымский музыкальный инструмент — Dschatagan имеет $1\frac{1}{2}$ аршина длины и $\frac{1}{4}$ аршина ширины, шесть медных струн, под ними на грифе сделаны лады, при помощи которых определяется тон.

Некоторое описание барабинских татар, сделанное во время путешествия

Барабинские татары внешним видом напоминают остяков, которые являются их соседями и называются ими Staki. Живут барабинские татары в степи Вагата, или Вагawa, которую еще называют Вагabu. Они магометанской веры, хотя до сегодняшнего дня сохранили свои языческие обряды. Их шаманы — Kamlada имеют волшебный бубен Tungur, или Tung-ig, что совпадает с якутским обозначением бубна; колотушка называется Kaluk. В середине бубна изображен идол — Joese (рис. 11), спереди он покрыт тряпочкой и напоминает Ongо бурят. Шаманские действия происходят в темноте, так же как у якутов. Шаманская одежда барабинских татар похожа на якутскую. Шаманский посох называется Top.

При шаманстве они упоминают только одного духа-прорицателя — Zalu и верят, что через него узнают много неизвестных вещей.

Их жилища — U снаружи такие же, как у якутов, а внутри, как у других татар. При входе у двери имеется чувал, а за ним маленькая низкая печка — Kаnага, в которую вмазан котел — Casan. Внутри жилища кругом установлены широкие нары — Orontuku, на которых спят. Их постели называются Töschak, матрацы из тростника — Gigen, подушки из перьев — Jastok. Вместо одеял покрываются своей одеждой.

Барабинцы держат немного рогатого скота и лошадей.

Их основное занятие — хлебопашество, но они ничего другого не сеют, кроме ячменя. Из него делается крупа — Kurmatsch. Приготавливается она следующим образом. Берется ячмень, парится и размалывается в горячем состоянии, затем сильно высушивается и толчется в деревянной ступке — Sokta (рис. 12), пока не удалится шелуха.

Ступка стоит больше чем наполовину в земле. Едят барабинцы эту крупу без всего или варят на воде с рыбьим жиром. Это их ежедневное блюдо и называется Уга. Кроме того, барабинцы употребляют в пищу рыбу, которую ловят в озерах и реках сетями — Аг и мордами — Jöse. Носят длинную одежду — Tschерken, напоминающую русский зипун, и шубу — Top. На голове — шапка — Koeber, или Colotewir, и еще поверх большая шапка — Tимак, наподобие как у бурят. Сапоги — Utuk из кожи лошадей или быков, как у якутов и бурят. Их носят мужчины и женщины.

Мужчины стригут волосы на голове и бороду, оставляя клочок только на подбородке и толстые усы. Есть и такие, которые еще носят косу, как буряты. У женщин две косы, в ушах большие серьги.

Мужчины и женщины не имеют обычая, как другие татары, стричь и выпивывать волосы на тайных местах.

Когда мужчины женятся, то платят до свадьбы калым лошадьми, китайкой. Калым не бывает больше 50 руб., а половину его невеста приносит с собой обратно в качестве приданого — Silaschte. Никто не женится на девушках из своего рода, а берет жен из другого рода и имеет их не больше двух. Муж с женой может разойтись, если хочет, но дети остаются с отцом. При этом калым не возвращается.

Детская люлька Bitschuk стоит на четырех ножках, которые в голове и ногах вделаны в дужки, поэтому люлька легко раскачивается справа налево. В середине люльки — отверстие.

Барабинцы плетут круглые корзины — Kигунак из ивовых прутьев, которые по форме напоминают немецкие корзины для хлеба. Имеют также посуду из бересты — Konjak, в которой держат Kurmatsch. Их Konjak напоминает якутскую — Kollogos¹⁹. Для носки снега употребляют Iskin из дерева и березовой коры, напоминающий русский лоток²⁰. Есть у них деревянные жернова — Теигтап, обитые полностью широкими тупыми железными гвоздями. Такие жернова вертят они рукой.

Когда у них кто-нибудь умирает, то выходят две женщины из жилища, садятся перед дверью и все время кричат, плачут, причитают. Это оплакивание называется Kutaim. Ближайшие же родственники покойного причитают, сидя в жилище. Покойников привязывают к доске во всей одежде и погребают в лесу. Несут покойников ногами вперед, а родственники сопровождают процессию с громким плачем. При пог-

Рис. 12. Деревянная ступка — Sokma для размельчения ячменя.

ребении женщины расплетают свои косы и рвут их, но никогда не обрезают, ногтями расцарапывают себе лицо до крови.

Детей, которые рождаются мертвыми или умирают вскоре после рождения, хоронят иначе. В лесу срубают верхушку дерева и гроб с ребенком привязывают к такому дереву, причем он стоит там до тех пор, пока сам не свалится. Я спросил их, почему они детей не закапывают в землю, на что получил ответ: эти дети еще не ступали на землю и поэтому еще не достойны быть в нее зарытыми.

Барабинцы для курения табака, который они очень любят, употребляют деревянные трубки, как якуты. Дым они проглатывают и выпускают его при отрыгивании. Ездят на больших телегах, как буряты. Дети, так же как старые люди, ходят летом голые до пояса, а также зимой дома.

В качестве увеселения служит им вертушка. Она состоит из кола, вбитого в землю, на который положена доска с дыркой в середине. На концы доски садятся по человеку и, отталкиваясь ногами от земли, приводят в движение доску по кругу.

О боге они говорят, что существует только один бог — Brot Kutai. Утром, когда встают, они говорят: Jallaja Kutai. Наряду с богом признают они и дьявола, которого называют Jasaret, Jek, Chan или Sultan. Утром призывают они его и говорят: Jasaret ja madath. По их представлению, дьявол живет на севере.

Жертву они приносят при закалывании скота. Кровь выпускают на юг и считают, что это жертва Kutai'ю. При болезнях закалывают скот и в жертву дьяволу, но при этом кровь выпускают на север. Барабинцы не употребляют в пищу кровь ни от скота, ни от птиц.

Жертвы Jasaret Sultan'у они приносят следующим образом. Между двумя деревьями протягивают веревку с севера на юг и на нее вешают куски заячьей шкуры, старые тряпки, куски от всех животных и птиц, которых они ловят.

Кроме того, барабинцы почитают солнце, луну и огонь. Другого я об этом народе ничего сообщить не могу и заканчиваю потому свое описание.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В Атласе 1745 г. село Качег на правом берегу р. Лены; в Атласе 1905 г. это село называется Качуга, а на карте 1968 г. — Качуг.

² Легендарными родоначальниками бурят считаются Эхирит, Булагат и Хоридой. Племена предков бурят обитали в районах, прилегающих к Байкалу, задолго до создания империи Чингиз-хана. Более достоверные сведения о бурятах начинают появляться в XVII в. В специальной литературе принято деление их на пять племен — булагатов, эхиритов, хонгодоров, хоринцев и табунутов. Наиболее крупными племенами являлись булагаты и хоринцы. Булагаты жили по р. Ангаре и ее притокам; эхириты населяли бассейн верхнего течения р. Лены. К югу от булагатов кочевали хонгодоры; хоринцы жили по обеим сторонам Байкала и на о. Ольхон.— См.: Народы Сибири.—

М.—Л., 1956, с. 219; История Бурят-Монгольской АССР.— Улан-Удэ, 1954, т. 1, с. 57, и др.

³ Река Куда — правый приток р. Ангары.

⁴ Гора Байтог, вблизи р. Куды.

⁵ Река Тутура — правый приток р. Лены.

⁶ Река Анга — правый приток р. Лены, ниже р. Тутуры.

⁷ Старый Верхоленский острог был построен в 1641 г. Мартыном Васильевым.— См.: Фишер И. Э. Сибирская история.— СПб., 1774, с. 532.

⁸ Река Киренга — правый приток р. Лены.

⁹ В XVIII в. бурятские племена делились на родовые группы, во главе которых стояла родо-племенная знать. У бурят существовала очень разветвленная система титулов и званий: шуленги, или князцы, у восточных бурят также тайши, зайсаны, зайхуны и т. д.— См.: Очерки истории культуры Бурятии.— Улан-Удэ, 1972, т. 1, с. 152—153.

Тайша — это глава степной думы у бурят в царской России; зайсач, или зайхун, — младший административный чин в дореволюционной Бурят-Монголии.— См.: Бурят-монгольско-русский словарь.— Улан-Удэ, 1951, с. 424, 261.

Слово «бошки», вероятно, записано Линденау неверно. Возможно, это «бошхо» — сборщик податей.— Там же, с. 117.

¹⁰ Взвоз — дорога в гору.— См.: Даль В. И. Толковый словарь...— М., 1956, т. 1, с. 208. «Якутский взвоз» — по-якутски Кюбюлюр; это дорога, по которой якуты уходили, спасаясь от бурят. Подробнее об этом см. примечания к рукописи Линденау о якутах.

¹¹ В XVIII в. национальная зимняя мужская одежда состояла из прямого мехового халата — дегиль; левая пола халата запахивалась на правую сторону и застегивалась у ворота, на плече и на правом боку.— См.: Народы Сибири.— М.— Л., 1956, с. 236.

¹² Якутский *Sangijak* — шуба, сделанная из волчьего меха у богатых и из оленьих шкур у бедных.

¹³ *Belaptschi* у якутов — это два набедренника из четырехугольных кусков красного или синего сукна или из какого-либо меха, привязывавшиеся богатыми якутами к поясу поверх своей одежды.— См.: Пекарский Э. К. Словарь якутского языка.— СПб., 1908, вып. 2, стб. 428.

¹⁴ Аршин — русская мера длины, равная 0,71 м.— См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка.— М., 1978, с. 31.

¹⁵ Пальма — широкий и длинный нож на древке.

¹⁶ Лука — деревянный изгиб переднего и заднего края седла.

¹⁷ В обычных юртах бурят двери выходили на восток, как указывает Линденау, или, по другим источникам, на юго-восток.

¹⁸ Лоток — у Линденау — это плоское блюдо.

¹⁹ Якутская *Kollagos* — посуда двоякого вида: из кожи или из бересты. Вмещает от 3 до 12 ведер. В кожаной посуде держат кумыс, а в берестяной — творог.

²⁰ Здесь, вероятно, Линденау имел в виду совок, предмет в форме лопатки с загнутыми вверх боковыми краями.— См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка.— М., 1978, с. 682.

СЛОВА БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ
В ТЕКСТЕ РУКОПИСИ Я. ЛИНДЕНАУ О БУРЯТАХ

- Abanang — берёт
 Adsarga — жеребец
 Adubarachu — невеста
 Adung — табун
 Ainem bi — я боюсь
 Ajechubutu — страшно
 Ajeghu Tscholon — страшный камень
 Amaunagan — маленькая кобылка
 Amodotschuk — клятва
 Amo Tugul — телочка
 Araka — водка
 Arza — творожная масса
- Babai — отец
 Baichu — стоять
 Bainang — стоит
 Bajing — государство
 Bar — год тигров
 Baraet — пленный
 Baratokibu — пленный и освобожденный
 Baru — обруч
 Basigin — маленький
 Belaptschi — набедренник
 Besegin-Burgan — май
 Bodso — гуца
 Bogo — олень, январь
 Bologahan — бревенчатая юрта
 Bughoe — пояс из серебряных пластинок
 Buhugo — жирный кусок грудинки
 Buit — морда лося
 Bulachun — хватание угощения на
 свадьбе
 Vulga — хомут, ярмо
 Vulgan — соболь
 Bur — место, где скапливается много
 животных
 Burchan — владыка, бог
 Burgut — большой орел
 Burgh — двухлетний теленок
 Burudacha — прут
- Dachu — зимняя шуба
 Dagan — двухлетний жеребенок
 Dagur — так тунгусы на р. Лене назы-
 вают бурят
 Dalai — море
 Dangal — так тунгусы называют бурят
 с р. Киренги
 Dibbehe — обтяжка на седле
 Digil — меховой халат
 Doeroeh — стремяна
 Dolotoi — семилетний жеребенок
 Dschil — год
 Dschogotoi — шестилетний жеребенок
- Dschorgotoi — семилетний жеребенок
 Dsokoi — сливки
- Ere Tugul — бычок
 Ereunagan — маленький жеребчик
- Gachai — свиной год
 Galgalumtin — очаг
 Gan — трещина
 Gansugu — кожаные ремешки
 Gender — кровать хозяина
 Goddsar — узда
 Goduli — стрела
 Gol — запах
 Goli — маленький кусочек
 Goli Torgon — китайка
 Gorang — декабрь
 Gorelku — короткая шуба
 Gunan — трехлетний жеребенок, четы-
 рехлетний теленок
- Habur — весна
 Hadik — колчан
 Hambari — сдерживать
 Hamnagan — название тунгусов
 Han — царь
 Haran — корень лилии, тёрка
 Hiech — серьги
 Hilcko — серьги
 Hobe — июнь
 Hodchur — тетива
 Hodschor — август
 Hoelma — охотничий нож
 Hoerue — бревенчатая юрта
 Honing — овечий год
 Hornuga — налучник
 Horuptsch — наперсток
 Hubi — доля, часть
 Hudaoroduchu — брак
 Huden — корень кровохлебки
 Huebuer — лохань
 Huluguna — мышинный год
 Hunk — свежее молоко
 Huor — музыкальный инструмент
 Hurem — свадьба
 Husa — овца, февраль
- Ieman — домашняя коза
 Ihigei — юрта из войлока
 Ikirit — близнец
 Iman — дакая коза
 Indsche — приданое
- Jachot — название якутов

Jekche — большой
Jekche-Burgan — апрель

Kalgikschin — название тунгусов
Kartagai — кисет
Kartugun — решетка по обеим сторонам
повозки

Kata — огниво
Kattscherick — трехлетний теленок
Ketoet — мяча
Ketoet — название китайцев
Ki — сухой кал
Kidaga — лоток, плоское блюдо
Kitogo — нож
Koehenik — большой колчан
Koesse — шаманский бубен
Koh — инструмент, похожий на русскую
балалайку
Ku — сентябрь
Kuck — кукушка
Kuen — человек
Kuptschi — тетива
Kuringu — кислое молоко
Kuthurgu — хвостовой ремень
Kutschugu — занавеска

Loth Dschil — беличий год

Makarhun — змеиный корень
Malabs — головная лента
Malaga — кувшин
Malagai — шапка круглой формы
Malapsch — головная лента
Mangehun — черемша
Mangut — название русских
Mangut Kung — серебряный человек
Mischin — звездный год
Mogoi — змеиный год, змея
Mongol — название монголов
Mu — плохой, дурной, злой
Muengue — серебро, деньги
Muric — лошадиный год

Nadschir — лето
Namur — осень
Noihoi — собачий год, собака
Nojun — господин
Nomun — лук
Nuer — озеро

Obuel — зима
Oeloet — название калмыков

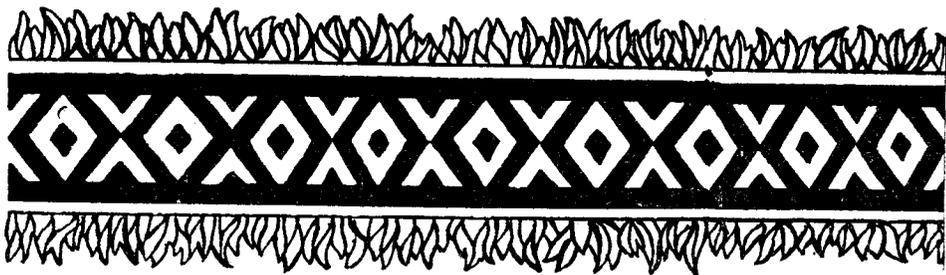
Oemal — седло
Olon — мясцо
Oitscha — июль
Omohun — кишки лошади
Ongo Boeh — идолы
Ongu — шаманская одежда

Salkimdschin — сваренное и мелко на-
резанное мясо
Sanajach — кусочек волчьей шкуры

Tabuta — пятилетний жеребенок
Tabutai — шестилетний теленок
Takja — куриный год
Takschi — чашка
Tancka — железный кувшин
Tarak — сусло
Tatai — скверный
Tatatschi — мясное блюдо
Tatur — лента
Thaeli — осы
Tingiri — небо, небожитель
Tiptuer — крышка
Tirgin — повозка
Tolai — заячий год
Toli — тонкий железный стержень
Torcho — деревянная или кожаная посу-
дина длинной формы
Tscharga — сани
Tschiduluk — четырехлетний жеребенок
Tschirimtogen — чашка
Tschono — волк
Tueguel — теленок
Tuerli — род
Tuibi — коса

Uhun Dalai — океан
Uker — пятилетний теленок
Ukir — год скота
Ulandsudu — «красный мел». Вероятно,
у Линденау ошибочно. Бурятское
слово «улаан зэд» — «красная медь»
Ular — погода
Ulara — октябрь
Ulut Aitschin — ехать верхом
Unagan — новорожденный жеребенок
Urga — кусок китайки
Uri — ноябрь, вина, долг

Zorgo — изогнутая деревянная трубка

Собрание исторических сведений о юкагирах*

Местожительством юкагиров в старые и новые времена являются берега рр. Колымы, Индигирки, Яны. Первые известия об этом народе, живущем на р. Яне, были получены из Якутска примерно сто лет назад¹. Якутам юкагиры стали известны только в новейшее время, а тунгусам и корякам юкагиры были известны всегда², так как они вели обмен с последними, а иногда нападали на них и грабили. Коряки называют юкагиров — Edel (Etel)³, потому что последние всегда кочуют и живут охотой. Почему русские называют их юкагирами, я не мог узнать даже после длительных расспросов⁴. Якуты называют юкагиров Tschukan. К приходу русских юкагиры были очень многочисленны, однако с тех пор численность их сильно сократилась, так что сейчас они насчитывают несколько больше 400 человек⁵. Произошло это в результате многочисленных восстаний и болезней.

Хотя юкагиры постоянно кочуют, все же их разделяют по местожительству на индигирских, колымских и анадырских. По внешнему виду они очень похожи на тунгусов, но имеют более красивых женщин. Юкагиры сильнее, смелее и храбрее, чем их соседи коряки, но также гораздо хитрее, злее и менее надежны, о чем свидетельствуют их постоянные восстания и варварские убийства. Примерно 30 лет назад они коварно убили свыше 70 человек, лежавших на нартах, из каравана, следовавшего с Камчатки в Якутск⁶. Нападение было совершено во время сильнейшей пурги. Удалось спастись на лыжах только троим, так как во время нападения они находились в стороне и курили. Юкагиры принесли жертву земле — золу, они рассыпали ее там и сям по земле — в соответствии со своими верованиями по случаю одержанной победы.

В настоящее время многие юкагиры крещены, но все-таки большая их часть остается язычниками. Они имеют шаманов с волшебным буб-

* Lindenau J. Collectanea zur Historie von Jukagiren.— ЦГАДА, ф. 199, № 511, ч. 2, д. 4, л. 1—2 об.

ном, как все североазиатские народы. Однако их волшебный бубен совершенно особый, встречается только у них одних. Он сделан из кожи шаманов, которую они сдирают после их смерти и натягивают на деревянную основу. С костей соскабливают мясо и кости собирают в скелет, одевают в платье как человека и почитают скелет как божество. Юкагиры помещают такие наряженные кости постоянно наверху (перевод точный.— З. Т.) в своих юртах, иногда 10—15 штук. Если кто-нибудь подвергает даже незначительному поруганию эти кости, тот вызывает озлобление юкагиров, и они замышляют убийство такого человека.

Во время путешествия и на охоте юкагиры возят эти кости в нартах, причем предназначают им лучшие нарты и лучших своих оленей.

Когда юкагиры собираются предпринять что-то грандиозное, они гадают при помощи этих скелетов — поднимают скелет вверх, и если он кажется им легким, то это обозначает благоприятный исход их предприятия; если же скелет представляется им тяжелым, то они думают, что это плохой признак и отказываются от намеченных предприятий. Юкагиры утверждают, что в некоторое время эти скелеты легки как пух, а в другое время тяжелы как свинец. В этом они уверяют простодушных русских, которые с удивлением наблюдают за действиями шаманов.

Эти скелеты юкагиры называют стариками, одаривают их лучшими мехами и сажают на постели, покрытые оленьими шкурами, всех в кружок, как живых.

Юкагиры иногда целые ночи напролет наслаждаются звуками бубна. Если они перекочевывают на новое место, то шаман ходит с бубном из одной юрты в другую и камлает или благословляет место, причем его всюду угощают мясом.

Юкагирские женщины чрезвычайно трудолюбивы. Многие из них выглядят очень хорошо. Они влюбчивы, особенно в чужих — в русских купцов и путешественников. Как только эти одаривают их подарками, они готовы на все услуги — становятся их сожигательницами, и мужья их против этого не возражают, а подобно корякам и чукчам рассматривают это как особый знак дружбы. После этого женщины очищаются водой и дымом и совершают это больше для того, чтобы задержать заражение французской болезнью (сифилисом), которая у них процветает и резко прогрессирует.

Юкагиры на Индигирке имеют напиток из рыбьей икры (рыбы чир) — напиток получается пенистый, как молоко. Русским очень нравится этот вкусный и полезный напиток, и они охотно его употребляют.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В первой половине XVII в.

² В этом утверждении Я. Линденау, очевидно, исходит из исторических преданий якутов об относительно недавнем их переселении на Лену с юга. Он был первым путе-

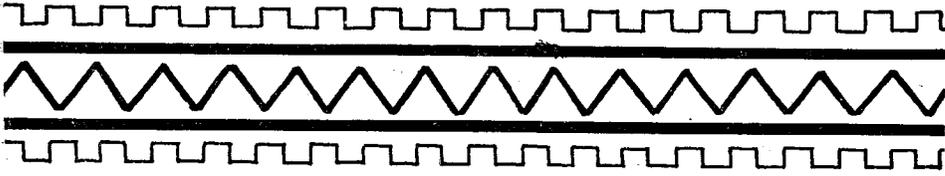
шественником, который обратил внимание на исторические рассказы и предания якутов об их переселении.

³ Этимология, первое значение слова Edel (Etel) неизвестны.

⁴ Значение этого названия не установлено. Название «юкагиры» русские заимствовали от якутов, но по происхождению оно, вероятно, тунгусское. Сами себя тундровые юкагиры называют «одул» и переводят это как «могучий», «сильный». Остальные юкагиры называют себя по своим родовым терминам.— См.: Народы Сибири.— М.— Л., 1956, с. 886. Имеются предположения, что слово «юкагир» происходит от эвенского «йуке» — «холодный» или «йоке» — «далекый» («гир» — «народ», «племя»), то есть «далекое племя или народ холодной страны». — См.: Юкагиры.: Ист.-этногр. очерк.— Новосибирск, 1975, с. 5.

⁵ По-видимому, Я. Линденау имеет в виду только ясачных плательщиков.

⁶ Восстание юкагиров произошло в 1715 г.— См.: Памятники сибирской истории XVIII в.— СПб., 1885, ч. 2, с. 87—95.

Ответы Я. Линденау на вопросы, посланные им
в канцелярию Охотского порта*

Из 16 вопросов только четыре представляют для нас интерес, так как содержат сведения об отдельных народах.

Вопросы

№ 7. Иноземцы здешние какие ясачные и неясачные, а которые ясачные — от кого и когда в подданство приведены, сколько родов, како их называют и около каких мест или рек обретаютца.

№ 9. Ясака сколько от каждого рода в казну собираетца и чем они ясак платят и где оной ясак от них принимаетца и от которых родов содержатца аманаты.

№ 10. Не бывало ли преж сего от иноземцев каких нападений и ежли были, кого посланием и как присмирены они и в которых годах.

№ 14. Каким болезням обыватели подлежат более и чем они себя ползуют, травю или иным чем-нибудь.

Ответы

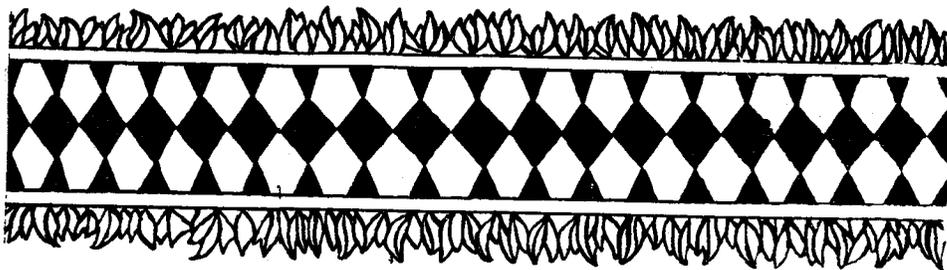
№ 7. Иноземцы здешние ясачные от кого и когда в подданство приведены, и сколько родов, и как их называют, и около каких мест или реки обретаютца, о том в Охоцкой же канцелярии в архиве письменного прежных лет известия не имеетца, ибо Охоцкая команда началась быть с вышеписанного 732 года, понеже до того Охоцкой острог был и с ясачными людьми под ведением вышереченной же Якуцкой воеводской канцелярии, как о том и показано, но токмо по ясачным книгам явно, сколько ныне наличных родов ясак платят и как их называют, которые ясачные имянные книги даны в том 732 году от оной Якуцкой канцелярии, а именнс: при Охоцком тринадцать родов оленных и сидячих, а называютца они тунгусами, да два человека якутов, и из них оленные кочуют, переходя с места на место по хребтам и разным рекам, а сидячие близ Охоцка за устьем Охоты реки, а иные на Улье, и на Улбей, и на Ине речках пребывают неподвижны.

* Архив АН СССР. Лен. отд-ние, ф. 21, оп. 5, № 142, л. 14об.— 24.

№ 9. Ясак с вышписанных тунгусов от каждого рода в казну собираетца по окладам, соболями сорока по два и более и по полтора и по сороку и меньше, лисиц по двадцати и по десяти и меньше с рода, а с некоторых родов лисиц и ничего, а принимаетца ясак от них в канцелярии Охоцкого порта и от всех тех родов тунгусов содержатца аманаты, а в 1741 и в нынешнем 742-м годах бытности нашей объясачено неясачных разных родов и языков иноверцы, а именно в Охоцком и в присутствующих в Тауском, Ямском, Акланском, Удском и в Камчадальских трех острогах всего 153 человека, с которых беретца ясак соболями и лисицами.

№ 10. Преж сего от иноземцев какия нападения были ль и кто на усмирение их был посылан, и как их присмирили, и в которых годах, о том в канцелярии Охоцкого порта в архиве известия по делам не имеетца, но токмо при Охоцкой церкви в Синодике (а есть поминаник) о убиенных от здешних ламских еже есть охоцких тунгусов в разные годы упоминается, а именно, убито во 170-м году на Юдоме и на Ине и на Охоте реках якуцких служилых 52 человека, во 178 г.— 66 человек, во 186 г.— на Ураке реке — 87 человек, во 188 году на Юдоме реке стольник Данило Библиков да служилых 62 человека, и того всех 268 человек.

№ 14. Здешние обыватели одержимы бывают всякими разными болезнями, а паче сердечною и падучею и французскою, а наиболее цынготною, от которой ползуютца питием воды гораздо уваренной и утопленной со сланцом и кедровником и ядением, паче же всегда во рте держанием и сосанием морошки. А от сердечной — зверобоем и горкою травою. От прочих же по изобретению своему, кто что в свою пользу изобрести может.

От тауйской ясашной избы против требования господина переводчика Якова Линденау ответствования*

Содержитца аманатов из оленых двух родов. Четыре человека долганскова роду и уеганскова роду, а у пеших аманатов не имеетца. Коряцких аманатов семь человек из Етикина роду с Туманы реки, Волтухова роду, Тумина роду, Августина роду, Тыкина роду. Писанные аманаты пропитание себе имеют порсюю кетою, которую собирают у пешних тунгусов в казну.

Ясашные иноземцы здешнаго присутствия обретаютца до Ижиги реки. Пропитаютца здешния обыватели рыбой — кетой, мальмой; кореньями, ягодой — брусницей, морошкой, рыбиной, голубелью, жимолосником. Промышляют морских рыб — кету, мальму, ломки¹ и прочее сетьми, а зверей — китов, белуг, нерпу — колют носком².

Лесные звери, имеющиеся в здешней стороне, — сохатые, олени, дикя бараны, лисицы, бурийские и красные, росомахи, рыси, песцы, белки, горностаи.

Из водяных птиц имеютца люрики³, луни, каравайки⁴, хали (?), чилмы (?) и лещаки (?).

А носков каменных, которыми китов колют в здешней обывательстве не имеетца, имеетца в Ямском остроге у коряк.

Всяких родов пеших тунгусов имеетца: род Абабдарской, род Укжурской, род Инганской, род Мыктыгирской, род Щинягирской.

ПРИМЕЧАНИЯ

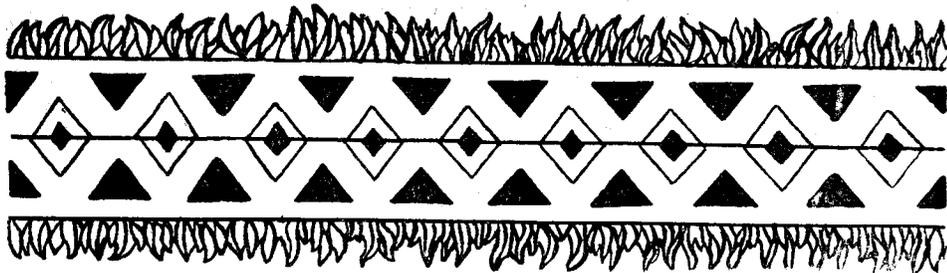
¹ Ломок — Охот. м. зоол. Нёрка. — См.: Словарь названий пресноводных рыб СССР. — Л., 1972, с. 98.

² Носок — бросковое копые, гарпун. — См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955, т. 2, с. 556.

³ Люрики — из семейства чистиков. — См.: Справочник названий птиц СССР. — М., 1972, с. 66.

⁴ Каравайка — из семейства ибисов. — Там же, с. 64.

* Архив АН СССР. Лен. отд-ние, ф. 21, оп. 5, № 142, л. 42—43.

Географическое описание реки Анадыра* и в ней впадших речек и ручьев и о чукчи, где они находятся и их местах кочевания и нападения их на российских людей и ясашных коряк, яковых бысть оное образом следует ниже сего, а о расстоянии местном изчислением верст подлинного известия поныне не имеетца, но по скаскам езда собаками и оленьми показуется, и где езда один день обретается, тамо можно числить за тридцать верст

Реки Анадыра вершина имеетца под севером из одного хрепта, вершиною оною езды оленьми 3 дни. Около тоя вершины лес талник и нақипни до Пилидона (Пеледон.— З. Т.) речки, а на левой за каменем, имянуемым Черкапоем, стороне лиственного лесу немного.

Какие речки в Анадыр реку и ручьи впали следует засим: речка Яблоная (Яблон.— З. Т.) с правой от вершины Анадыра реки стороны, езды налегке собаками 4 дни, вершина той речки из хрепта выше Бобровки речки, которая с левую сторону в Ануй в пала. В Яблоную речку в пала Шаламиха ручей с левой стороны от вершины Яблоной, езды собаками 2 дни, вершина того ручья из хрепта. Черпана — ручей с правой стороны от вершины Шаламихи из хрепта, езды 1 день. От Черпана до

* Архив АН СССР. Лен. отд-ние, ф. 21, оп. 5, № 103, л. 7—11 об.; с прил. составленной Линденау карты Чукотки на 1 л. (Там же, ф. 1, оп. 2, 1743, ноябрь). Кроме этого списка известны еще три списка данной рукописи Линденау: а) ЦГАДА, ф. 259, оп. 22 Секретной экспедиции Сената, д. 1552, л. 8—15, с картой; б) ЦГВИА, ф. 20, оп. 47, св. 85, л. 56—61, без карты.

устья Яблоной езды 1 же день. По обе стороны Яблоной высокие хрепты и накипни, а лес тальник и топольник, а живут юкагиры. Вниз по Анадыру Черкапой именуемый камень, на левой стороне от Яблоной речки, езды 1 день. Около того камня весною бывает оленья плавь. Пилидон речка с правой стороны от камня Черкапой езды $1\frac{1}{2}$ ден, вершина из хрепта. Герапол речка с правой стороны от речки Пилидон, езды 1 день, вершина из хрепта. Около вершины лес лиственничной. Герапол камень на правой стороне от речки Герапол (Ярапол.— З. Т.), езды $\frac{1}{2}$ дня. Около того камня бывает оленья плавь. Караульной камень на правой стороне от камня Герапол, езды $\frac{1}{2}$ дня. У того камня бывает оленья плавь. Травниха (Травениха.— З. Т.) речка с правой стороны от камня Караульного, езды собаками 2 дни, вершина из хрепта недалеко. Толстой мыс на правой стороне, 15 верст от речки Травнихи. Гребень камень на левой стороне, 10 верст от Толстого мыса. От того камня река Анадыр течет на восток. Алучина речка с левой стороны от камня Гребня 35 верст, вершина из хрепта. Анадырской острог от Алучины речки езды 1 день. Построен на острове деревянной с пятью башнями, ворота одни. В нем ясашная изба одна да анбар один, да за острогом одна часовня, да 80 дворов служилых имеетца, а остров длиною 2 версты. Приколовна виска¹, или исток, с левой стороны острога, езды 1 день, вершина $\frac{1}{2}$ дня из озера, которое вокруг 2 версты, от туда река Анадыр течет под север. Прорва протока² впала из Майна речки 25 верст от Приколовой. Чучая виска с левой стороны, езды $\frac{1}{2}$ дня от Прорвы, вершина 5 верст от озера, которое вокруг 6 верст. Круглина виска с правой стороны, езды 1 день от Чучая, вершина 4 версты из озера, которое вокруг 2 версты. Иголкина виска с правой стороны, езды 2 дни, от Круглиной, течет из озера 4 версты от берега, озеро длиною $1\frac{1}{2}$ версты, широтою 400 сажень. Убоинная — речка с левой стороны от Иголкины, 11 верст вершина той речки. Езды 3 дня, течет из хрепта, Павлова виска с правой стороны, езды $\frac{1}{2}$ дня от Убоинной, течет из озера 5 верст от берега, озеро вокруг 5 же верст. Волокитина виска с правой стороны 3 версты от Павловой, течет из озера 3 версты. Юкагирская виска с правой стороны 5 верст от Волокитины, течет из озера 6 верст от берега. Прежде жили тут юкагиры, которые от чукчи побиты. Могилина виска с правой стороны, езды 3 дня от Юкагирской виски, течет из озера 3 версты от берега. От туда течет Анадыр река на юг. Майн река с правой стороны 10 верст, вершина из Баранина хрепта.

В нее впали по течению вниз: Козмина речка с правой стороны, езды оленьми 1 день от вершины Майна. Большая Козмина речка по той же стороне, езды от прежней $\frac{1}{4}$ дня, вершина из хрепта 2 дни. Чорная речка с левой стороны, езды $1\frac{1}{4}$ дня от Козминой вершины, из хрепта. Егерская речка с правой стороны 1 день от вершины Чорной вниз по Майну. Орлова речка с левой стороны, езды 2 дни от Чорной, вершина из хрепта $1\frac{1}{2}$ дня. Прорва протока течет от левой стороны из Майна во Анадыр, езды 3 дня от Орловой. По ней ходят из Анадыра судами 1 день, а потом до устья Майна. Вакерная виска с левой стороны, езды

6 дней от Прорвы, течет из озера. От Вакерной виски еще 1 день езды до устья Майна.

Вниз по Анадыру: Мышья речка с правой стороны, 10 верст от Майна, вершина езды 2 дни из хрепта. Белая речка с левой стороны, 49 верст от Мышьи речки, вершина под севером, а около той речки живут юкагиры Годинского рода. Родивонов камень на правой стороне, в верстах 4-х от Белой речки. Осенью бывает тут оленья плавь. Юкагирский камень на правой стороне, в верстах 40-а от Радивонова камня, у него бывает оленья плавь. Чорна речка с левой стороны от Юкагирского камня, верстах в 60-ти вершина из хрепта. Красная речка с правой стороны, верстах в 10-и от Чорной речки, вершина с речкою Апукой из одного хрепта. Около той речки живут пешия чукчи, а лесу на строение никакого годного не имеетца. Онемен речка с правой стороны впала в губу верстах в 38-и от вершины речки Красной из хрепта. Нерпиша (Нерпечья.— З. Т.) речка с левой стороны в 2-х верстах от Онемен речки, вершина из хрепта, около той речки живут пешия чукчи.

Анадыр река устьем впала в губу на SO, верстах в 4-х от речки Нерпиша. Губа же оная длиною версты 4, а широтою версты 2¹/₂. Во Анадыр же реке ловимы бывают рыбы: нелма, муксун, чирь, горбуны, стерляди, сельди, гольцы, мальмы, кета, шуки и налимы. От самой вершины анадырской по правой стороне леса, кроме талника и тополника много не имеетца, а по левую сторону до Чорной речки в длину по хрептам имеетца листьяг и сланец кедровой³. Местами же Анадыр река песчана и течением не быстра, до устья судами плыть можно, а от острова до устья судового хода две недели.

Описание о чукоцкой земли, где оная имеетца. Чукоцкая земля существенной себе границы не имеет, но токмо едино то есть известно, что которые оленные чукчи ходят по хрептам Анадырской вершины до имянуемого Чукоцкаго носа, и те завсегда кочуют, а пешие чукчи живут для ловления белых медведей около Шалагинского носа, который тако называется, потому что около тамошняго места живали народы, имянуемые шалагинские, и от того Шалагинского носа кругом по морю до реки Нерпиша местами жительство имеют. Чукоцкая же земля почти вся пуста и тундрою безлесною облежит, но точию растет тальник кустами, но и то малое число. И того ради тамо жительствоющий народ для согревания своего употребляют мох и моржовые кости, а оленные чукчи тово емлют у пешних из-под неволи, где они сами около моря промышляют. А когда оленные те чукчи вознамерятся итти куда на бой и грабеж ясашных коряк, тогда они и пеших приглашают с собою, несоизволяющих же на то ис под неволи принуждают.

У Чукоцкаго носа есть под севером один остров да к восточной стороне четыре острова, и на тех островах живут чукчи. А не в дальном от последнего острова расстоянии имеетца в виду по их званию Большая земля, которая так называется потому, что та земля более их Чукоцкой земли, и они, чукчи, от своих жилищ на эту землю ходят байдарами и с той земли привозят посуду деревянную, подобна русской посуде.

И по разглагольствию тех чукч имеется чрез русских людей известие заподлинно так, что якобы купецким людям двенадцатию кочами миновавших лет за семьдесят или более Колымскому среднему зимовью, где прежде ярмонга бывала, для торгу пошедших и от сильных морских погод друг от друга разшедшихся, иные в Камчатку проплыли, а иные к тому острову, которой Большою землею называется, пристали и, тамо жительствовавшими народами совокупившись, у них поженились и расплодился. Чего ради по высочайшему определению указ во Анадырской острог был послан строить судно, которое и построено было, за неимением гвоздей зашито и конопачено мохом. И на том судне служилые Афанасий Мельников да Василий Щипицын с прочими с тридцатью человеками служилыми из Анадырского острога пошли в свой вояж следовать до оные Большие земли. И отшедши на море недалеко от устья Анадырского, за великою морскою погодою и за течею того судна, возвратились обратно в устье Анадырское и с нуждою пеши в Анадырской острог пришли. А вышеозначенные чукчи во осень около камня, имянуемого Сердца, собираются, а приезжают на санях, кетовыми усами подбитых, и, переехав Большую речку, ездят на Юкагирскую ярмонгу, где доселе они чукчи с юкагирами мену имели, выменивая себе от них на лисицы и на прочее — копыя, китайские ножи, пальмы и котлы. И от устья Анадырского ходят вверх к вершинам речек Онемен и Красной и спускаются через хребты ко Олюторскому, к Ултуцкому (Олутцкому.— З. Т.) и прочим коряцким острогам, которые остроги почти все вкругли и имеют округ себя рвы и земляные валы. А бывает, ходят они чукчи и вверх по Анадыру и, переехав ниже устья Белой реки чрез Порапольский дол, оттуды приходят через Баранины хребты к предписанным острогам. А речь дол именуется еланное или степное место, а тундра болотные и моховые грязные безлесные места. А водяным путем от самого носа до устья Анадырского и выше ходят летом для рыбной ловли и оленного промысла, где оленья плавь бывает, в байдарах во сте в 50 и более, в каждой байдаре человек по 15 и по 20 и больше, и потому признаваетца, что они так на промысел людно ходят того для, чтобы тогда других промышлять не допускать. А к ним водяным путем из Анадырского острога по Анадыру и из Карачиской (Карагинской.— З. Т.) губы по морю итти можно, как в карте означено. А оленные чукчи летом живут на хребтах и около моря, как прежде означено. Осенью приходят они к пешим и приглашают их и неволею принуждают итти в Коряцкую землю, которая от речки Апуки до Акланского острога и ниже онаго к полуденной стороне имеетца. А когда из Анадырского острогу на чукчи хаживала партия, тогда она ходила в северную сторону через речек Черную и Белой вершины и чрез хребты к Ледяному морю к юртам неделю, а от юрт возле моря чрез речки, где первая баталия с чукчами была, 2 недели, а к другому месту, где другая баталия имелась, 3 недели. И хотя партия намерение свое имела тогда к Чукоцкому носу итти и Чукоцкой каменной острог разорить, но, токмо за неимением тамо оленного корму, туда не следовала, но пошла.

чрез хрепты и шла 2 $\frac{1}{2}$ недели до места, на котором с чукчами третью баталию имела, а от того места шла до Чингагские юрты 5 дней, а от той юрты к Сердцу-каменю 2 недели, а от того камня к Большой речке 1 $\frac{1}{2}$ недели, а прямого ходу от Сердца-каменя до Анадырского острога 8 недель.

Дорога из Анадырского острога в полуденную сторону: от острога до юкагирской собки 1 $\frac{1}{2}$ дня езды на оленях. Собка же оная стоит на тундре — тальник кустами. От юкагирской собки 1 $\frac{1}{2}$ дня езды до Поперешной речки, которая в Прорву впала. От Поперешной речки 1 $\frac{1}{2}$ дня езды до Неглин камня, от которого дорога на правой стороне ко Акланскому острогу. От Неглин камня чрез тундру до Орловы речки 1 $\frac{1}{2}$ дня езды. От Орловы речки чрез накипи езды 1 $\frac{1}{2}$ дня, да до Черной речки 1 $\frac{1}{2}$ дня. От Черной речки чрез тундру до Параполской собки езды 5 дней. От Параполской собки чрез Баранины хрепты до устья речки Тепенины езды 7 дней, где живут коряки. От речки Тепенины до землянаго Олюторского острога, где коряки живут, 4 дни езды. От Олюторского коряцкого острога до коряцкого же Култушского острога езды 1 день. От Култушского острога до Пелегеского острога езды 1 день. Дорога от Неглин камня ко Акланскому острогу до Чернореческой вершины езды 1 $\frac{1}{2}$ дня. От вершины Чернореческой до устья Кондревы речки езды 4 дни, а от Кондревы речки до речки Аклан переезжают и приезжают до Акланского острога в 7 дней. От Акланска до Ярскаго (Ямского.— З. Т.) острога верст 700; от Ярскаго острога до средних коряк — 65; от средних коряк до Сиглану речки — 77; от Сиглану до Олы реки — 114; От Олы до Ярмани (Армани.— З. Т.) речки — 81; от Ярмани до Тауйска — 42; От Тауйска до Ковы речки — 176; От Ковы до Ини реки — 126; от Ини до Охоцка — 97. Итого от Акланска до Охоцка — 1478.

А от Олюторского острогу сколько разстоянием настоящего до Камчатки имеется, о том писания нет, но токмо признавается, что Нижней острог от Карагинской губы небольшим разстоянием водою доброю погодою в двой сутки поспеть можно.

А что от Анадырскаго острогу до Олютора и Аклана на карте пространнее изображено. Как от Анадырскаго острогу до Ледяного моря чинено мною для того, что места рек и речки лутче видно были б, ибо о тех местах больше нужда обходитца, чтоб от чукоцкаго нападения оборонять.

При сем кратким описанием, хотя канцелярия Охоцкого порта ниже следующее не требовало, токмо радение мое и что к ползе государственной касаетца втуне мне пропустить нельзя, а имянно, от Болшей земли, которое чукчи так имянуют, а оная Болшая земля от тех чукоцких островов, которые в восточной стороне в виду, а из Охоцка судами в один или много что в два лета следовано быть можно, безовсякой притчины, а подлинного известия я не имею, есть ли на оной земле соболя, и лисицы красныя или бобров, а конечно чукчи не напрасно туда

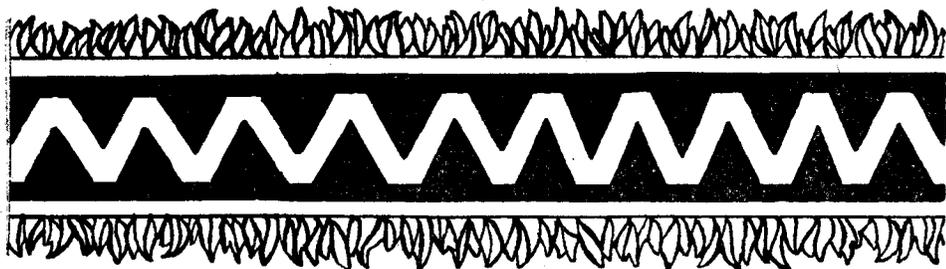
не ходят, ибо де они такожде ищут свою ползу, как довольно известно, что они, для своих полз вооружась, по карякам ходят Сибирь своим сторонам, так и Камчатка как еще под российским владением не бывало, то и тогда никаких выходов не знали, сицевым образом рещи и можно тако о Большой земли. В протчем оставляю вовсе высочайшему разсуждению и при сем всепокорно доношу, что сие мною писано к ползе государственной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Виска — *сиб.* ручей, проток, прорва, соединяющая реки и озера. — См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955, т. 1, с. 207.

² Протока — *сиб.* рукав реки. — См.: Даль В. И. Указ. работа, т. 3, с. 519.

³ Стланик, стланец — низкорослый, стелющийся по земле кустарник или кустарниковое дерево, растущее в горных местностях и в тундре. — См.: Словарь русского языка. — М., 1961, т. 4, с. 368.

*

Устные известия о реках Анадыре, Колыме, Алазее,
Индиگیرке и о прочих реках, которые в них впадают,
об острогах и о народах, на этих реках живущих.
Охотск, 1741*

Перевод рукописи сделан выборочно — брались записи со сведениями о расселении отдельных народов.

Река Яблонная (Яблон) впадает с правой стороны в р. Анадырь. На этой реке живут юкагиры.

Река Белая впадает в Анадырь с левой стороны ниже устья в 10 верстах от Холмовской протоки. Отсюда Анадырь поворачивает на северо-восток. На р. Белой живут юкагиры годинского рода. В четырех верстах от р. Белой находится Родионов камень, здесь оленья плавь.

Банская протока с левой стороны в 15 верстах от Родионова камня, здесь оленья плавь.

Река Нерпичья впадает в Анадырь с левой стороны в двух верстах от р. Онемен. На р. Нерпичьей живут сидячие чукчи.

Река Татинга впадает в Колыму с правой стороны. Река Татинга имеет исток по соседству с истоком р. Пенжины. На Татинге живут сидячие коряки.

Река Вилинга впадает в Колыму с правой стороны. На ней живут сидячие коряки.

Река Ожогина впадает в Колыму с левой стороны. На ней живут сидячие юкагиры. Один день езды от р. Ожогина на левом берегу Колымы имеется ясачная изба, куда платят ясак якуты и юкагиры.

Река Омолон впадает в Колыму с правой стороны на расстоянии од-

---

* Lindenau J. Mündliche Nachrichten von dem Flüssen Anadir, Kolima, Alajea, indigirka und übrigen Flüssen welche in denselben fallen, dabay die Ostrogen und Völker, die sich an denen Flüssen aufhalten. Ochot, 1741.—ЦГАДА, ф. 199, № 511, ч. 2, т. 2, л. 1—12.

ного дня пути от Кондшевого камня. Исток Омолона по соседству с истоком р. Оклан. Отсюда течет Колыма по направлению к северу. На р. Омолон живут сидячие юкагиры.

Река Лабазная впадает в Колыму с левой стороны на расстоянии одного дня пути от р. Ангарки. На р. Лабазной живут омоки¹. Здесь же имеется оленья плавь.

Протока Сухой Анюй. В устье оленья плавь. Здесь также живут омоки.

Боякова виска впадает в Колыму с левой стороны на расстоянии одного дня пути от Сухого Анюя. От этой виски полдня пути до устья Анюя. На Анюе живут сидячие омоки. Устье р. Колымы находится на расстоянии одного дня пути от Чукочьей виски. Колыма имеет быстрое течение и от верхнего острога до устья судоходна. Берега ее лесисты. В ней водятся многие сорта рыб: нельма, осетр, муксун, налим, щука. На Колыме живут якуты и сидячие юкагиры.

Устье р. Алазеи находится на расстоянии семи дней пути от р. Россохи, впадающей в Алазею с левой стороны. Оба берега Алазеи лесисты, а горы находятся далеко. В Алазее водятся чирь, нельма, налим, сырок, язь, щука. Живут на Алазее якуты и оленные юкагиры.

Река Хаихтах впадает с правой стороны в р. Индигирку, исток которой на расстоянии двух дней пути. На р. Хаихтах живут якуты.

Река Алха впадает в Индигирку с левой стороны. На этой реке живут якуты. Слово «алхар» по-якутски означает налим.

На расстоянии одного дня пути от р. Тирахтах с левой стороны имеется равнина, которая тянется с севера на юг семь верст, а в ширину имеет шесть верст. На этой равнине живут якуты. Отсюда поворачивает Индигирка к северу.

Река Эльги впадает в Индигирку с левой стороны на расстоянии полдня пути от упомянутой равнины. Отсюда лежит дорога к Верхоянскому зимовью. На р. Эльги живут якуты.

Река Юрэлах впадает в Индигирку с левой стороны на расстоянии одного дня пути от р. Чукоченной. На р. Юрэлах живут якуты.

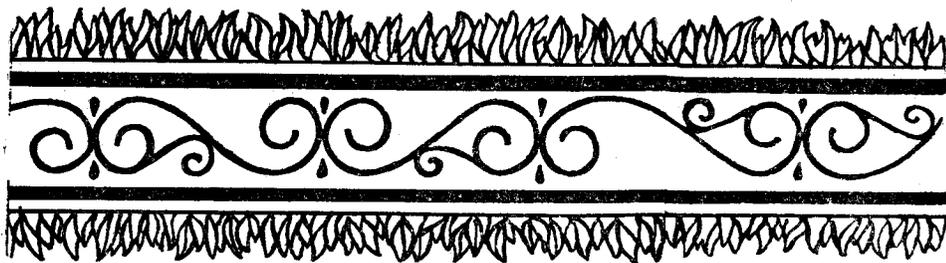
Река Бор впадает в Индигирку с правой стороны на расстоянии двух дней пути от р. Талахтах. На р. Бор живут якуты.

Индигирский острог находится на правом берегу р. Индигирки на расстоянии одной версты от р. Галадиной. В остроге имеется ясашная изба, где принимают ясак от оленных ламутов, юкагиров и якутов. Отсюда Индигирка поворачивает к востоку.

Река Уяндина впадает в Индигирку с левой стороны на расстоянии двух дней пути от р. Бадшрахи. Исток р. Уяндины по соседству с истоком р. Яны. На Уяндине живут оленные юкагиры.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Омоки — отдельные группы юкагиров.— См.: Народы Сибири.— М.; Л., 1956, с. 885.

Описание путешествия из Охотска до Ямского острога. 1742*

Перевод рукописи сделан выборочно — брались записи со сведениями о расселении отдельных народов.

Чевуя-Утани-камень по-ламутски означает жилище духов. Об этом камне у ламутов существует поверье: один человек проехал на плоту через Охотское море, которое, как они утверждали, требовало жертвы. Человек жертвы не принес и был превращен в камень, а те, которые поблизости жили, очень быстро все вымерли. После этого здесь никто не селился.

На Усть-Инской губе с правой стороны имеется зимовье и маяк, а с левой стороны летние жилища ламутов.

На правом берегу р. Ины находятся зимние жилища ламутов, у которых князец из рода Кутана.

Ахэву озеро в окружности 20 верст, мы ехали по берегу озера, а в 12 часов ночи прибыли к небольшому лесу, где сделали привал.

Дувани ручей, на берегу которого стоит одна ламутская юрта. Слово «дувани» по-ламутски значит концы.

Онтамлан-мыс. На нем одна зимняя ламутская юрта. Онтамлан по-ламутски означает песчаный берег.

Олчеплян-кошка¹, на ней три летние юрты ламутов для рыбной ловли.

Река Кутана амар, по-русски р. Тауй, берет начало поблизости от истока р. Ина. На северо-восток от р. Кутана до истока р. Колымы только восемь дней пути на оленях. Чаленда река впадает с правой стороны в Кутану, на расстоянии 76 верст от истока. Начало берет поблизости от устья р. Монда. Здесь летом находятся оленные тунгусы для ловли рыбы.

* Lindenau J. Reise Beschreibung von Ochot bis Jamskoi Ostrog. 1742.— ЦГАДА, ф. 199, № 511, ч. 1, д. 3, л. 1—53.

Тауйский острог на р. Амунке. В нем жило 7 человек служивых и держали корякских аманатов. Острог очень бедный, земля ничего не родит, кроме травы. Жители этих мест... употребляют в пищу толкушу, которая по-ламутски называется Tschilckascha, и едят ее вместо хлеба. Делают ее из брусники или морошки, приправляя часть порсы, тюленьего или китового жира. Все это толчется и поедается в холодном виде. Затем они едят мороженую сырую рыбу, нарезанную тонкими ломтиками, с солью. Гнилые или прокисшие сырые мороженые рыбы, а также свежие рыбы головы едятся в сыром виде. В качестве теплой пищи едят настроганное ивовое дерево, варенное с порсой, прибавляя еще туда соль и жир. Заболонь листовницы варят с кипреем² и оленьим мясом.

В 1669—1670 гг. в этих местах среди ламутов свирепствовала оспа, от этой эпидемии много умерло, а другие должны были уйти из этих мест, богатых соболем, и только некоторые из родов Adgan, Okdir, Omochton, Ingan, Kutana теперь здесь живут и платят ясак за 60 мужчин соболями. Аманатов не имеют. Из оленных тунгусов здесь живут роды Ujegani и Dolgani, которые держат 4 аманатов.

86 лет назад местность вокруг р. Ямы была занята Стадухиным. Старые жители этой местности рассказывают, что Стадухин — родом с Колымы, прошел от Анадыря со своей дружиной по воде вдоль восточного и западного берегов Камчатки, но в каком году он пришел на Яму, им неизвестно. Прибыв туда, где стоит острог, Стадухин построил зимовье, которое стало называться Ямским зимовьем. В это время он решил обложить ламутов ясаком — тогда там жили следующие роды: Kutana, Njuntschi, Okdir, Omochton, Ingan, Adgan, Tschaniagir, Omütackar и Dalackar. Численность их была свыше 2000 человек, не считая женщин и детей. С них стали собирать ясак и брать аманатов. На следующий год Стадухин отправился в Охотск, оставив в зимовье четырех человек. Когда Стадухин с дружиной ушли, то пришли в эти места два рода оленных тунгусов, а именно Ujegani и Dolgani. Они вступили в борьбу с ламутами, и Ямское зимовье было превращено в пепел, а четверо, оставшихся из дружины Стадухина, были убиты.

На следующий год пришли коряки на 80 байдарках с намерением поселиться среди ламутов, но они встретили энергичный отпор со стороны ламутского Njung Djemdiekan'a у Тонгорского мыса, так что только шести байдарам удалось спастись бегством. Получив такой отпор, коряки некоторое время не осмеливались нападать на ламутов, а эти держали корякских аманатов.

Ямский острог был построен в 1739 г. Кондратьевым, присланным из Якутска. Вскоре после этого были обложены ясаком два рода оленных тунгусов, в чем существенную помощь оказал ламутский Njung Vabin из рода Kutana.

Атикле-кошка, по которой шел наш путь. Река Уйилиа имеет свой исток из горной цепи, откуда имеет исток и Асиглан. Напротив в бухте Кинна имеется мель, или так называемая Талик Кини. Недалеко Покаткин — корякский острог, затем мыс Обульчи, на северо-запад мыс

Ульча, дальше мыс Нукчан-Дёрин, на северо-восток Талапъенгета, и дальше на юго-восток от него Олавинский мыс.

12 февраля в три часа пополудни оставили юрты и прошли через залив Ола, затем вверх по реке Тиатильбар (?). Дальше пошли через горную цепь, а потом через тундру.

Каяла Ончан озеро величиной в $1\frac{1}{2}$ дня пути по окружности. Из него вытекает ручей Каяла с левой стороны и впадает в залив Олу. Здесь стойбища оленных тунгусов. Отсюда покинул я тундру и отправился через лес и взшел на гору Нукчан-Унин, где проходит граница между землей коряков и ламутов. Река Нукчан вытекает с юга вместе с рекой Киль. У устья Нукчана растут разные деревья, в частности тополя, из которых коряки делают свои байдары. Затем дорога шла через бухту Кинна, прямо к корякскому острогу Покаткин, который получил свое имя от формы берега. От острога я поднялся на высокий берег и прошел к калтусу³.

Река Асиглан, на правом берегу которой зимние жилища коряков.

24 февраля мы ушли из юрт и поехали в Покаткин, а оттуда вдоль берега бухты Кинна.

Калымча — маленький ручей, который течет из горной цепи Олавина, из нее же вытекает Вакинг ручей. Ататикко-Коймина река, возле нее мыс, который лежит напротив мыса Ульча. В 10 часов вечера приехали к корякам. От р. Ататикко-Коймина на расстоянии одного дня пути лежит Коланчин мыс, по-русски — Олавинский мыс. От него ехали вдоль берега Пенжинского моря.

Уягина-Войем, по-русски — Асиглан, река на расстоянии $\frac{1}{2}$ дня пути от мыса Чиналча, вытекает вместе с рекой Уйилиа и Агниотала-Войем-пия из горной цепи. Река Агниотала впадает в Яму с правой стороны. Едем вниз по Асиглану. Река Чивага впадает в Асиглан с правой стороны на расстоянии полдня пути от истока р. Асиглана. Река Кубаккан впадает в Асиглан с левой стороны на расстоянии полдня пути от истока р. Асиглан. Р. Ярких впадает с правой стороны в Асиглан на расстоянии одного дня пути от истока Асиглана. У устья р. Ярких находятся зимние юрты князя Теллика.

От Асиглана ехали вдоль берега Пенжинского моря. Маленькая бухта Янгвийочун в полдня пути или 10 верстах от истока Асиглана. В нее впадает источник, где средние коряки имеют зимние жилища.

1743, 21 февраля в 8 часов утра от корякского князя Теллика поднялись и прошли следующие местности:

Река Эвлунгаги, вдоль нее шли вверх. Дальше путь шел по тундре. Река Аувкинега, исток которой расположен к северу — в горной цепи. Здесь в нее впадает с правой стороны ручей — без имени — тут я ночевал. 22 февраля следовал дальше вдоль Пенжинского моря.

Уйван — маленькая бухта, в нее впадает с севера источник из горной цепи. Здесь коряки охотятся на тюленей. Переехали через эту бухту.

В упомянутой выше бухте Янгвийочун заехали к князю Лукичу. Сильный ветер превратился в шторм, длившийся до 2 марта. У князя

обострилась старая болезнь. Потом ему стало лучше. 2 марта шторм утих. Мы предприняли путешествие в Ямский острог 3 марта. Ехали вдоль берега Пенжинского моря, мыс Опокач был на юго-восток.

Лангелвал бухта, у которой жилища средних коряков. Здесь я видел мыс Опокач на ВЮВ.

Бабушка-ручей — источник, который течет из горной цепи Бабушка, или Энолкан. В его устье мыс и р. Уйван ЮЮЗ и Опокач мыс ЮВ+В; между упомянутой бухтой и устьем Бабушка-ручей имеется маленькая полоска земли или дресва. Ехали вверх по упомянутому ручью.

Энолкан-говган, по-русски — Бабушка-камень. Этот камень, или гора, носит имя якобы от шаманки Энолка, которая имела здесь свое местопребывание. Коряки рассказывают, что если кто хочет из них пройти мимо этого камня, тот должен приносить жертву. Шаманке были важны не только почести при жизни, но она приказала делать это и после ее смерти. Чтобы укрепить в коряках еще больше суеверия, шаманка объявила, что она вошла в пещеру там в горах, чтобы умереть, но ее тело не должны сжигать, а если это сделают, то в этих горах будет постоянная буря и с тем, кто там не приносит жертвы, случится несчастье. Этот приказ коряки выполняют до сегодняшнего дня.

Когда я поднялся на вершину горы (камня), я нашел кучу всякой всячины, а именно луки и стрелы, китайку, иголки, а также кусочки кожи. Это напоминает обычай якутов, которые тоже имеют горы, из которых две реки берут начало; когда они должны пройти мимо них, то отрезают часть волос от хвоста лошади и привязывают их к дереву.

Вероятно, все рассказанное о шаманке Энолка ложь, потому что коряки, которые живут в местности, где нет никакого леса, имеют обыкновение хоронить своих покойников в пещерах гор. На обратном пути я пошел в пещеру, где якобы умерла шаманка, чтобы найти ее кости, но я ничего там не нашел.

Я должен доложить благосклонному читателю, что эти горы здесь самые низкие, и уже много раз пытались найти другой путь в Тауйский острог, но не могли найти никакой лучшей дороги, кроме как дорогу, которую используют оленные тунгусы, а именно от Олы до ее истока, где они Коримские горы оставляют справа, а от них они идут вдоль тундры до р. Каленчуги, которая с правой стороны впадает в Яму, затем вдоль Каленчуги около пяти верст. Вообще путь от Тауйского до Ямского острога можно совершить в семь дней, но от устья Олы до Ямского острога на этом пути нельзя встретить людей. Хотя горы здесь низкие, но местность тем не менее опасна, потому что при северном ветре, когда едешь от Ямы, и при южном ветре, когда едешь в Яму, можно легко погибнуть. Были такие люди, которые это не учли и погибли. Об этом имеется сообщение, как пять лет назад пять коряков были подняты ветром, сброшены с дороги и раздавлены между камнями. Самым страшным на этом пути является высота и отсутствие всякой растительности — ни дерева, ни куста на пути. Поэтому коряки срезают немного тонких деревьев и веток, чтобы подвязать их под нарты, и везут их с со-

бой, а сами же надевают буслики. Последние представляют собой своего рода лыжи, которые снизу имеют каждая по два маленьких костяных или железных шипа. Кроме того, снег в этих горах сплошной убой и всюду заструги или снежные ямы глубиной в человеческий рост. Чтобы переправиться через эти горы, нужно ожидать хорошей погоды; если же на той вершине показывается облачко, словно шапочка, тогда путешественник должен остаться на том месте, где он есть.

Еще я должен упомянуть, что этот камень Энолкан соприкасается с горами, которые справа от Лены. Оставил я камень Энолкан и прибыл к истоку р. Ленеэль, последнюю прошел я вниз по течению. Здесь, на левом берегу, переночевал. 4 марта последовал вниз по этой реке.

Аттиниман — тундра. Здесь мы оставили реку Ленеэль, которая впадает в Пенжинское море. Эта тундра имеет 300 верст в окружности. На ней ничего не растет, кроме маленьких деревьев по рекам. Вдоль тундры я еду до Лууникта-камень, — слева объезжаю его подошву.

Березовский мыс у упомянутой тундры, проехал его и поехал дальше по той же тундре. Через кустарники прошел до Ямского острога, который с правой стороны р. Ямы был построен в 1739 г. Укрепление последнего из штакетов на четыре угла к югу с двумя башнями, к северу — ворота с бойницей. Эти укрепления в окружности составляют 70 сажень. В этом остроге имеется часовня, яшашная изба и четыре других государственных дома, в которых живут шесть служивых. По моему мнению, этот острог можно было укрепить другим способом и надежнее, так как низкие штакеты, которые помещены на большой окружности, от сильных метелей оказываются покрытыми снегом в течение всей зимы, так что через них можно беспрепятственно перешагнуть, не могут считаться укреплением. При моем приезде я нашел служивых голодными — три дня они ничего не ели; также они подтвердили, что и в Акланском остроге большой голод. Поэтому я должен был приостановить дальнейшее мое путешествие и принял меры, чтобы вызволить из беды служивых Ямского острога. Послал потому князца Лукича к средним корякам, чтобы привезти оттуда китового и тюленьего мяса, а сам между тем распределил между голодающими часть своих запасов.

Устные сообщения, полученные в Ямском остроге 5 марта 1743 г.

От ручья Бабушка берег поворачивает на восток. Кенматанг, маленькая и мелкая бухта приблизительно 85 верст от Бабушка-ручей. В эту бухту впадает маленький ручей Ленскийёл, вдоль которого коряки ехали на своих байдарках до его истока 10 верст, отсюда через тундру Аттиниман пять верст до озера Пёгатин, которое имеет в окружности четыре версты. От него затем переносят коряки байдары через тундру шесть верст и достигают озера Наулкатин, которое с севера на юг имеет длину шесть верст, а в ширину две версты. Из него вытекает ручей Кугол, вдоль которого достигают Ямской бухты через 30 верст.

Опокач — мыс, о котором раньше упомянуто, в 20 верстах от залива Кулингня, отсюда поворачивает берег Пенжинского моря на север.

Кояете — река — полдня пути от реки Тималики, или 15 верст, отсюда берег поворачивает на северо-восток.

Пеянаткин — большой мыс, здесь якобы находится большое улово⁴.

Чаян — мыс, полдня пути от Пеянаткина, или 16 верст. Здесь имеется улово против мыса.

Катермимаг, от этого дальше на восток имеется талик⁵ — Bittijil, у которого также улово. Дальше от него на расстоянии одного дня пути опять талик, где имеется большая пучина⁶.

Мейнилли — большой талик от мыса Гинтавна, который будет следовать на расстоянии 40 верст. Следует упомянуть, что эти талики все голые и высоко выступают из воды. Можно всех их и все пучины видеть от устья Ямы, и стоят они все напротив последнего.

Гиттигилан — река в полдня пути, или 12 верст от мыса Япон и р. Капккичу. Здесь ловят рыбу.

Устные сведения о р. Яме и тех речках, которые в нее впадают

(Как далеко расположено одно место от других, я буду указывать в верстах. 6 марта 1743 г.)

Яма — река, по-корякски Яма-Войем, имеет исток к западу из гор Энолкан, как об этом было сказано выше.

Ямский острог на правом берегу в восьми верстах от р. Каленчуга.

Теллию — протока с левой стороны от истока Ямы.

Уст-Яма река в четырех верстах от верхнего устья Теллию-протока. Остров, который лежит между рекой Ямой и Теллию-протока, называется Улинатки. На этом острове находятся юрты ямских коряков.

Яма и Теллию-протока впадают в залив Кинмаанкка, который в округности имеет около 70 верст. В залив Кинмаанкка впадает с северо-запада р. Куыл. С юго-запада в залив впадают три маленьких реки — Укктая, Цоая, Атанзём. В середине имеется маленький остров.

Эннеткин — мыс в полдня пути, или 12 верст, от реки Маккаче.

Аэрар, или Ираг — губа в полдня пути, или 10 верст, от вышеупомянутой. В нее впадает ручей того же имени. От Ямского острога до этих пор на собаках можно проехать за один день.

Таткама — река — один день пути от вышеупомянутого истока по суше на собаках и по воде на байдарках.

Река Гелвигае находится на расстоянии шести верст от р. Таткама, р. Гугуля — на расстоянии 24 верст от р. Гелвигае. Кичиван — мыс, очень близко к реке Гугуля. Здесь добывают коричневую и красную землю, из которой делают краску. От этого мыса берег поворачивает к северу. Кананига — култук в полдня пути, или 10 верст, от мыса Левуч.

Канален — мыс в одном дне пути, или 39 верстах, от култука Кананига. Отсюда берег поворачивает на запад. Вилига — река в полдня пу-

ти, или в 13 верстах, от прилуга⁷ Келиги. Исток в девяти днях пути от гор. Здесь кончаются высокие горы, или так называемые утесы, которые тянутся вдоль реки, и местность, как говорят, от Вилиги до реки Дидиги низкая и безлесная. Берега Вилиги тянутся якобы к востоку.

Таватома — река в одном дне пути, или 20 верст, от р. Вилиги.

Наяхона — река в двух днях пути, или 50 верст, от р. Таватома.

Тойносна — острог в одном дне пути, или 20 верст от р. Наяхона. Это корякский острог. Около впадает р. Тоносова.

Дидиги, или Гижига, — река, два дня пути, или 50 верст, от р. Тойносова. Имеет исток вместе с рекой Парен из гор. От Гижиги начинается большой мыс Тайгонос, откуда видна земля Камчатка. На мысе Тайгонос находятся коряки, которые не платят ясак.

Парен — река, шесть дней пути пешком через Тайгонос, или 150 верст от р. Гижиги. Имеет исток с гор вместе с р. Акилян, оба истока на расстоянии шести дней пути друг от друга.

Пенжина — река, четыре дня пути от р. Егача, или 72 версты. Исток вместе с истоком р. Майн, впадающей в Анадырь с правой стороны.

В Пенжину вниз по течению впадают: Кузмина — река с левой стороны в четырех днях пути от истока. Аклан — река с правой стороны в двух днях пути от истока Пенжины. Вытекает из горной цепи вместе с рекой Омолон, которая впадает с правой стороны в Колыму. В Колыму же впадает вниз по течению с левой стороны река Кондрева в пяти днях пути от истока Аклана, который находится между истоками рр. Черной и Гегески.

Акланский острог был основан в 1741 г. по приказанию охотского начальника у устья р. Аклана. Иван Енисейский до последнего времени показывал, что он приводил в повиновение коряков у Тайгоноса. От острога устье Пенжины в 30 верстах. От устья Пенжины поворачивает берег до следующей реки на юго-восток.

Таловка — река, один день пути, или 25 верст, от вышеупомянутого истока. Из горной цепи Баранина вытекают следующие реки: Майна река, которая на востоке впадает в бухту Карагина. До нее шесть дней пути на собаках. Голая — река, один день пути, или 20 верст от р. Майна. Мамеча — река, один день пути, или 24 версты от р. Голой. Некан — река, один день пути, или 25 верст от р. Мамеча. Пустая река, два дня пути, или 40 верст от р. Некан. Против устья р. Пустая в Пенжинском море маленький остров. Подкагирная река, три дня пути, или 70 верст от р. Пустая, является границей между камчадалами и коряками. От этой реки (Подкагирной) с западной стороны, а с восточной до реки Ука живут вдоль берега земли Камчатки — камчадалы. Ниже устья Подкагирной напротив Тайгоноса в заливе Пенжинского моря имеется остров Тайгучин, по-русски — Грешный остров, который лежит в 15 верстах от берега.

Земля коряков берет начало с западной стороны горной цепи Нукчан-Дёрин, или Нукчан-Унин, и простирается на север до горной цепи Дёдяк и кончается часть ее у Пенжинского моря под именем Энолкан,

или по-русски — Бабушка-камень. Коряки у Асиглана и Янгвийочуна используют эту страну к своей выгоде. В тундре же, которая между горной цепью Дёдяк и горной цепью Коримки, живут два рода оленных тунгусов — Долган и Удаган.

От истока Ямы тянется горная цепь Дёдяк дальше на северо-восток и соединяется с горной цепью Баранина у истоков рр. Омолон и Аклан.

Поселения коряков находятся на реке Асиглан до Янгвийочуна, где живут средние коряки. Живущие на реках Яма, Тахтаян, Тумана, Вилига, Таватома, Наяхона, Тайносова, Ишига (Гижига), на мысе Тайгонос — это те, которые до настоящего времени не платят полного ясака. От Гижиги далее живут пешие и оленные коряки на реках Парен, Егача, Аклан, Пенжина, Таловка, Голая, Мамеча, Некан, Пустая и Подкагирная, то есть на западном берегу Камчатки, а на восточном — по побережью бухты Карагина и на реках Панкара, Карага, Тумлата, Илпинская, Говенка, Олутора и Апука (Опука) — живут те, которые от Асиглана до Гижиги платят ясак в Ямском остроге, остальные же платят ясак в Аклане, Анадыре и в Нижне-Камчатском остроге и уплачивают его лисицами, парками, куклянками, мавотами (арканами, которыми ловят оленей.— З. Т.) и китовым усом.

24 марта выехал из Тауйского острога и прибыл в Омохтон, где переночевал у ламутов. Здесь я имел случай познакомиться с праздником ламутов в связи с переселением из зимних жилищ в летние. Праздник называется Унин. На следующий день они переселились в свои юрты, но сначала все собрались у шамана, который выходит из своей юрты и бьет в бубен, а другие следуют за ним. Шаман заходит к каждому из них и камлает там, за что получает подарки, которые называются Анивон. Когда шаман побывал у всех, он возвращается в свою юрту и камлает там. Между тем убивают собаку, сдирают с нее шкуру, голову насаживают на кол, а мясо жарят, его съедает шаман после своего камлания, и на том праздник кончается.

25 марта я выехал из Омохтона и поехал прежней дорогой через бухту Матиклей, вдоль реки Коритая.

28 марта прибыл к реке Шикша.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кошка — коса, или отмель грядю, обнажаемая отливом.— См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка.— М., 1955, т. 2, с. 182.

² Кипрей — растение, копорская трава, иван-чай.— Там же, с. 108.

³ Калтус — *сиб.* топь, болото.— Там же, с. 79.

⁴ Улово и уловы — *сиб.* круговое течение на быстрых реках, которое роет под собой омут от ударов в берег; пучина, водоворот.— Там же, т. 4, с. 487.

⁵ Талик — участок оттаявшей почвы в зоне вечной мерзлоты.— См.: Словарь русского языка.— М., 1961, т. 4, с. 459.

⁶ Пучина — водная глубь, бездна, глубокий провал в болоте, топь.— См.: Словарь современного русского языка.— М.; Л., 1961, с. 760.

⁷ Прилуг — степной кряж вдоль реки, между которым и рекой находится низменность.— См.: Даль В. И. Указ. работа, т. 3, с. 423.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Описание якутов. Материалы, собранные с 1741 по 1745 г.	17
Описание пеших тунгусов, или так называемых ламутов, в Охотске. 1742	53
Описание тунгусов, которые живут у Удского острога.. 1744—1745 гг.	77
Описание коряков, их нравов и обычаев по личным наблюдениям автора и по сведениям, полученным от других. 1743	102
Описание бурят, или так называемых братских, которое собрано в 1745 г. в путешествии от Качуга к Байкалу, а также о кыштымских и барабинских татарах	136
Собрание исторических сведений о юкагирах	154
Ответы Я. Линденау на вопросы, посланные им в канцелярию Охотского порта	157
От тауйской ясашной избы против требования господина переводчика Якова Линденау ответствования	159
Географическое описание реки Анадыра и в ней впадающих речек и ручьев и о чукчи, где они находятся и их местах кочевания и нападения их на российских людей и ясашных коряк, яковых бысть оное образом следует ниже сего, а о расстоянии местном изчислением верст подлинного известия поныне не имеетца, но по скаскам езды собаками и оленьми показуется, и где езды один день обретається, тамо можно числить за тридцать верст	160
Устные известия о реках Анадыре, Колыме, Алазее, Индигирке и о прочих реках, которые в них впадают, об острогах и о народах, на этих реках живущих. Охотск, 1741	166
Описание путешествия из Охотска до Ямского острога. 1742	168

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Яков Иванович Линденау

ОПИСАНИЕ НАРОДОВ СИБИРИ. (Первая половина XVIII века)
Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока

Редактор Л. Н. Ягунова
Художник В. П. Иваненко
Художественный редактор Ю. А. Коровкин
Технический редактор В. В. Плоская
Корректор Г. А. Козеева

ИБ 00386

Сдано в набор 26.07.82 г. Подписано к печати 14.03.83 г. АХ—02460. Формат 70×90/16. Бум. тип. № 1. Литературная гарн. Высокая печать. Объем 12,87 усл. п. л., 13,16 усл. кр.-отг., 13,16 уч.-изд. л. Тираж 10 000. Заказ 572. Цена 70 коп. Магаданское книжное издательство, 685000, Магадан, пр. Ленина, 2. Магаданская областная типография Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Магаданского облисполкома, 685000, Магадан, пл. Горького, 9